

ОПИСАНО

БИБЛИОТЕКА ЭКОНОМИСТОВЪ.

M 21

Т.-Р. МАЛЬТУСЪ.

×

ОПЫТЪ ЗАКОНА О НАРОДОНАСЕЛЕНИИ.

Переводъ И. А. Вернера.

Издание К. Т. Солдатенкова.

3694

5257

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

Цена 1 руб.

ВЫПУСКЪ III.

МОСКВА.

Тисо-литографія О. И. Лашковичъ и К^о. Тверская, домъ Саввинскаго подворья
1895

Мальтусъ.

Т.-Р. МАЛЬТУСЪ.

БИБЛІОТЕКА ЕКОНОМИСТОВЪ.

РЕДАКЦІЯ: *М. Щепкинъ.—И. Вернеръ.*

ВЫШЛИ:

Адамъ Смитъ.

Давидъ Рикардо.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Джонъ Стюартъ Милль.

Іеремія Бентамъ.

Давидъ Юмъ.

Предисловіе.

Предпринявъ сокращенное изданіе произведеній болѣе извѣстныхъ экономистовъ по плану, который былъ подробно изложенъ въ первомъ выпускѣ, мы не сочли возможнымъ отказаться отъ изданія предлагаемаго здѣсь знаменитаго произведенія Мальтуса, не смотря на распространенное мнѣніе, что оно съ пользою можетъ быть прочтено только лицами, достаточно знакомыми съ общественными науками, а потому могущими отнестись критически къ подавляющей аргументаціи автора. Включая Мальтуса въ серію нашихъ изданій, мы основывались, съ одной стороны, на большемъ довѣрїи къ критическому пониманію нашихъ читателей, съ другой стороны—на томъ соображеніи, что одно только ожиданіе предполагаемой опасности не даетъ еще права замалчивать столь крупное произведеніе, по поводу котораго возникла громадная литература. Справедливость требуетъ содѣйствовать тому, чтобы предубѣжденіе, установившееся противъ этого произведенія на основаніи полного незнакомства съ нимъ, замѣнилось сознательнымъ пониманіемъ его недостатковъ, вмѣстѣ съ признаніемъ его выдающихся достоинствъ. Только такимъ путемъ можно дости-

гнуть того, чтобы знаменитая теорія Мальтуса заняла подобающее ей мѣсто при изученіи общественныхъ наукъ, не порождая съ одной стороны безъотчетнаго отвращенія, съ другой—безсмысленнаго приложенія къ условіямъ практической жизни.

Сокращенное изданіе Гильомена, принятое нами, какъ основаніе для всей предполагаемой серіи выпусковъ, въ этой книгѣ нѣсколько видоизмѣнено. Мы сочли необходимымъ добавить нѣкоторыя главы, опущенныя у Гильомена, а изъ введенія Молинали, казавшагося намъ совершенно не отвѣчающимъ своему назначенію и направленнаго въ защиту не всегда справедливыхъ положеній, мы заимствовали лишь нѣкоторыя біографическія подробности. Остальныя части введенія составлены вновь.

М. Щепкинъ.—И. Вернеръ.

Оглавление:

	<i>Стр.</i>
Введение	I
Предисловіе автора ко 2-му изданію	1
Предисловіе автора къ 5-му изданію	6
I. Изложеніе предмета. Отношеніе между размноженіемъ населенія и возрастаніемъ количества пропитанія	9
II. Общія препятствія, задерживающія размноженіе населенія и способъ ихъ воздѣйствія	21
III. Системы равенства	36
Выселенія	49
Законы о бѣдныхъ и заработная плата	54
IV. О надеждѣ, которую можно возлагать на будущее относительно издѣленія или смягченія бѣдствій, порождаемыхъ закономъ народонаселенія	67
V. О вліяніи на общество нравственаго обузданія	81
VI. О единственномъ, находящемся въ нашемъ распоряженіи, средствѣ для улучшенія участи бѣдныхъ	94
VII. Какое вліяніе на гражданскую свободу оказываетъ знакомство съ главной причиною бѣдности	106
VIII. Продолженіе о томъ-же (1817 г.)	117
IX. О постепенной отмѣнѣ законодательства о бѣдныхъ	124
X. Какими способами можно содѣйствовать разъясненію заблужденій относительно народонаселенія	135
XI. О направленіи нашей благотворительности	144
XII. Изслѣдованіе проектовъ, предложенныхъ для улучшенія участи бѣдныхъ	158
XIII. О необходимости установить общіе принципы въ вопросѣ объ улучшеніи участи бѣдныхъ	171

	<i>Стр.</i>
XIV. О надеждахъ, которыя мы можемъ питать относительно улучшенія общественнаго устройства	191
XV. Ученіе, изложенное въ этомъ сочиненіи, не противорѣ- чить законамъ природы; оно имѣеть въ виду вызвать здоровое и крѣпкое населеніе и такое его размноже- ніе, которое не влекло-бы за собою порока и нищеты	203
О правѣ бѣдныхъ на прокормленіе	213
XVII. Опроверженіе возраженій	232
Заключеніе	245

ЖИЗНЬ и ТРУДЫ МАЛЬТУСА.

Семья Мальтусовъ постоянно жила въ Суррейскомъ графствѣ, въ собственномъ небольшомъ имѣніи Рукери, расположенномъ въ красивой мѣстности, по дорогѣ между Доркингомъ и Гильдфордомъ. Здѣсь, 14 февраля 1766 года, родился Томасъ-Робертъ Мальтусъ, впоследствии членъ Лондонскаго Королевскаго Общества, профессоръ исторіи и политической экономіи въ Коллегіи Остъ-Индской Компаніи, одинъ изъ пяти иностранныхъ членовъ Парижской Академіи нравственныхъ наукъ и столь-же извѣстный представитель экономической науки, какъ его современники и соотечественники, Ад. Смитъ и Д. Рикардо.

Его отецъ, Даніель Мальтусъ, воспитывался въ Оксфордскомъ университетѣ и слылъ очень образованнымъ человѣкомъ. Онъ былъ сторонникомъ философіи и политическихъ теорій восемнадцатаго вѣка, съ наиболѣе видными представителями которыхъ былъ лично знакомъ и находился въ постоянной перепискѣ; Д. Юмъ и Ж. Ж. Руссо счита-

лись его лучшими друзьями и навѣщали его иногда въ Рукери.

Слѣдую системѣ Руссо, Даніель Мальтусъ предоставилъ двумъ своимъ сыновьямъ до десятилѣтняго возраста полнѣйшую свободу, благодаря чему ихъ дѣтство протекло среди природы, въ общеніи съ окружающими сельскими жителями, дѣти которыхъ были постоянными товарищами игръ молодого Томаса. Оттеръ, первый біографъ Мальтуса, порицаетъ эту „неправильную систему воспитанія“, но нужно думать, что именно она обусловила тѣ физическія и нравственныя особенности, которыя отличали Мальтуса во всю его жизнь: онъ обладалъ желѣзнымъ здоровьемъ, ловкостью во всякихъ физическихъ упражненіяхъ, неутомимостью и стойкостью въ работѣ, простотою въ обращеніи и умѣньемъ сходиться съ людьми.

Въ 1776 году, когда Томасу исполнилось десять лѣтъ, отецъ рѣшилъ заняться подготовленіемъ сына къ духовной карьерѣ, къ которой онъ предназначался въ слѣдствіе того, что, по законамъ страны, все родовое недвижимое имущество должно было перейти во владѣніе его старшаго брата. Обладая рѣдкою честностью и послѣдовательностью въ своихъ поступкахъ и воззрѣніяхъ, Даніель Мальтусъ хотѣлъ сдѣлать изъ своего сына не сухого догматика, а убѣжденнаго, любящаго религію пастыря, а потому лично не рѣшался заняться его образованіемъ. Передавая старшему сыну все свое

имущество, онъ считалъ своею обязанностью дать младшему наилучшее образованіе, не останавливаясь при этомъ передъ матеріальными пожертвованіями. Въ слѣдствіе этого воспитаніе Томаса было поручено Ричарду Гравесу, Клавертонскому ректору въ Батѣ и автору „Духовнаго Донъ-Кихота“, который подготовилъ своего ученика ко вступленію въ Варингтонскую академію, въ Ланкаширѣ. Затѣмъ, когда это учебное заведеніе было упразднено, образованіемъ Томаса занялся пользовавшійся громкой педагогической извѣстностью Георгъ Вакефильдъ, при содѣйствіи котораго Мальтусъ прошелъ весь курсъ, необходимый для вступленія въ Коллегію Исуса въ Кембриджѣ, гдѣ онъ пробылъ съ 1784 по 1788 г. По окончаніи курса въ этомъ учебномъ заведеніи, Мальтусъ въ 1789 году вступилъ въ духовное званіе и возвратился въ Рукери, гдѣ онъ посвятилъ все свое время научнымъ занятіямъ и исполненію обязанностей священника въ сосѣднемъ приходѣ Альбюри.

Намъ неизвѣстны въ точности религіозныя воззрѣнія Томаса Мальтуса, но то, что мы знаемъ о его дѣятельности и научныхъ трудахъ, доказываетъ намъ, что вниманіе молодого священника приковывали не внѣшнія формы христіанской религіи, не распространенные въ то время богословскіе споры, не мысль о загробной жизни, а вопросы общественные и заботы о земномъ счастьи людей, которые онъ старался согласовать съ тре-

бованіями релігії. Наскільки це послѣднее усло-
віе ему удалось виконати, видно изъ того, что
„Опытъ закона о народонаселеніи“ былъ въ 1856 г.
внесенъ священною конгрегаціею въ списокъ вос-
прещенныхъ книгъ и одинъ изъ тогдашнихъ про-
повѣдниковъ предавалъ анафемѣ приверженцевъ
Мальтусава ученія, „которое, лишая заразъ госу-
дарство — его гражданъ, церковь — вѣрующихъ и
небо — праведныхъ, грѣшитъ противъ общества, про-
тивъ міра и противъ неба и борется съ Самимъ
Богомъ, не допуская появленія на свѣтъ людей,
предназначенныхъ Имъ къ рожденію и губя души,
спасенныя Его милосердіемъ“.

Вступленіе Мальтуса на самостоятельное жиз-
ненное поприще совпало съ началомъ французской
революціи, явившейся результатомъ существовав-
шихъ тогда экономическихъ условій, а также за-
долго до того возникшихъ политическихъ теорій,
требовавшихъ радикальнаго измѣненія всего обще-
ственного строя. Сдѣланныя во Франціи попытки
практическаго осуществленія этихъ теорій произ-
вели глубокое впечатлѣніе на англійское общество,
также переживавшее тяжелыя минуты. Это было
время возникновенія крупной промышленности, для
которой открывалось широкое поле дѣятельности,
благодаря изобрѣтеніямъ Уатта, Аркрайта, Гар-
грэва, Кромптона, открытію на сѣверѣ Англій бо-
гатѣйшихъ залежей желѣза и каменнаго угля и
начатымъ инженеромъ Бриндлеемъ работамъ по

прорытію канала между Ливерпулемъ и Манчестеромъ. Подъ вліяніемъ этихъ важныхъ перемѣнъ въ условіяхъ производства, англійская промышленность въ теченіи 50 лѣтъ возрасла съ 13 до 43 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, при чемъ дальнѣйшее ея возрастаніе, очевидно, должно было идти въ несравненно большей прогрессіи. Но на ряду съ этимъ расцвѣтомъ промышленности въ положеніи рабочихъ классовъ проявились тревожные, угрожающіе признаки. Внезапныя измѣненія въ техническихъ условіяхъ производства неминуемо должны были произвести важный переворотъ въ жизни рабочихъ, изъ которыхъ одна часть была замѣнена машинами, а другая оказалась или слишкомъ инертною, или слишкомъ старою, чтобы тотчасъ усвоить новые приемы производства; послѣдствіемъ такого положенія вещей оказалось громадное количество лицъ, оставшихся безъ работы или получающихъ меньше противъ прежняго вознагражденіе. Если къ этому прибавить, что запретительная система относительно предметовъ первой необходимости вызвала въ то время чрезвычайную дороговизну,—станетъ понятнымъ необычайное возрастаніе лицъ, прибѣгавшихъ къ общественной благотворительности: установленный Елизаветою налогъ въ пользу этихъ лицъ, взимавшійся въ 1776 году въ размѣрѣ 1.700.000 фунтовъ стерлинговъ, къ 1783 г. возросъ до 2.200.000 фунтовъ, а къ 1801 г.—до 5.400.000 фунтовъ.

Такое быстрое возрастаніе пауперизма вызвало сильное возбужденіе среди рабочихъ классовъ и было причиною возникновенія всевозможныхъ проектовъ, направленныхъ къ устраненію нарождающихся бѣдствій, причина которыхъ не была еще ясно сознаана. Не имѣя возможности опереться на сколько нибудь достовѣрныя свѣдѣнія, составители этихъ проектовъ руководились главнымъ образомъ горячимъ сочувствіемъ къ человѣческимъ страданіямъ; во имя этого сочувствія они нетерпѣливо требовали скорѣйшаго примѣненія различныхъ реформъ, которыя, по ихъ мнѣнію, должны были тотчасъ-же и непосредственно излѣчить общество отъ всѣхъ его бѣдствій.

Разразившаяся въ это время во Франціи революція пробудила среди недовольныхъ и реформаторовъ новыя надежды и внушила имъ увѣренность, что съ упраздненіемъ прежняго порядка управленія всюду должна установиться новая эра свободы, мира и всеобщаго счастья. Человѣкъ по природѣ свободенъ отъ недостатковъ и способенъ къ безконечному совершенствованію; обнаруживающіяся неравенства, несчастія и пороки являются слѣдствіемъ дурныхъ учрежденій, съ отмѣною которыхъ сами собою прекратятся всѣ несчастія и рабочимъ достаточно будетъ ежедневно отдавать одинъ часъ своего труда для полнаго удовлетворенія всѣхъ потребностей семьи, — вотъ сущность распространенныхъ въ то время теорій, яркимъ и талантлив-

вымъ представителемъ которыхъ былъ Годвинъ, авторъ трактатовъ о „Политической справедливости“ и „О скудости и расточительности“.

Но вскорѣ всеобщее увлеченіе этими теоріями стало замѣняться среди обезпеченныхъ классовъ англійскаго общества чувствомъ безпокойства и опасенія за свои имущественныя права и преимущества. Представители этихъ классовъ, въ своемъ стремленіи противодѣйствовать всякимъ реформамъ, эксплуатировали излишества террора, точно также какъ нѣкогда сторонники реформъ эксплуатировали въ пользу своихъ теорій увлеченіе идеями французской революціи. „Размышленія по поводу французской революціи“, Эдмонда Бюрка, отвѣчало этому новому теченію общественной мысли. Но этотъ горячій протестъ противъ недостатковъ и излишествъ французской революціи не уничтожилъ въ корнѣ реформаціоннаго движенія; онъ былъ главнымъ образомъ направленъ противъ тѣхъ насильственныхъ дѣйствій, при помощи которыхъ установился во Франціи новый общественный порядокъ, а между тѣмъ сторонники реформъ, съ Годвиномъ во главѣ, сами отвергали эти насильственные дѣйствія, полагая, что идеальный строй общества можетъ утвердиться силою разума. Для поддержанія реакціоннаго направленія необходимо было доказать, что политическія реформы безцѣльны и что при помощи ихъ невозможно улучшить общественныя бѣдствія. Блестящее доказательство этого положенія англій-

ская реакція нашла въ произведеніи анонимнаго автора „Опыта закона о народонаселеніи“.

Томасъ Мальтусъ, поселившись въ 1789 г. въ помѣстьѣ отца, усердно занялся изученіемъ общественныхъ наукъ, при чемъ его вниманіе было привлечено въ особенности вопросомъ о возрастаніи народонаселенія. Этотъ вопросъ въ первой половинѣ восемнадцатаго вѣка былъ предметомъ многихъ изслѣдованій, но существовавшіе въ то время статистическіе матеріалы не давали возможности разрѣшить его въ достаточно удовлетворительномъ видѣ. Такъ Монтескьё, Валласъ и др. Прайсъ полагали, что быстрота размноженія чело- вѣчества постепенно уменьшается, Юмъ-же утверждалъ противоположное. Къ концу восемнадцатаго вѣка вопросъ сталъ нѣсколько разъясняться; народныя переписи въ Швеціи, изслѣдованія Зюсмилха и вычисленія Эйлера давали уже болѣе прочное основаніе для заключеній о степени возможнаго возрастанія народонаселенія, а обнародованныя свѣдѣнія о быстромъ размноженіи населенія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ-бы подтверждали предположеніе о чрезвычайной плодовитости чело- вѣческаго рода. Всѣ эти данныя, а также прямыя указанія Франклина и Тоунзенда на то, что всѣ организмы, при благоприятныхъ къ тому условіяхъ, стремятся къ безграничному размноженію, дали основаніе Мальтусу сдѣлать предположеніе о томъ, что современныя ему общественныя

бѣдствія являются слѣдствіемъ чрезмѣрнаго населенія и происходящей отъ того жестокой конкуренціи. Такое заключеніе являлось логическимъ выводомъ изъ имѣющихся у Мальтуса познаній относительно естественно-историческаго закона безграничности размноженія человѣческаго рода съ одной стороны и экономическаго закона, по которому цѣна труда, опредѣляемая отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ на него, можетъ падать ниже размѣра необходимыхъ потребностей семьи работника. Сопоставляя этотъ логическій выводъ изъ законовъ, казавшихся Мальтусу несомнѣнными, съ теоріями Кондорсе, Годвина и Оуэна, молодой ученый не могъ не придти къ заключенію, что эти теоріи являются лишь утопіями, вызванными горячимъ состраданіемъ къ бѣдствіямъ человѣческаго рода. Дѣлая свои подчасъ жестокіе выводы, Мальтусъ былъ совершенно искрененъ и обвиненія его противниковъ, будто вся его теорія составляетъ плодъ пристрастнаго желанія оказать поддержку реакціонерамъ и крупнымъ собственникамъ, по нашему, мнѣнію, не имѣетъ за собою никакого основанія. Вся жизнь Мальтуса, его личныя свойства, его общественное положеніе и принадлежность къ партіи виговъ, постоянно стремившихся къ осуществленію разумныхъ реформъ въ пользу низшихъ классовъ населенія, доказываютъ, что онъ не могъ быть сознательнымъ, а тѣмъ болѣе изъ-за личныхъ видовъ, врагомъ этихъ классовъ и что обнародованная имъ теорія

представляет искреннее и безпристрастное убѣждение ученаго, быть можетъ весьма опечаленнаго безнадежностью своихъ выводовъ.

Воззрѣнія Мальтуса не замедлили вызвать разногласіе между нимъ и почти всѣми его друзьями, не исключая отца, который до конца своей жизни оставался сторонникомъ реформаціоннаго движенія, такъ ярко обозначившагося съ начала восемнадцатаго вѣка. Это разногласіе не поколебало выводовъ молодого ученаго; оно лишь побуждало его къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ и къ отысканію новыхъ доказательствъ для подтвержденія своей правоты. Наконецъ, вновь вышедшее сочиненіе Годвина „О скупости и расточительности“, въ которомъ авторъ повторяетъ свою теорію о томъ, что всѣ общественныя бѣдствія являются слѣдствіемъ несовершенства и ошибокъ правительства, побудило Мальтуса обнародовать свои воззрѣнія, опровергающія теорію Годвина. Вышедшее въ 1798 г., безъ обозначенія имени автора, первое сочиненіе Мальтуса представляло небольшую брошюру, носившую полемическій характеръ и заключавшую сжатое изложеніе закона о народонаселеніи съ вытекающими изъ него выводами о томъ, что устраненіе нищеты, пороковъ и другихъ бѣдствій среди населенія можетъ быть достигнуто лишь при посредствѣ уменьшенія дальнѣйшаго возрастанія населенія, а отнюдь не при посредствѣ политическихъ реформъ или какихъ либо системъ всеобщаго

равенства, такъ какъ эти реформы и системы вызываютъ чрезмѣрное возрастаніе населенія, т. е. именно коренную причину бѣдствій.

Этотъ полемическій характеръ брошюры, а можетъ быть и молодое увлеченіе впервые такъ ясно формулированнымъ закономъ, были причиною того, что Мальтусъ съ безпощадною, жестокою послѣдовательностью дѣлалъ свои выводы изъ установленнаго закона и даже не останавливался передъ необходимостью пожертвовать тѣми несчастными существами, которыя невольно являлись нарушителями этого закона. „Человѣкъ, появившійся на свѣтъ, уже занятый другими людьми,—говорилъ Мальтусъ въ своей брошюрѣ,—если онъ не получилъ отъ родителей средствъ для существованія, на которыя онъ вправѣ разсчитывать, и если общество не нуждается въ его трудѣ, не имѣетъ никакого права требовать для себя какого нибудь пропитанія, ибо онъ совершенно лишній на этомъ свѣтѣ. На великомъ пиршествѣ природы для него нѣтъ прибора. Природа приказываетъ ему удалиться и, если онъ не можетъ прибѣгнуть къ состраданію кого-либо изъ пирующихъ, она сама принимаетъ мѣры къ тому, чтобы ея приказаніе было приведено въ исполненіе. Если-же пирующие стѣснять себя и уступать ему мѣсто за столомъ, тотчасъ-же появятся новые непрошенные гости и потребуютъ для себя той-же милости, ибо вѣсть о томъ, что за столомъ хватаетъ явствъ для вновь

пришедшихъ, тотчасъ распространится всюду. Порядокъ и гармонія пиршества будутъ вскорѣ нарушены, изобиліе, царившее прежде, замѣнится недостаткомъ и счастье пирующихъ омрачится зрѣлищемъ появившейся всюду нищеты и тягостными воплями новыхъ пришлецовъ, ненашедшихъ для себя пропитанія, на которое имъ дали основаніе разсчитывать. Тогда только, слишкомъ поздно, пирующие поймутъ, что они совершили ошибку, нарушивъ строгія правила, установленныя великою распорядительницею пиршества относительно непрошенныхъ гостей, тогда только они догадаются, что природа, заботясь о томъ, чтобы приглашенные были достаточно накормлены, и зная, что у нея нѣтъ явствъ для неограниченнаго числа гостей, изъ разумнаго человѣколюбія устранила вновь пришедшихъ, когда всѣ мѣста за столомъ были уже заняты“.

Въ этомъ первоначальномъ видѣ теорія Мальтуса носила чрезвычайно мрачный, пессимистическій характеръ и фатально обрекала человѣчество на постоянныя бѣдствія, ибо, если человѣческій родъ неизбежно размножается въ геометрической прогрессіи, а средства существованія—въ арифметической, то лишь такія разрушительныя препятствія, какъ нищета, болѣзни и преждевременная смерть способны временно возстановлять равновѣсіе между числомъ людей и количествомъ пищи и не только реформы правительственныхъ учреждений

или общественнаго строя, но и вообще никакія человѣческія дѣйствія или усилія не могутъ измѣнить къ лучшему судьбу людей. Эта теорія съ одной стороны снимала всякую отвѣтственность съ правящихъ классовъ за бѣдствія остальной части населенія, съ другой стороны не оставляла послѣднему никакой надежды на прочное улучшение въ будущемъ и дѣлала излишнимъ какое-бы то ни было преобразование общественнаго строя и его учреждений.

Легко понять какое впечатлѣніе должно было произвести появленіе подобнаго сочиненія почти въ самый разгаръ борьбы страстей, вызванныхъ французской революціей, которая взволновала всю Европу и повергла въ тревогу всѣ правительства. Оно было принято съ шумнымъ одобреніемъ всѣми, для кого сохраненіе существовавшаго порядка вещей было выгодно и вызвало негодованіе той части общества, которая помышляла объ улучшеніи участи низшихъ классовъ населенія путемъ различныхъ реформъ. Ошибки Мальтуса, какъ это обыкновенно бываетъ, не замедлили усилиться не въ мѣру ревностными послѣдователями, которые предложили тотчасъ-же примѣнить теорію Мальтуса къ практической жизни. Такъ, по словамъ Росси, одинъ современный Мальтусу филантропъ издалъ, подъ псевдонимомъ Маркуса, брошюру, въ которой предлагалъ подвергать всѣхъ новорожденныхъ дѣтей рабочихъ безболѣзненной смерти, а нѣмецкій пи-

сатель Вейнгольд отдавалъ предпочтеніе тому способу, при помощи котораго пріобрѣтались высокіе голоса для пѣвчихъ Сикстинской капеллы. Противники Мальтуса, съ другой стороны, дискредитировали его ученіе умышленными преувеличеніями и такимъ образомъ способствовали установленію за нимъ репутаціи врага человѣчества. Тѣ и другіе дѣйствовали въ этомъ направленіи столь успѣшно, что едва-ли не до послѣдняго времени названіе „мальтузіанецъ“ признается браннымъ словомъ.

Хотя ближайшимъ поводомъ для обнародованія перваго изданія „Опыта закона о народонаселеніи“ было желаніе опровергнуть ученіе Годвина, тѣмъ не менѣе Мальтусъ не имѣлъ въ виду написать политическій памфлетъ для достиженія временныхъ цѣлей какой-либо партіи, а относился къ своему сочиненію, какъ къ научному труду, предназначенному для уясненія истины. Поэтому чрезмѣрныя похвалы сторонниковъ и яростныя нападки противниковъ послужили Мальтусу лишь для уясненія того, что было ошибочнымъ или преувеличеннымъ въ его сочиненіи и онъ принялся снова за изученіе вопроса съ цѣлью исправить недостатки своего ученія. Онъ посѣтилъ Данію, Швейцарію, нѣкоторыя части Германіи, Швеціи, Норвегіи и Россіи, всюду собирая свѣдѣнія для освѣщенія вопроса о народонаселеніи и лично знакомясь съ условіями экономического быта населенія и организаціею филантропическихъ учреждений.

Результатомъ этихъ изслѣдованій было второе изданіе „Опыта“, появившееся въ 1803 году. Въ немъ Мальтусъ, сохранивъ прежнія основанія закона народонаселенія, подтвердилъ ихъ многими новыми данными, сгладилъ всѣ рѣзкости и излишества перваго изданія, добавилъ новые отдѣлы, изъ которыхъ важнѣйшимъ является отдѣлъ о предупредительныхъ препятствіяхъ, включая въ нихъ „нравственное обузданіе“ и подвергъ критикѣ англійскіе законы о бѣдныхъ. Всѣ эти измѣненія настолько существенны, что второе изданіе можно разсматривать какъ новое сочиненіе. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ измѣненномъ видѣ ученіе Мальтуса постоянно испытывало участь, которая едва-ли выпадала на долю какого-либо другого произведенія въ научной литературѣ. Со времени своего обнародованія и до нашихъ дней, оно вызывало съ одной стороны самыя горячія возраженія, ожесточенныя нападки и даже негодованіе, съ другой стороны оно пользовалось безусловнымъ признаніемъ и почтительнымъ удивленіемъ, обыкновенно воздаваемымъ величайшимъ произведеніямъ человѣческаго ума.

Такъ, Годвинъ въ 1818 году характеризуетъ Мальтуса какъ „мрачнаго и ужаснаго гения, готоваго погубить всѣ надежды человѣческаго рода. Если къ провозглашеннымъ имъ въ первомъ изданіи своей книги препятствіямъ къ размноженію народонаселенія, Мальтусъ прибавилъ еще одно, подъ именемъ нравственнаго обузданія, то это лишь

для того, чтобы успокоить возмущенных читателей. Тѣмъ не менѣе въ теченіи вотъ уже двадцати лѣтъ чувства англійскаго населенія грубѣютъ подъ вліяніемъ ученія Мальтуса. Я не могу предвидѣть, какое вліяніе окажетъ это ученіе на характеръ англійскаго народа, но глубоко убѣжденъ, что производимому имъ злу нужно возможно скорѣе положить предѣлъ. Въ теченіи двадцати лѣтъ пытаются увѣрить народъ, что нужно презирать человѣческія существа и въ особенности дѣтей. По словамъ ученія Мальтуса, идущая по улицѣ беременная женщина представляетъ поистинѣ тревожное зрѣлище, а отецъ многочисленной семьи, если онъ принадлежитъ къ низшему классу населенія, долженъ считаться въ нашихъ глазахъ гнуснымъ человѣкомъ“.

По словамъ Джемса Бонара, біографа и комментатора Мальтуса, авторъ „Опыта закона о народонаселеніи“ представляется „самою пагубною личностью своего вѣка. Даже самого Бонапарта нельзя назвать столь-же жестокимъ врагомъ человѣческаго рода. Онъ защищалъ оспу, рабство и дѣтоубійство; онъ порицалъ общественныя вспомошествованія и ранніе браки; онъ имѣлъ безстыдство жениться послѣ своей проповѣди, направленной противъ семьи; онъ признавалъ міръ настолько дурно устроеннымъ, что наилучшіе поступки неизбѣжно должны въ немъ производить величайшія бѣдствія; онъ лишилъ наше существованіе всякой поэзіи и

провозгласилъ жестокое правило на старую тему:—
суета суетствій, всяческая суета!“

По мнѣнію Прудона, произведенія Мальтуса,—
это „теорія убійства, якобы, изъ-за политическихъ
соображеній, изъ-за филантропіи, изъ-за любви
къ Богу. Мораль „мальтузіанцевъ“—это мораль
свиней! Грубость этого выраженія оправдывается
тѣмъ чувствомъ, которое невольно приходится
испытывать при воспоминаніи о приверженцахъ
нравственною обузданія, искажающихъ законы стыд-
ливости, пародирующихъ заповѣди и разсуждающихъ
о способахъ излѣченія народа отъ супружеской
скромности, и все это—во имя самозваннаго уче-
нія, которое было-бы позоромъ для науки, если-бы
не считалось позоромъ для нравственности!“

Съ другой стороны, послѣдователи Мальтуса при-
знаютъ его геніальнымъ мыслителемъ и среди его
безусловныхъ сторонниковъ можно назвать такія
извѣстныя имена, какъ Ж.-Б. Сэ, Де-Траси,
Джемсъ Милль, Макъ-Куллохъ, Сисмонди, Гарнье,
Дюшатель, Росси, Торнтонъ, Дж.-Ст. Милль, сло-
вомъ, почти всѣхъ экономистовъ манчестерской
школы.

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ второго изданія
„Опыта закона о народонаселеніи“, въ 1805 году
Мальтусъ былъ приглашенъ, по протекціи Питта,
профессоромъ исторіи и политической экономіи въ
коллегію Остъ-Индской Компаніи, въ Гейлебюри
близь Гертфорда, гдѣ онъ въ тоже время испол-

няль обязанности священнослужителя. Коллегія незадолго до того была основана директоромъ Остъ-Инской Компаніи для подготовленія молодыхъ людей къ службѣ въ учрежденіяхъ Компаніи; въ ней постоянно находилось до 40 учениковъ, проходившихъ въ коллегіи трехъ-лѣтній курсъ; въ классѣ Мальтуса постоянно было 12—14 слушателей.

Въ теченіе почти тридцатилѣтней службы въ Коллегіи, Мальтусъ велъ тихую и скромную жизнь ученаго. За это время онъ написалъ и издалъ слѣдующія сочиненія: въ 1814 г.— „Ислѣдованіе о послѣдствіяхъ хлѣбныхъ законовъ“; въ 1815 г.— „Основанія теоріи ограниченія ввозной хлѣбной торговли. Приложение къ ислѣдованію о хлѣбныхъ законахъ“; въ томъ-же году— „Ислѣдованіе относительно природы и возрастанія ренты, а также принципы, на основаніи которыхъ она опредѣляется“; въ 1817 г.— „Письмо къ Вайтбриду, по поводу его проекта улучшенія законовъ о бѣдныхъ“; въ 1820 г.— „Основанія политической экономіи и ихъ примѣненія къ практикѣ“; въ 1823 г.— „Мѣра цѣнности съ объясненіями относительнаго измѣненія обращенія въ Англіи“ и наконецъ въ 1827 году— „Опредѣленія въ политической экономіи“. Кромѣ этихъ капитальныхъ работъ, Мальтусъ въ этотъ періодъ времени помѣстилъ много статей по текущимъ вопросамъ экономической жизни въ „Эдинбургскомъ Обзорѣніи“ и въ „Британской Энциклопедіи“. Въ своихъ экономическихъ воззрѣніяхъ

Мальтусъ является послѣдователемъ Ад. Смита и также, какъ послѣдній, признаетъ свободную конкуренцію совершеннѣйшею экономическою организациею, которая одна обусловливаетъ наибольшую производительность и наилучшее распределеіе; вслѣдствіе этого онъ былъ сторонникомъ безусловнаго невмѣшательства государства въ экономическія отношенія и требовалъ полной свободы торговли.

Мальтусъ поддерживалъ постоянныя сношенія съ современными ему экономистами, изъ которыхъ Ж. - Б. Сэ, Сисмонди и Рикардо были его лучшими друзьями; послѣдній очень высоко ставилъ научныя заслуги Мальтуса и даже утверждаетъ, что всѣ элементы теоріи ренты были опредѣлены Мальтусомъ и что этому опредѣленію не доставало лишь ясной научной формулировки. Труды Мальтуса оказали вліяніе не только на экономическую науку, но и на направленіе современнаго ему законодательства. Такъ послѣ обнародованія ученія Мальтуса, находившійся тогда во главѣ управленія Питтъ стремился путемъ законодательныхъ мѣръ парализовать вредныя послѣдствія неправильной организациі общественной благотворительности, а въ 1833 году теорія Мальтуса была причиною кореннаго измѣненія англійскихъ законовъ о бѣдныхъ. Это вліяніе теоріи Мальтуса продолжается и до настоящаго времени: въ 70-хъ годахъ въ Англии была учреждена „Лига мальтузіанцевъ“ для пропа-

ганды его ученія, а позднѣе образовалось и широко распространилось не только въ Англии, но и на континентѣ направление „нео-мальтузіанцевъ“, которые требуютъ временнаго примѣненія среди рабочихъ классовъ теоріи Мальтуса съ тою цѣлью, чтобы, путемъ уменьшенія конкуренціи между ними, достигнуть прочнаго и постояннаго повышенія заработной платы, которая впредь будетъ регулироваться пріобрѣтенными привычками къ лучшимъ жизненнымъ условіямъ.

Несмотря на значительный успѣхъ сочиненій Мальтуса и въ особенности его „Опыта закона о народонаселеніи“, они весьма мало способствовали упроченію его благосостоянія; по словамъ самого Мальтуса, его научные труды принесли ему въ теченіе 25 лѣтъ не болѣе 1.000 фунт. стерлинговъ и такимъ образомъ главнымъ источникомъ дохода для содержанія семьи всегда было его жалованье профессора Коллегіи Остъ-Индской Компаніи.

Мальтусъ женился въ 1804 г., когда ему исполнилось 38 лѣтъ, на Гарриетъ Экерсталь, женихомъ которой онъ считался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Онъ имѣлъ троихъ дѣтей, изъ которыхъ сынъ, вступившій въ духовное званіе, и дочь пережили его. Въ 1834 году Мальтусъ поѣхалъ къ своему тестю Г. Экерсталу, чтобы, по обыкновенію, провести у него праздники Рождества, и здѣсь, 29 декабря 1834 года, скоропостижно скончался на 69-мъ году своей жизни.

Приложенный къ этому изданію портретъ Мальтуса изображаетъ его въ шестидесятилѣтнемъ возрастѣ. Онъ былъ высокъ ростомъ, хорошо сложенъ и обладалъ звучнымъ, пріятнымъ голосомъ, хотя въ его произношеніи ощущался нѣкоторый недостатокъ. По этому поводу Сидней Смитъ говорить: „Я охотно согласился-бы обладать недостаткомъ Мальтуса, если-бы могъ такъ хорошо думать и поступать какъ онъ“. Миссъ Гарриетъ Мартино, проводшая нѣкоторое время въ семьѣ Мальтуса (1833 г.) даетъ подробное описаніе домашней обстановки и трудовой жизни знаменитаго экономиста. По ея словамъ, изданіе своихъ сочиненій было единственнымъ обстоятельствомъ въ жизни Мальтуса, вносившимъ нѣкоторое разнообразіе въ его научныя занятія и исполненіе обязанностей профессора и священнослужителя. По словамъ Шарля Конта, „Мальтусъ обладалъ такимъ мягкимъ и спокойнымъ характеромъ, въ такой степени владѣлъ собою, былъ такъ снисходителенъ къ другимъ, что лица, прожившія съ нимъ почти пятьдесятъ лѣтъ, утверждаютъ, что они рѣдко видѣли его смущеннымъ и никогда не замѣчали въ немъ ни возбужденія, ни раздраженія, ни унынія. Никогда съ его устъ не срывалось жесткое слово или рѣзкое выраженіе. Хотя онъ былъ предметомъ такихъ нареканій и нападокъ, которыя едва-ли выпадали на долю какого нибудь другого писателя его времени, а можетъ быть даже и нашего, никто

не слышалъ отъ него жалобъ на несправедливое отношеніе къ нему. Онъ былъ весьма чувствителенъ къ одобреніямъ со стороны просвѣщенныхъ цѣнителей и внимательно прислушивался къ общественному мнѣнію, но незаслуженнымъ упрекамъ и обвиненіямъ онъ придавалъ мало значенія, увѣренный въ справедливости своего ученія и чистотѣ своихъ намѣреній. Онъ тѣмъ болѣе былъ приготовленъ къ противодѣйствію, что его ученіе было предназначено для воздѣйствія на опредѣленный кругъ читателей. Его разговоръ естественно обращался на обсужденіе вопросовъ, касающихся общественнаго благосостоянія, которое онъ избралъ предметомъ своего спеціальнаго изученія, и когда разговоръ принималъ это направленіе, онъ становился внимательнымъ, серьезнымъ и охотно вступалъ въ споръ; въ такихъ случаяхъ онъ выражалъ свою мысль ясно и вразумительно, причемъ слушателю было ясно, что эта мысль есть результатъ глубокаго размышленія. Вообще, онъ обладалъ веселымъ нравомъ и одинаково охотно принималъ участіе какъ въ удовольствіяхъ юношества, такъ и въ направленіи его образованія. Не менѣе симпатичнымъ обрисовываетъ Мальтуса его другъ и почитатель, Джемсъ Макинтошъ. „Я зналъ, говоритъ онъ въ заключеніи своего очерка, нѣсколько Адама Смита, хорошо—Рикардо, и былъ близкимъ другомъ Мальтуса; къ чести экономической науки я долженъ признать, что эти три ея лучшихъ представителя

были въ то-же время лучшими людьми, которыхъ я когда-либо зналъ“.

Таковы были личныя свойства знаменитаго автора „Опыта закона о народонаселеніи“, котораго и до настоящаго времени многіе считаютъ жестокимъ врагомъ человѣчества. Каковы-бы ни были его научныя заблужденія, — столь единодушныя характеристики лицъ, близко знавшихъ Мальтуса, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что онъ говорилъ совершенно правдиво и искренно: „практическая цѣль, которую я имѣлъ въ виду при написаніи этого сочиненія, какія-бы ошибки ни были мною сдѣланы, состояла въ *улучшеніи положенія и въ увеличеніи счастья низшихъ классовъ общества*“.

Ученіе Мальтуса, какъ увидитъ читатель ниже, распадается на двѣ части: въ первой, основанной на фактахъ естественно-историческихъ, установленъ законъ народонаселенія, вторая—представляетъ приложеніе этого закона къ явленіямъ соціальной жизни.

Изложенію закона народонаселенія Мальтусъ посвящаетъ въ своемъ сочиненіи всего лишь двѣ главы, такъ какъ всѣ элементы, послужившіе основаніемъ для установленія закона, заимствованы имъ у другихъ писателей и признаются авторомъ несомнѣнными и общеизвѣстными. Самый законъ формулированъ въ видѣ слѣдующихъ двухъ посылокъ и вывода изъ нихъ:

1) Если размноженіе человѣческаго рода не встрѣчаетъ препятствій, то оно удваивается каждыя двадцать пять лѣтъ и возрастаетъ въ геометрической прогрессіи.

2) Средства существованія, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для труда, никогда не могутъ возрастать быстрѣе, чѣмъ въ арифметической прогрессіи.

3) Законъ періодическаго возрастанія населенія въ такой мѣрѣ превышаетъ законъ возрастанія

средствъ существованія, что для сохраненія равновѣсія, для того, чтобы существующее населеніе имѣло потребное ему продовольствіе, необходимо, чтобы населеніе постоянно задерживалось какимъ либо высшимъ закономъ, чтобы тотъ изъ двухъ противоположныхъ законовъ размноженія, на сторонѣ котораго оказывается значительный перевѣсъ, сдерживался въ опредѣленныхъ границахъ. Препятствія къ размноженію, превышающему средства существованія населенія, раздѣляются на предупредительныя и разрушительныя; тѣ и другія могутъ быть сведены къ тремъ видамъ—нравственному обузданію, пороку и несчастью.

Изложенный Мальтусомъ въ такомъ видѣ законъ народонаселенія вызвалъ, какъ упомянуто выше, множество возраженій, важнѣйшія изъ которыхъ могутъ быть сведены къ слѣдующимъ тремъ группамъ: 1) возраженія противъ установленнаго Мальтусомъ двадцатипятилѣтняго періода удвоенія населенія, 2) возраженія противъ размноженія населенія въ геометрической прогрессіи и 3) возраженія противъ утвержденія Мальтуса, что по естественнымъ законамъ средства существованія не могутъ возрастать въ такой же степени, какъ населеніе *).

*) По всѣмъ этимъ пунктамъ наиболѣе существенныя возраженія принадлежатъ Чернышевскому, посвятившему разбору ученія Мальтуса нѣсколько главъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ „Основамъ политической экономіи Дж.-Ст. Милля“. Въ дальнѣйшемъ изложенія эти возраженія приведены съ дополненіемъ нѣкоторыхъ новыхъ статистическихъ данныхъ.

Для опредѣленія вѣроятнаго періода удвоенія населенія Мальтусъ употребилъ крайне несовершенный пріемъ: онъ воспользовался указаніями наблюдателей, утверждавшихъ, что населеніе въ нѣкоторыхъ внѣ-европейскихъ странахъ удвоилось въ теченіи 10, 12 и 15 лѣтъ и сопоставилъ эти свѣдѣнія съ выводомъ Франклина о томъ, что живыя существа размножаются въ геометрической прогрессіи, и съ вычисленіями Эйлера относительно того, какимъ періодамъ удвоенія соотвѣтствуютъ различные годовыя приросты населенія, при условіи возрастанія населенія въ геометрической прогрессіи. Затѣмъ, воспользовавшись обнародованными свѣдѣніями о томъ, что населеніе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ удвоилось въ теченіе двадцатипятилѣтняго періода, Мальтусъ принялъ этотъ періодъ, какъ вѣроятный и примѣнимый для всякой страны, находящейся въ благопріятныхъ для размноженія условіяхъ, и подкрѣпилъ свой выводъ указаніемъ на возможность и болѣе короткихъ періодовъ удвоенія.

Ошибочность такого пріема совершенно очевидна. Ежегодный, или въ какой либо иной періодъ времени, приростъ населенія является результатомъ трехъ факторовъ — рожденій, притока населенія путемъ вселеній и убыли населенія вслѣдствіе смерти или выселенія. Взаимодѣйствіе этихъ факторовъ является причиною того, что въ странѣ съ необычайно большимъ числомъ ежегодныхъ рож-

дений можетъ не обнаруживаться значительнаго прироста населенія, вслѣдствіе одновременной необычайной-же убыли его и, на-оборотъ, возможенъ значительный ежегодный приростъ населенія въ странѣ съ незначительнымъ числомъ ежегодныхъ рожденій, вслѣдствіе того, что въ ней обнаруживается сравнительно небольшая смертность или она временно явилась мѣстомъ для обширной колонизаціи жителей другихъ странъ. Мальтусъ не принялъ во вниманіе этого обстоятельства и всякій приростъ населенія относилъ къ возрастанію числа браковъ и происходящихъ отъ нихъ рожденій. Между тѣмъ двадцатипятилѣтній періодъ удвоенія населенія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ произошелъ именно вслѣдствіе громадныхъ переселеній въ нихъ изъ Европы, а также отчасти вслѣдствіе возрастнаго состава переселенцевъ, въ которомъ женщины отъ 15 до 45 лѣтъ составляли необычный, а можетъ быть даже невозможно большой процентъ по отношенію къ общему ихъ числу.

Не трудно видѣть, что не только 10 или 15-ти лѣтній, но даже двадцатипятилѣтній періодъ удвоенія населенія, непополняемаго притокомъ новыхъ переселенцевъ изъ другихъ странъ, почти невозможно по самому устройству физической организаціи человѣка. Извѣстно, что почти во всѣхъ странахъ женщины составляютъ половину всего количества населенія и что возрастная группа лицъ

отъ 15 до 45 лѣтъ равняется 40% по отношенію ко всему населенію. Такимъ образомъ женщины, находящіяся въ періодѣ дѣторожденія составляютъ лишь 20% всего числа жителей данной страны. Если принять во вниманіе, что беременность и кормленіе грудью занимаютъ у каждой женщины не менѣе двухъ лѣтъ, то окажется, что ежегодно изъ двухъ женщинъ только одна можетъ произвести на свѣтъ ребенка и что по физическимъ условіямъ женскаго организма ежегодно рождающіяся дѣти могутъ составлять 10% всего населенія лишь при томъ условіи, если всѣ женщины отъ 15 до 45 лѣтъ произведутъ на свѣтъ черезъ каждые два года по одному ребенку, или, во весь періодъ дѣторожденія, не менѣе 15 дѣтей. Но изъ числа рожденныхъ дѣтей не всѣ останутся въ живыхъ, а, слѣдовательно, не всѣ перейдутъ въ тотъ возмужалый возрастъ, возрастаніе котораго обуславливаетъ размноженіе людей въ геометрической прогрессіи. По свѣдѣніямъ Чадуика, которыми пользовался комментаторъ Милля, изъ числа всѣхъ родившихся дѣтей постоянно умираетъ свыше 20% до достиженія пятилѣтняго возраста, позднѣйшія же наблюденія показали, что число погибающихъ въ этомъ возрастѣ дѣтей значительно больше: въ европейскихъ странахъ оно составляетъ отъ 30 до 40%, а среди незаконнорожденныхъ дѣтей даже до 56% общаго числа дѣтей отъ 0 до 5

лѣтъ*). Такимъ образомъ, если мы примемъ, что до 5 лѣтъ умираетъ одна треть всѣхъ родившихся дѣтей, то ежегодныя рожденія не могутъ составить больше 6,7% всего населенія.

Но, само собою разумѣется, что не все это число составляетъ ежегодную прибыль населенія, которое постоянно убываетъ вслѣдствіе болѣзней и дряхлости своихъ членовъ. По вычисленіямъ Керези эта ежегодная убыль выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Умираетъ на 100 человекъ всего населенія.
Въ Австріи.....	3,7
„ Баваріи.....	2,8
„ Саксоніи.....	2,8
„ Италіи.....	2,8
„ Вюртембергъ.....	2,7
„ Пруссіи.....	2,5
„ Голландіи.....	2,3
„ Швейцаріи.....	2,3
„ Франціи.....	2,2
„ Бельгіи.....	2,1
„ Даніи.....	2,0
„ Шотландіи.....	2,0
„ Норвегіи.....	1,9

Если принять во вниманіе эти цифры, а также то обстоятельство, что смертность въ столь зна-

*) Ю. Э. Янсонъ „Сравнительная статистика населенія“ стр. 276, 280, 283 и 284, таблицы смертности дѣтей до 5-лѣтняго возраста.

чительномъ по количеству населенія государствъ, какъ Россія, также превышаетъ 3%, врядь-ли будетъ отступленіемъ отъ истины предположеніе, что допускаемый физическою организаціею чело-вѣка ежегодный приростъ населенія, непополняе-маго колонизаціею, не можетъ превышать 4% всего населенія, что при системѣ возрастанія по слож-нымъ процентамъ, даетъ удвоеніе въ теченіи 22 лѣтъ. Если-же принять во вниманіе, что во вся-комъ обществѣ встрѣчаются дѣвушки въ возрастѣ отъ 15 до 45 лѣтъ, что изъ числа женщинъ въ этомъ возрастѣ нѣкоторое число по своимъ фізіо-логическимъ условіямъ неспособно къ дѣторож-денію и что, наконецъ, мертворожденные дѣти со-ставляютъ довольно распространенное явленіе, то окажется, что удвоеніе населенія въ двадцатипя-тилѣтній періодъ совершенно невозможно.

Каковъ-же дѣйствительно возможный приростъ населенія и какой періодъ удвоенія можетъ быть признанъ вѣроятнымъ? По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ десятилѣтіе, окончившееся 1885—90 годами, на одинъ бракъ приходилось рожденій*).

Въ Европ. Россіи	5,8
„ Румыніи	5,0
„ Ирландіи	4,9
„ Болгаріи	4,8
„ Голландіи	4,8

*) Тамъ-же, стр 210.

Въ Италіи	4,8
„ Германіи	4,7
„ Шотландіи	4,5
„ Греціи	4,5
„ Венгріи	4,4
„ Австріи	4,3
„ Англіи	4,2
„ Норвегіи	4,1
„ Бельгіи	4,1
„ Швейцаріи	4,1
„ Швеціи	4,0
„ Франціи	2,9

Если принять во вниманіе, что плодovitость внѣ-брачныхъ сожитій неизмѣримо ниже, то необходимо принять, что даже при существующей въ настоящее время въ низшихъ классахъ населенія грубости нравовъ, когда изнуренная женщина нерѣдко принуждается къ дѣторожденію, на каждую женщину въ возрастѣ отъ 15 до 45 лѣтъ придется не 15 дѣтей, какъ мы предполагали выше, а лишь около 4 дѣтей. Но допустимъ, что каждая безъ исключенія женщина этого возраста будетъ имѣть отъ 5 до 6 дѣтей, тогда ежегодное приращеніе составитъ 35—40 рожденій на 1.000 душъ населенія.

Выше мы видѣли, что смертность людей старше 5-ти лѣтняго возраста въ различныхъ государствахъ Европы колеблется отъ 3,7 до 1,9⁰/₀, но,

предполагая, что при благоприятныхъ условіяхъ она можетъ понизиться, допустимъ ее равную 1,47, какъ это установлено Гильяромъ для Франціи, въ его таблицахъ, вычисленныхъ съ исключеніемъ возрастной группы отъ 0 до 5 лѣтъ*). На основаніи этихъ данныхъ процентъ размноженія и періодъ удвоенія населенія будетъ составлять:

‰ рож- деній.	‰ умира- ющихъ до 5 лѣтъ (200‰).	‰ умира- ющихъ по- слѣ 5 лѣтъ.	Перевѣсъ рожденій или ‰ приращ.	Число лѣтъ въ періодѣ удвоенія населенія.
4‰	0,80	1,47	1,73	40,5
3,5‰	0,70	1,47	1,33	52,5

Но полученные нами результаты примѣнимы лишь къ тѣмъ случаямъ, когда изъ среды даннаго населенія не происходитъ никакихъ выселеній, которыя въ послѣднее время во многихъ государствахъ стали обычнымъ явленіемъ и приняли весьма значительные размѣры. Такъ среднее число эмигрантовъ въ періодъ 1886—1889 гг. по отношенію къ среднему естественному приросту населенія (перевѣсу рожденій надъ смертями) составлялъ**):

Въ Ирландіи	283,7 ‰
„ Норвегіи	81,4 „
„ Шотландіи	60 „
„ Швеціи	59,6 „

*) Эта таблица приведена въ прим. къ „Осн. пол. экон.“ Милля, откуда заимствованы и послѣдующія вычисленія.

**) См. Ю. Янсонъ „Сравн. Стат.“ стр. 415.

Въ Италіи	56,2 „
„ Англии	44,5 „
„ Швейцаріи	35,1 „

Эти цифры показываютъ, что эмиграція изъ Ирландіи почти въ три раза превышаетъ естественный приростъ населенія, которое такимъ образомъ ежегодно убываетъ; въ Норвегіи населеніе остается, благодаря эмиграціи, почти неподвижнымъ, въ Шотландіи, Швеціи, Италіи и Англии эмиграція уноситъ половину естественнаго прироста, а потому возрастаніе населенія въ этихъ странахъ происходитъ вдвое медленнѣе, чѣмъ оно могло бытъ безъ выселеній.

Нижеслѣдующія цифры показываютъ какое вліяніе оказываетъ на періодъ удвоенія населенія эмиграція, при условіи если она составляетъ отъ 0,5 до 1% всего населенія. Выше мы видѣли, что наиболѣе вѣроятнымъ періодомъ удвоенія (безъ эмиграціи) является 52,6 года и, что при такомъ періодѣ естественный приростъ составляетъ 1,33 %. Вычитая изъ этого числа эмигрирующее населеніе въ количествѣ 0,5 %, получимъ естественный приростъ остающагося населенія 0,83 %, что соотвѣтствуетъ періоду удвоенія въ 91,68 года; въ тѣхъ странахъ, гдѣ эмиграція составляетъ 1% всего населенія, тѣ-же вычисления даютъ естественный приростъ остающагося населенія 0,33 %, что соотвѣтствуетъ періоду удвоенія въ 212 лѣтъ.

Всѣ приведенныя соображенія вполне подтверждаются статистическими данными о дѣйствительномъ возрастаніи населенія европейскихъ государствъ съ 1800 по 1880 годъ*). По десятилѣтіямъ населенія равнялось въ тысячахъ:

*) Свѣдѣнія эти, приведенныя Ю. Янсономъ въ „Сравни. стат. населенія“ составлены и исправлены на основаніи работъ Вертильона сына, Лавасера и Бодю. Государства во все время приурочены къ тѣмъ границамъ, которыя они имѣютъ теперь.

	1800 г.	1810 г.	1820 г.	1830 г.	1840 г.	1850 г.	1860 г.	1870 г.	1880 г.
Соединен. королев.	16.237	18.509	21.272	24.332	27.058	27.746	29.321	31.845	35.241
Швеція	2.347	2.378	2.585	2.838	3.139	3.482	3.860	4.168	4.566
Норвегія	883	899	978	1.131	1.246	1.400	1.600	1.742	1.914
Данія	925	989	1.086	1.200	1.283	1.408	1.608	1.785	1.969
Голландія	2.100	—	—	2.613	2.860	3.057	3.309	3.579	4.013
Бельгія	—	—	—	3.786	4.073	4.426	4.732	5.087	5.520
Франція	27.349	29.107	30.825	32.350	34.485	36.113	37.655	36.103	37.672
Швейцарія	—	—	—	—	2.190	2.393	2.507	2.669	2.846
Германія	—	24.831	26.292	29.518	32.785	35.395	37.745	40.816	45.234
Австрія Цислейт.	—	—	—	15.538	16.575	17.535	18.884	20.217	22.144
» Трансл.	—	—	—	14.339	13.798	13.191	14.224	15.417	15.738
Португалія	2.932	2.877	—	3.062	3.397	3.499	3.963	3.988	4.160
Испанія	10.541	—	11.662	11.208	12.054	—	15.658	16.835	16.634
Италія	17.237	18.381	18.493	21.212	22.936	23.929	25.017	26.801	28.430
Сербія	—	—	—	684	830	958	1.100	1.354	1.376
Греція	—	—	676	742	752	998	1.097	1.458	1.679
Европ. Россія	—	—	—	—	—	55.318	59.301	71.731	77.879

Изъ этихъ свѣдѣній видно, что удвоеніе населенія произошло лишь въ Англіи, Норвегіи и Дании въ теченіи болѣе чѣмъ въ семидесятилѣтній періодъ, въ Греціи—въ пятидесятилѣтній періодъ и въ Сербіи—въ сорокалѣтній періодъ; во всѣхъ-же остальныхъ государствахъ въ теченіи рассматриваемаго періода съ 1800 по 1880 г.г. населеніе еще не удвоилось. Такимъ образомъ дѣйствительная жизнь и точное знакомство съ нею опровергли предположеніе Мальтуса.

Намъ могутъ возразить, что столь слабое размноженіе населенія въ европейскихъ государствахъ происходило вслѣдствіе того, что въ рассматриваемый періодъ выселенія изъ нихъ были очень значительны; когда-же въ эмиграціонномъ движеніи произойдетъ ослабленіе, населеніе этихъ государствъ станетъ быстро возрастать и тогда не замедлятъ проявиться всѣ бѣдствія, вызываемыя чрезмѣрнымъ населеніемъ. Но примѣръ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ доказываетъ неосновательность такихъ опасеній: не смотря на дѣйствительно быстрое возрастаніе населенія этой страны, происходящаго вслѣдствіе того, что она вбирала и продолжаетъ поглощать значительную часть эмигрирующаго изъ Европы населенія, мы видимъ, что низшіе классы въ ней находятся едва-ли не въ лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, а ея почва не только не отказалась кормить проживающее на ней населеніе, но съ каждымъ годомъ

даетъ все большій избытокъ питательныхъ веществъ, вывозимыхъ для прокормленія европейскаго населенія.

Нѣкоторые изъ сторонниковъ ученія Мальтуса соглашались съ тѣмъ, что установленный имъ двадцатипятилѣтній періодъ удвоенія подлежитъ оспариванію и во всякомъ случаѣ слишкомъ коротокъ. Но, допуская всевозможныя поправки, они настаивали на неизблемости самаго ученія, такъ какъ самое возрастаніе населенія въ геометрической прогрессіи и средствъ существованія въ арифметической не можетъ подлежать сомнѣнію, а въ такомъ случаѣ всѣ выводы Мальтуса остаются въ силѣ, какой-бы періодъ удвоенія мы ни приняли. Такое возраженіе врядъ-ли основательно въ виду того, что по ученію Мальтуса никакія усовершенствованія неспособны поднять до необходимыхъ размѣровъ производство питательныхъ веществъ въ короткій двадцатипятилѣтній періодъ, а при увеличеніи его до 100 лѣтъ увеличивается также вѣроятность того, что техническія усовершенствованія усилятъ производство въ необходимомъ размѣрѣ.

Независимо отъ этого соображенія, нѣкоторыми писателями сдѣланы были попытки опровергнуть самое возрастаніе населенія въ геометрической прогрессіи, которая предполагаетъ удвоеніе населенія въ каждый промежутокъ времени, равный предъидущему. Такъ Дубльде, развивая мысль, впервые высказанную Фурье, утверждалъ, что плодородіе

человѣка, какъ и всѣхъ другихъ живыхъ существъ, находится въ обратномъ отношеніи къ количеству потребляемой пищи; что тучность и богатство крови, являющіяся результатомъ обильнаго питанія, ослабляютъ оплодотворяющую способность и вызываютъ меньшее число рожденій. Такимъ образомъ, по мѣрѣ улучшенія благосостоянія всего населенія путемъ улучшеній всего общественнаго строя, возрастаніе населенія будетъ постоянно замедляться, а слѣдовательно будутъ увеличиваться періоды его удвоенія, и размноженіе будетъ происходить не въ геометрической прогрессіи. Впрочемъ это замѣчаніе было опровергнуто Спенсеромъ и Льюисомъ, которыхъ нельзя причислить къ сторонникамъ Мальтуса; первый указалъ на то, что Дубльде смѣшала патологическую тучность съ нормальнымъ полносочіемъ, обыкновенно являющимся условіемъ для большей плодовитости, а Льюисъ привелъ списокъ 16 перовъ, имѣвшихъ 186 дѣтей, что даетъ въ среднемъ около 12 дѣтей на каждую семью.

Кэри основываетъ свое возраженіе на физиологическомъ законѣ, по которому вся сумма питанія, получаемая организмомъ, главнымъ образомъ направляется къ тѣмъ частямъ организма, которыя находятся въ наиболѣе активномъ состояніи; изъ этого онъ выводитъ заключеніе, что человѣческое плодородіе должно уменьшаться по мѣрѣ усиленія мозговой и нервной работы, неизбежной при болѣе развитой цивилизаціи.

Того-же мнѣнія придерживается и Спенсеръ въ заключительной главѣ „Основаній Біологіи“. Рассматривая условія человѣческаго населенія въ будущемъ, онъ говоритъ: „Всюду и всегда развитіе враждебно воспроизводительной силѣ. Въ чемъ-бы развитіе ни состояло, всегда отвлеченіе потребныхъ для него матеріаловъ влечетъ уменьшеніе запаса матеріаловъ для поддержанія расы... Типъ постепенно будетъ такъ измѣняться, что болѣе развитая нервная система станетъ притягивать изъ общаго запаса большее количество питанія, а вслѣдствіе этого, увеличивая напряженность, полноту и продолжительность индивидуальной жизни, она въ то-же время будетъ неизбежно уменьшать запасъ, который могъ-бы пойти на произведеніе новыхъ жизней, которыхъ уже не будетъ нужно въ такомъ большомъ числѣ“ *). Установивъ законъ антагонизма между генезисомъ и индивидуальностью, заключающійся въ томъ, что всюду, гдѣ способность къ сохраненію индивидуальной жизни мала, способность къ ея размноженію велика, и наоборотъ, Спенсеръ переходитъ къ разсмотрѣнію вліянія этого закона на будущность человѣчества. „Хотя въ первыхъ стадіяхъ цивилизаціи, говоритъ онъ, можетъ увеличиваться количество пищи, при одномъ и томъ-же данномъ количествѣ труда, но должно наступить время, когда это отношеніе станетъ обратнымъ и

*) См. Г. Спенсеръ „Основанія біологіи“, изд. 1870 г. т. II стр. 390.

когда каждое новое приращеніе пищи будетъ добываться количествомъ труда бѣльшимъ, чѣмъ пропорціональнымъ ему, и эта непропорціональность будетъ возрастать все болѣе и болѣе, а воспроизводительная сила убывать. Къ какому-же предѣлу стремится этотъ процессъ? Покуда плодovitость расы съ убыткомъ уравниваетъ количество смертей, населеніе должно возрастать. Покуда населеніе продолжаетъ увеличиваться, борьба за средства существованія усиливается. А покуда она усиливается, должно происходить дальнѣйшее умственное развитіе, а съ нимъ дальнѣйшее уменьшеніе плодovitости. Это измѣненіе не можетъ прекратиться до тѣхъ поръ, пока быстрота размноженія не сдѣлается совершенно равною быстротѣ вымиранія, т. е. покуда среднимъ числомъ каждая пара не будетъ имѣть лишь столькихъ дѣтей, сколько нужно для произведенія новаго поколѣнія способныхъ къ дѣтороженію взрослыхъ, равныхъ по числу предыдущему поколѣнію“ *). Въ виду того, что приспособленіе человѣческаго организма ко всей суммѣ окружающихъ условій не можетъ никогда быть полнымъ, Спенсеръ полагаетъ, что хотя количество преждевременныхъ смертей со временемъ будетъ значительно понижаться, однако оно никогда не дойдетъ до того, чтобы среднее количество потомковъ каждой пары могло спуститься до двухъ;

*) Тамъ-же, стр. 391.

Онъ полагаетъ, что предѣломъ плодovitости должно быть число дѣтей между двумя и тремя и притомъ число это не будетъ постояннымъ, а должно измѣняться соотвѣтственно мѣстнымъ или временнымъ физическимъ и социальнымъ условіямъ, увеличивающимъ стоимость самосохраненія.

„Такимъ образомъ, продолжаетъ Спенсеръ, антагонизмъ между индивидуальностью и генезисомъ не только выполняетъ въ точности апіорическій законъ сохраненія расы, но обезпечиваетъ также конечное достиженіе высшей формы этого сохраненія, формы, при которой продолжительность жизни становится возможно большею, а число рожденій и смертей возможно меньшимъ. Процессъ этотъ является неизбежнымъ, ибо избытокъ плодovitости всегда будетъ причиною возрастанія цивилизаціи, а послѣдняя неминуемо должна уменьшать плодovitость и, наконецъ, уничтожить ея излишество. Процессъ цивилизаціи произвелъ первоначальное разсѣяніе расъ; онъ побудилъ человѣка оставить хищническія привычки и приняться за земледѣліе; онъ повелъ къ расчищенію земной поверхности; онъ породилъ социальный бытъ и развилъ общественныя привычки; онъ побуждалъ къ прогрессивнымъ усовершенствованіямъ производства, къ увеличенію ловкости и ума. Наконецъ, заселивъ по необходимости весь земной шаръ, и доведя всѣ его части до высшей степени обработанности, произведя всѣ процессы, клонящіеся къ удовлетворенію человѣческихъ

нуждъ и къ совершенству, развивши вмѣстѣ съ тѣмъ умъ до полной компетентности, а чувства до полной приспособленности къ социальному быту, — совершивъ все это, сгущеніе населенія должно постепенно положить само себѣ конецъ“ *). Спенсеръ заканчиваетъ свое изслѣдованіе слѣдующими словами: „И такъ, нашъ конечный выводъ заключается въ томъ, что въ человѣкѣ всѣ уравновѣшенія между сложеніемъ и окружающими условіями, между строеніемъ общества и природою его членовъ, между плодovitостью и смертностью, одновременно приближаются къ общей кульминаціонной точкѣ. Человѣкъ, приближаясь къ равновѣсію между его природою и постоянно измѣняющимся физическими и социальными условіями, въ тоже время постоянно приближается къ такому низшему предѣлу плодovitости, при которомъ равновѣсіе будетъ поддерживаться рожденіемъ лишь столькохъ дѣтей, сколько уносится смертностью въ старости“.

Мы не считаемъ себя компетентными въ разрѣшеніи этого вопроса, требующаго специальныхъ познаній; мы привели мнѣніе Спенсера лишь съ тою цѣлью, чтобы показать, что давнѣйшая научная разработка вопроса, составлявшаго предметъ изслѣдованія Франклина и Тоунзенда, привела извѣстнаго біолога къ заключенію, діаметрально-противоположному тому, который сдѣлалъ Мальтусъ относительно послѣдствій человѣческой плодovitости.

*) Тамъ-же, стр. 393.

Переходя къ заключеніямъ Мальтуса о степени возрастанія средствъ существованія и сдѣланныхъ по этому поводу возраженій, необходимо замѣтить, что эта часть вопроса изложена имъ крайне неясно. Поэтому мы считаемъ умѣстнымъ провести здѣсь тѣ разъясненія, которыя сдѣлалъ Дж.-Ст. Милль, одинъ изъ безусловныхъ сторонниковъ Мальтуса.

Въ XII-ой главѣ I-го тома „Основаній полит. экон.“ Милль говоритъ:

„Отъ другихъ элементовъ производства, отъ труда и капитала, земля отличается тѣмъ, что не можетъ возрастать безгранично. Ея пространство ограничено, а пространство производительнѣйшихъ сортовъ ея еще больше ограничено. Очевидно также, что ~~не~~ограничено и количество продукта, которое можно получить на данномъ пространствѣ земли. Эта ограниченность количества земли и ограниченность ея производительности составляютъ истинныя границы возрастанію производства.

„Конечно, всегда люди ясно понимали, что эти двѣ границы—послѣдній предѣлъ возрастанію производства. Но никогда не бывало ни одного примѣра, чтобы производство достигало этого окончательнаго предѣла: нѣтъ страны, въ которой вся земля, способная производить пищу, была воздѣлана въ такомъ совершенствѣ, чтобы нельзя было (даже и безъ новыхъ успѣховъ въ земледѣльческомъ знаніи) получить съ нея больше продукта,

чѣмъ теперь, а значительная часть земной поверхности остается еще совершенно невоздѣлана. Поэтому обыкновенно думаютъ (и очень натурально предполагать это съ перваго взгляда), что для настоящаго времени всякое ограниченіе производства или населенія съ этой стороны находится на неизмѣримомъ разстояніи отъ насъ, и что должны протечь вѣка, пока возникнетъ практическая необходимость принимать въ серьезное соображеніе законъ этого ограниченія.

„Я полагаю, что это—ошибка, и притомъ самая серьезная изъ всѣхъ ошибокъ, какія только встрѣчаются въ области политической экономіи. Вопросъ этотъ самый важный, самый основной изъ всѣхъ ея вопросовъ; въ немъ заключается рѣшеніе всѣхъ вопросовъ о причинахъ бѣдности въ богатомъ и промышленномъ обществѣ, и безъ яснаго пониманія этого предмета бесполезно идти далѣе въ нашемъ изслѣдованіи.

„Границу, полагаемую производству качествами почвы, не надобно воображать подобною стѣнѣ, которая стоитъ неподвижно на извѣстномъ мѣстѣ и не задерживаетъ движенія, пока совершенно не останавливаетъ его. Скорѣе можно сравнить эту границу съ очень эластичною и растяжимою повязкою, которая, какъ бы сильно ни была растянута, все-таки можетъ быть растянута еще шире, но которая стѣсняетъ задолго прежде, чѣмъ растянется до послѣдняго предѣла, и стѣсненіе отъ

которой тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе къ этому предѣлу раздвигается она.

„Лишь только достигаетъ земледѣліе известной, не очень высокой степени развитія, лишь только люди начинаютъ заниматься воздѣлываніемъ земли съ нѣкоторою энергіею, лишь только явились у нихъ сколько-нибудь порядочныя земледѣльческія орудія, земледѣльческое производство подчиняется дѣйствию закона, что при данномъ положеніи земледѣльческаго искусства и знанія увеличеніе труда не даетъ пропорціональнаго увеличенія въ продуктѣ, удвоеніе труда не удваиваетъ продукта, или, выражая то-же самое иными словами, каждое возрастаніе продукта получается болѣе, чѣмъ пропорціональнымъ возрастаніемъ въ приложеніи труда къ землѣ.

„Этотъ общій законъ земледѣльческой промышленности—самая важная теорема политической экономіи. Еслибы законъ этотъ былъ не таковъ, почти всѣ феномены производства и распредѣленія богатства были-бы не таковы, какъ теперь. Самыя коренныя изъ заблужденій, еще господствующихъ по нашему предмету, происходятъ изъ того, когда люди не замѣчаютъ, что этотъ законъ дѣйствуетъ подъ наружными причинами, на которыхъ останавливаютъ они вниманіе, что второстепенныя вліянія принимаются за коренныя причины явленій, форма и способъ которыхъ, можетъ быть, и видоизмѣняется отъ нихъ, но сущность которыхъ определяется однимъ этимъ закономъ.

„Когда, для увеличенія продукта, человекъ обращается къ худшей землѣ, то очевидно, что продуктъ не увеличится въ одной пропорціи съ трудомъ. Самое выраженіе „худшая земля“ показываетъ, что это земля, которая при равномъ трудѣ даетъ меньшее количество продукта. Земля можетъ быть хуже другой земли или по плодородію, или по положенію. Одна требуетъ бѣльшей пропорціи труда на произращеніе продукта, другая на перевозъ его къ рынку. Если земля А, при данномъ расходѣ на рабочую плату, удобреніе и т. д., производитъ 1.000 кварталовъ пшеницы, и если, для полученія другой тысячи кварталовъ, мы должны обратиться къ землѣ В, которая или менѣ плодородна, или болѣе отдалена отъ рынка, то 2.000 кварталовъ будутъ стоить больше, чѣмъ двойной пропорціи труда, расходовавшагося на первую тысячу, и земледѣльческій продуктъ возрастетъ въ пропорціи меньшей, чѣмъ возросъ трудъ, употребляемый на производство.

„Но такая прибавка въ производствѣ получается посредствомъ увеличенія издержекъ въ пропорціи, превышающей увеличеніе продукта; это видно изъ того, что воздѣлываются тогда-же земли худшаго качества. Земли худшія или болѣе отдаленныя отъ рынка, натурально, даютъ меньшій продуктъ, и увеличившійся спросъ удовлетворяется продуктомъ ихъ не иначе, какъ съ увеличеніемъ издержекъ, а стало быть и цѣны. Если-бы прибавка въ спросѣ могла удовлетворяться добавочнымъ продуктомъ луч-

шихъ земель, получаемымъ черезъ приложеніе къ нимъ бѣльшаго труда и капитала, если-бы съ нихъ получалось добавочнаго продукта именно столько, на сколько увеличенъ трудъ и капиталъ, если-бъ т. е. производство этого добавочнаго продукта стоило пропорціонально столько-же, какъ и производство прежняго количества продуктовъ, получавшихся съ этихъ земель, а не дороже,—то собственники или фермеры этихъ земель могли-бы подорвать дешевизною всѣхъ другихъ производителей и захватить весь рынокъ. Тогда земли менѣе плодородныя или болѣе отдаленныя могли-бы воздѣлываться лишь собственниками, и только для прокормленія или для поддержанія независимости самихъ собственниковъ, но никакъ никому не могло-бы быть выгоднымъ брать ихъ въ наймы ради прибыли. А между тѣмъ съ нихъ получается прибыль, достаточная для привлеченія капитала къ такому употребленію, —это показываетъ, что воздѣлываніе лучшихъ земель достигло такой степени, за которою дальнѣйшее приложеніе къ нимъ труда и капитала никакъ уже не дастъ болѣе вырочки, чѣмъ какая можетъ быть при равномъ расходѣ, получена съ земель, менѣе плодородныхъ, или находящихся въ менѣе выгодномъ мѣстоположеніи.

„Мы должны замѣтить, что слова наши о земледѣліи съ небольшими измѣненіями прилагаются и къ другимъ занятіямъ одинаковаго съ нимъ рода, и въ особенности ко всѣмъ отраслямъ промышленности,

добывающимъ изъ земли матеріалы. Напримѣръ, рудокопная промышленность даетъ увеличеніе продукта обыкновенно съ увеличеніемъ издержекъ въ пропорціи болѣе высокой; или и хуже того: даже обыкновенный годовой продуктъ добывается въ ней все съ бѣльшимъ и бѣльшимъ расходоуаніемъ труда и капитала. Рудникъ не воспроизводитъ каменнаго угля или руды, взятыхъ изъ него, потому каждый рудникъ, наконецъ, истощается, да и прежде своего истощенія требуетъ разработки съ постоянно возрастающимъ расходомъ: шахты надобно углублять, галлерей вести все дальше, для очищенія ихъ отъ воды, надобно употреблять все больше силы; продуктъ надобно поднимать съ болъшей глубины или переносить на болъшее разстояніе. Потому законъ уменьшенія выручки прилагается къ рудокопному дѣлу еще полнѣе, чѣмъ къ земледѣлію; но зато и противодѣйствующее вліаніе усовершенствованій производства прилагается къ нему еще въ болъшей степени.

„Общій выводъ таковъ: всѣ предметы и силы природы, находящіяся въ ограниченномъ количествѣ, ограничены относительно крайняго предѣла своей производительной силы и задолго до достиженія этого крайняго предѣла начинаютъ удовлетворять увеличенію запроса съ прогрессивнымъ обремененіемъ условій своей производительности. Но этотъ законъ можетъ ослабляться или временно отстраняться увеличеніемъ общей власти челоуѣка надъ

природой, въ чемъ-бы ни состояло это увеличеніе; а въ особенности онъ ослабляется всякимъ расширеніемъ человѣческаго знанія относительно силъ природы и свойствъ ея тѣлъ, потому что этимъ расширеніемъ знанія расширяется власть человѣка надъ ними“.

Таковъ смыслъ утвержденія Мальтуса, что средства существованія возрастаютъ медленнѣе, чѣмъ размножается населеніе. Изъ установленнаго Мальтусомъ закона, по которому первыя возрастаютъ въ ариѳметической прогрессіи въ то время, какъ второе размножается въ геометрической, вытекаетъ, что въ двадцатипятилѣтній періодъ производительная сила работника уменьшается вдвое, ибо въ два раза увеличивается ихъ количество. Такъ, если въ первый періодъ каждый работникъ производилъ 4 четверти хлѣба, то во второмъ періодѣ новые работники произведутъ всего двѣ четверти, а тѣ и другіе 6 четвертей, вмѣсто 8 четвертей, необходимыхъ для поддержанія прежняго довольства среди населенія; эти-то недостающія двѣ четверти, по ученію Мальтуса, вызовутъ болѣзни, страданія и пороки. Для избѣжанія этого дефицита необходимо сдѣлать въ теченіи 25 лѣтъ улучшенія въ производствѣ и, притомъ, въ такомъ размѣрѣ, чтобы поднять производство хлѣба съ 6 четвертей до 8, или, принимая производительность предъидущаго періода за 1, чтобы производительность слѣдующаго періода была равна $\frac{4}{3}$. Слѣдовательно,

улучшеніе въ земледѣліи въ теченіи 25 лѣтъ должно возрасти на $\frac{1}{3}$, что оказывается недостижимымъ, если принять во вниманіе, что улучшеніе должно возрастать съ каждымъ послѣдующимъ періодомъ и къ концу, напримѣръ, 4-го періода должно въ три слишкомъ раза превыситъ тотъ періодъ, отъ котораго мы начали исчисленіе.

Если-бы необходимость такой прогрессіи въ возрастаніи производительности была справедлива, Мальтусъ былъ-бы совершенно правъ, утверждая, что она недостижима и что поэтому необходимо сдерживать размноженіе населенія. Но въ своихъ исчисленіяхъ Мальтусъ сдѣлалъ ошибку, разоблаченную цитированнымъ уже выше русскимъ комментаторомъ Милля*).

Вотъ сущность разъясненія Чернышевскаго. Геометрическая прогрессія есть прогрессія сложныхъ процентовъ. Если я занялъ 100 р. по 5%, то долженъ уплатить кредитору ежегодно по 5 р. Мальтусъ-же разсуждаетъ совершенно иначе. На капиталъ въ 100 р., говоритъ онъ, считая по 5%, нарастаетъ въ теченіи 25 лѣтъ 238 р. 64 к.; если раздѣлить это число на 25, то получится 9 р. 55 к., которые и составляютъ мой ежегодный платежъ кредитору. Въ 50 лѣтъ тотъ-же капиталъ принесетъ процентовъ 1.046 р. 70 к., раздѣливъ

*) Послѣдующія цифровыя выкладки сдѣланы въ томъ упрощенномъ видѣ, какъ они приведены у П. Вибикова, въ его переводѣ „Опыта“ Мальтуса (изд. 1868 г.).

которыя на 50, получимъ 20 р. 93 к. ежегоднаго платежа за занятія 100 р

Такія именно разсужденія онъ приложилъ къ закону возрастанія земледѣльческаго продукта. Но вѣдь населеніе не удваивается разомъ въ какомъ либо году, а возрастаетъ постепенно изъ года въ годъ, слѣдовательно и удвоеніе земледѣльческихъ продуктовъ не понадобится сразу. Въ каждый годъ количество работниковъ лишь немного увеличивается, сравнительно съ предъидущимъ годомъ, а потому и земледѣльческіе продукты должны возрастать лишь постепенно. Прослѣдимъ-же, какъ должно быть велико ежегодное возрастаніе средствъ существованія.

Предположимъ, что населеніе ежегодно возрастаетъ на 3% (а мы выше видѣли, что столь значительное возрастаніе немыслимо) и что, по-этому, вмѣсто 100 человѣкъ мы будемъ имѣть въ слѣдующемъ году уже 103 человѣка. Чтобы населеніе не чувствовало нужды, производство должно возрасти также отъ 100 до 103. Но, по ученію Мальтуса, производительность трехъ новыхъ работниковъ уменьшится противъ производительности прежнихъ въ размѣрѣ увеличенія числа всѣхъ работниковъ, т.-е. производительность новаго труда должна относиться къ производительности прежняго какъ 100 : 103, или производительность каждаго новаго работника, вмѣсто 1 воза хлѣба, производимаго каждымъ прежнимъ работ-

никомъ, даетъ $^{100}/_{103}$ воза, или 0,97087, а всѣхъ трехъ новыхъ работниковъ, вмѣсто 3 возовъ, всего 2,91261 воза. Изъ этого слѣдуетъ, что уменьшившаяся производительность труда вызоветъ дефицитъ въ размѣрѣ 0,08739 воза, ибо вмѣсто 103 возовъ будетъ добыто лишь 102,91261. Для того, чтобы довести это число до прежней производительности, т.-е. до 103 возовъ, необходимо, чтобы производительность труда всѣхъ работниковъ поднялась въ слѣдующемъ году настолько, насколько необходимое количество зерна—103 воза, выше 102,91261 возовъ, полученныхъ безъ усовершенствованій; отсюда получаемъ:

$$X : 1 = 103 : 102,91261$$

$$\text{или } X := 1,000849.$$

Итакъ, какъ велико должно быть усовершенствованіе въ устройствѣ орудій, способѣ пользованія ими, въ свойствѣ или качествѣ удобрения, въ системѣ хозяйствъ и т. п., чтобъ относительное довольство страны не уменьшилось, несмотря на происшедшее увеличеніе населенія? Оказывается, что даже при 3⁰/₀-номъ размноженіи населенія, т. е. при такомъ его возрастаніи, которое никогда еще не наблюдалось ни въ одной изъ европейскихъ странъ, необходимо ежегодное усовершенствованіе земледѣльческаго производства на 0,000849 прежняго количества, что составляетъ въ пудѣ зерна около 3¹/₄ золотниковъ! Сумма такихъ ежегодныхъ

увеличеній въ цѣлый двадцатипятилѣтній періодъ должна поднять производство на $2\frac{1}{7}\%$, т. е. на такую незначительную величину, которая въ худшіе періоды человѣческой жизни несомнѣнно практически осуществилась и значительное превышеніе которой въ будущемъ не можетъ подлежать сомнѣнію, не смотря на то, что въ основаніе расчета принято необычайно быстрое размноженіе человѣчества.

Громадное различіе между предположеніями Мальтуса и правильными исчисленіями, основанными на его-же собственной гипотезѣ о попутномъ возрастаніи населенія въ геометрической прогрессіи и средствъ существованія въ арифметической, проявляется при слѣдующемъ сопоставленіи. Если принять современное производство земледѣльческихъ продуктовъ равнымъ единицѣ, то въ послѣдующіе періоды, отстоящіе на 25 лѣтъ одинъ отъ другого, высота земледѣлія должна быть:

	По ошибочному счету Мальтуса.	По правильному исчисленію.
Въ 1895 г.	1	1
„ 1920 г.	1,33	1,02
„ 1945 г.	1,78	1,04
„ 1970 г.	2,37	1,06
„ 1995 г.	3,16	1,09

Свои возраженія по этому вопросу Чернышевскій заканчиваетъ слѣдующими словами: „Цифры эти явно смѣются надъ нами и своею огромностью, пре-

вышающей всякій расчетъ экономическихъ вѣроятностей, и своею нелѣпою претензіей на точность. Эти цифры говорятъ намъ: не бойтесь, кто хочетъ запугать васъ, противъ того выставьте насъ,—опровергнуть насъ нельзя; но мы построены на вашихъ нынѣшнихъ обычаяхъ и понятіяхъ,—неужели вы думаете мѣрить далекое будущее вашими обычаями, понятіями, средствами производства? Неужели вы полагаете, что ваши праправнуки будутъ такими-же, какъ вы? Не бойтесь, они будутъ умнѣе васъ. Думайте о томъ, какъ вамъ устроить вашу жизнь, а заботу о судьбѣ праправнуковъ оставьте имъ самимъ. Вы видите, что не только вы сами, но и ваши дѣти, и ваши внуки могутъ обезпечить себя отъ нищеты,—пусть и этого будетъ довольно съ васъ; черезъ 200 лѣтъ люди будутъ смѣяться надъ вашими надеждами на будущее, какъ надеждами слишкомъ мелкими, надъ вашими опасеніями за будущее, какъ опасеніями, проистекшими только изъ вашей дикости“.

Справедливость требуетъ прибавить, что въ своемъ стремленіи опровергнуть мрачное ученіе Мальтуса, противники его пошли такъ далеко, что стали отрицать всякое вліяніе чрезмѣрнаго населенія на матеріальную обезпеченность человѣческаго рода. Они утверждаютъ, будто самое значительное размноженіе современнаго намъ населенія вполнѣ обезпечено громаднымъ количествомъ невоздѣланныхъ земель и неиспользованныхъ есте-

ственныхъ богатствъ, а будущее населеніе вправѣ рассчитывать на успѣхи знанія, предѣлы котораго нельзя даже теперь предвидѣть.

Относительно послѣдняго предположенія считаемъ умѣстнымъ привести мнѣніе такого компетентнаго ученаго, какъ К. Тимирязевъ. Въ своемъ изслѣдованіи „Историческій методъ въ біологіи“ (Р. М. 1894 г. № 7), онъ говоритъ: „Не трудно убѣдиться, что если въ примѣненіи къ сознательной жизни ученіе Мальтуса являлось-бы оправданіемъ преждевременнаго, безучастно пассивнаго подчиненія и возмущающей нравственное чувство дѣйствительности, то въ сферѣ дѣйствія безсознательныхъ факторовъ природы, это-же начало является роковою, механическою причиною *прогресса*, характеризующаго процессъ историческаго развитія органическаго міра. Съ другой стороны, въ попыткахъ освободиться отъ кошмара Мальтусова ученія, иногда доходили до розовыхъ мечтаній, что въ томъ отдаленномъ будущемъ, когда оно только и можетъ оправдаться, человѣкъ, усиліями своего ума и творчества, найдетъ исходъ изъ этого физически-безвыходнаго положенія. Посмотримъ-же въ какомъ смыслѣ послышки Мальтуса являются очевидными и неопровержимыми въ глазахъ естествоиспытателя. Прежде всего, не подлежитъ сомнѣнію, что каждое живое существо стремится размножиться въ геометрической прогрессіи. Далѣе извѣстно, что въ самой природѣ этого процесса не заключается

регулятора, который могъ-бы ограничивать этотъ колоссальный ростъ органическаго населенія нашей планеты. Регуляторъ этотъ лежитъ внѣ самыхъ организмовъ; онъ заключается въ ограниченности необходимыхъ условій для ихъ существованія. Этотъ предѣлъ проще всего можно себѣ представить, конечно, въ формѣ ограниченности пространства, но, въ дѣйствительности, трудно допустить, чтобы организмы могли когда-нибудь размножиться до того, чтобы имъ стало тѣсно на землѣ, въ прямомъ геометрическомъ смыслѣ. Очевидно, гораздо ранѣе наступитъ недостатокъ въ ближайшихъ средствахъ къ существованію—въ пищѣ. Рождается вопросъ: количество пищи, которое можетъ доставить поверхность земли, есть ли величина предѣльная и можемъ-ли мы хоть приблизительно составить себѣ о ней понятіе? Для естествоиспытателя это вопросъ давно рѣшенный, но любопытно, какъ медленно эти свѣдѣнія проникаютъ въ общество, становятся всеобщимъ достояніемъ. Въ нашей публицистической литературѣ этотъ вопросъ неоднократно возбуждался и оставался открытымъ или даже разрѣшался въ отрицательномъ смыслѣ. Такъ, наприм., неоднократно ставился вопросъ: что произойдетъ, когда химія овладѣетъ вполне синтезомъ пищевыхъ веществъ? Не будетъ-ли человѣкъ получать ихъ въ неограниченныхъ количествахъ? Не освободится-ли онъ отъ своей зависимости отъ земли? Не утратится-ли всякое значеніе землевладѣнія, не измѣ-

нится-ли самъ собою весь социальный строй? Рассуждающіе такъ забываютъ существованіе закона сохраненія энергіи, съ которымъ натуралисту прежде всего приходится считаться. Образование органическаго вещества изъ неорганическаго есть процессъ эндотермическій, идущій съ поглощеніемъ тепла,—процессъ, связанный съ затратой энергіи. Но всѣ источники энергіи, находящіеся на поверхности нашей планеты, въ видѣ запаса, представляютъ, очевидно, величину предѣльную, не даромъ, отъ времени до времени, возникаютъ тревожные толки о томъ, надолго-ли достанетъ запаса каменнаго угля. Единственнымъ обеспеченнымъ, ежегоднымъ приходомъ энергіи является лучистая энергія солнца. Ее-то растеніе и утилизируетъ въ своемъ синтезѣ органическаго вещества. Еслибъ человѣку и удалось,—въ чемъ едвали можно сомнѣваться,—осуществить синтезъ бѣлковъ, какъ онъ уже осуществилъ синтезъ жировъ и углеводовъ; еслибъ ему удалось свести этотъ лабораторный процессъ на степень простого техническаго производства, то и это, конечно, ни мало не уничтожило-бы его зависимости, прямой или косвенной, отъ солнечной энергіи. Существованіе органическаго міра, въ современномъ-ли его состояніи, или даже подчиненное въ будущемъ сознательной дѣятельности человѣка, будетъ всегда зависѣть отъ количества пищевыхъ веществъ, а это послѣднее—отъ количества заключенной въ нихъ и, прямо или косвенно,

затраченной въ процессѣ ихъ образованія солнечной энергіи. А эта величина, — въ смыслѣ годичнаго прихода, величина предѣльная, намъ хорошо извѣстная. Слѣдовательно, и количество жизни, которое осуществимо на нашей планетѣ, величина предѣльная. А между тѣмъ, стремленіе органическихъ веществъ къ размноженію само въ себѣ безгранично. Отсюда неизбежный, ничѣмъ неотразимый выводъ: большая часть возникающихъ живыхъ существъ рано или поздно устраняется. Процессъ этого устраненія, указанный Контомъ послѣ Дарвина, является уже не логическою только возможностью, объясняемою недостатками самихъ существъ, а незыблемымъ фактомъ, закономъ природы, съ роковою необходимостью, вытекающимъ изъ несоотвѣтствія между предложеніемъ и спросомъ на жизнь, между предѣльнымъ количествомъ ея, осуществимымъ на земной поверхности, числомъ отдѣльныхъ существованій, возникающихъ безъ всякаго отношенія къ этому предѣлу“.

Точно также не можетъ подлежать сомнѣнію, что вліяніе закона народонаселенія до извѣстной степени проявляется и въ современной намъ жизни, но причина этого вліянія заключается не въ естественно-историческихъ, а въ социальныхъ условіяхъ. Того-же мнѣнія придерживался и Мальтусъ, который объяснял бѣдствія современнаго общества не физическою невозможностью въ настоящее время поднять производительность труда, со-

отвѣтственно возрастанію населенія, а вліяніемъ пониженія заработной платы, падающей вслѣдствіе увеличенія предложенія труда. Въ этомъ отношеніи блестяще сформулированный Лассалемъ „железный законъ заработной платы“, является заимствованнымъ у Мальтуса. Но ошибка послѣдняго заключается въ томъ, что онъ признавалъ современныя экономическія отношенія непреложными и не признавалъ возможнымъ измѣненіе общественнаго строя, при которомъ устранился-бы такой непосредственный факторъ, обусловливающий бѣдствія, какъ попутное съ возрастаніемъ числа производителей паденіе заработной платы.

Признавая во многихъ мѣстахъ своего изслѣдованія непосредственное вліяніе указанного соціально-экономическаго фактора, Мальтусъ съ своихъ общихъ разсужденій затѣмъ всякій разъ подставляетъ вмѣсто него свой естественно-историческій законъ размноженія населенія и это является причиною той ошибки, которую онъ дѣлаетъ, подвергая сомнѣнію значеніе улучшеній общественной организаціи и учрежденій.

Логическимъ послѣдствіемъ этой ошибки явилось возникновеніе той части ученія Мальтуса, которая сдѣлала его имя ненавистнымъ для многихъ, а именно проповѣди нравственнаго обузданія. Не говоря уже о томъ, что воздержаніе отъ брака и дѣторожденія противорѣчитъ физическимъ условіямъ человѣческаго организма, а потому неминуемо должно

вести къ паденію нравственности и возникновенію пороковъ (съ чѣмъ соглашается и Мальтусъ), оно является въ тоже время совершенно безцѣльнымъ, ибо несовершенный общественный строй, порождающій различныя бѣдствія среди населенія, будетъ производить ихъ независимо отъ того, до какой-бы минимума мы ни довели количество людей.

Мы поступили-бы несправедливо, если-бы, заканчивая этотъ бѣглый очеркъ, не упомянули о томъ, что характеристика Маркса, по мнѣнію котораго Мальтусъ является „лживымъ и лицемернымъ попомъ, укравшимъ всё свои мысли у Франклина и Валласа“—совершенно несправедлива. Его изслѣдованіе представляетъ самостоятельный трудъ, при совершеніи котораго онъ, естественно, пользовался всѣми предшествовавшими пріобрѣтеніями человѣческаго знанія, но въ тоже время вложилъ въ него то, что составляло продуктъ его громаднаго и оригинальнаго ума. По этому, какъ-бы мы ни относились къ нѣкоторымъ заблужденіямъ Мальтуса, необходимо признать, что его „Опытъ закона о народонаселеніи“ представляетъ великій вкладъ въ науку.

Предисловіе автора ко второму изданію.

(1803).

Первое изданіе этого сочиненія появилось въ 1798 году. Оно было вызвано сочиненіемъ Годвина *), какъ я это объяснилъ въ предисловіи къ первому изданію. Я отдался своему временному увлеченію и воспользовался находившимися у меня въ деревнѣ матерьялами. Моими руководителями были Юмъ, Валласъ, Адамъ Смитъ, Прайсъ. Только ихъ работами я пользовался при изложеніи интересовавшаго меня закона, при помощи котораго я хотѣлъ разъяснить теорію совершенствованія челоука и общества, приковывавшую тогда общественное вниманіе. Дальнѣйшее развитіе этого предмета привело меня къ необходимости изслѣдовать, какое вліяніе оказываетъ тотъ же законъ на состояніе современнаго общества. Я пришелъ къ заключенію, что главнымъ образомъ этому закону необходимо приписать съ одной стороны развитіе нищеты и бѣдствій среди низшихъ классовъ всѣхъ странъ, съ другой стороны—бесплодность усилій, употреблявшихся до сего времени высшими классами для облегченія этихъ бѣдствій. Чѣмъ болѣе я изслѣдовалъ предметъ съ этой точки зрѣнія, тѣмъ большее зна-

*) «Опытъ о скуности и расточительности». Въ 1820 г. появилось «Изслѣдованіе о народонаселеніи», написанное Годвиномъ въ опроверженіе теоріи Мальтуса.

ченіе онъ приобрѣталъ въ моихъ глазахъ. Это обстоятельство, а также вниманіе, оказанное обществомъ моему „Опыту“, обязывали меня произвести нѣкоторыя историческія изслѣдованія, съ цѣлью изучить вліяніе закона народонаселенія на прошедшее и настоящее состоянія общества. Взглянувъ съ этой новой точки зрѣнія на свою задачу, подвергнувъ ее всестороннему изученію и принявъ наблюденіе за исходную точку своихъ выводовъ, я надѣялся получить болѣе полезныя практическіе результаты и придать большую устойчивость впечатлѣнію, производимому подобными истинами.

Принявшись за свое изслѣдованіе, я замѣтилъ, что по данному вопросу было сдѣлано гораздо больше, чѣмъ я думалъ въ то время, когда обнародовалъ первое изданіе своего „Опыта“. Нищета и бѣдствія, производимыя чрезмѣрно быстрымъ размноженіемъ населенія, были уже замѣчены и жестокія мѣры противъ этихъ бѣдствій были указываемы со времени Платона и Аристотеля. Въ послѣднее время этотъ вопросъ разсматривался нѣсколькими французскими экономистами и случайно Монтескье; изъ англійскихъ писателей его затрогивали Франклинъ, Стьюардъ, Артуръ Юнгъ и Таунсендъ. Эти писатели говорили по этому вопросу столь ясно, что трудно понять, почему имъ не удалось обратить на него должное вниманіе.

Тѣмъ не менѣе оставалось еще многое сдѣлать. Не говоря уже о томъ, что сравненіе между возрастаніемъ населенія и средствъ потребленія не было никѣмъ изложено съ достаточною силою и ясностью, нѣкоторыя стороны вопроса, и притомъ едва-ли не изъ числа наиболѣе важныхъ и любо-

пытныхъ, совершенно не были приняты во вниманіе или затронуты были слишкомъ поверхностно. Было ясно установлено, что населеніе должно всегда удерживаться на уровнѣ средствъ существованія, но мало обращено было вниманія на различныя мѣры, при помощи которыхъ можетъ сохраниться этотъ уровень. Наконецъ, совершенно была забыта необходимость подробно прослѣдить послѣдствія закона, и упущены практическіе выводы, извлекаемые изъ тщательнаго изученія того вліянія, которое законъ оказываетъ на весь общественный строй.

На этихъ вопросахъ я счелъ необходимымъ главнымъ образомъ остановиться въ настоящемъ „Опытѣ“, который, вслѣдствіе этого, представляется новымъ сочиненіемъ. Какъ таковое, я, вѣроятно, и издалъ-бы его, выдѣливъ нѣсколько дословно повторенныхъ здѣсь главъ перваго изданія, если бы я не имѣлъ намѣренія соединить въ одно цѣлое всѣ мои соображенія, съ цѣлью дать возможность пользоваться настоящимъ трудомъ, не прибѣгая къ постояннымъ обращеніямъ къ первому изданію.

Читатели, хорошо овладѣвшіе вопросомъ или внимательно ознакомившіеся съ первымъ изданіемъ моего „Опыта“, быть можетъ, найдутъ, что я вошелъ въ излишнія подробности по нѣкоторымъ вопросамъ, или, что я прибѣгаю къ бесполезнымъ повтореніямъ. Весьма вѣроятно, что въ этомъ отношеніи я впалъ въ ошибки, отчасти потому, что не умѣлъ ихъ избѣгнуть, отчасти потому, что не хотѣлъ этого. Разсматривая общественный строй различныхъ странъ и дѣлая одинаковые выводы изъ этого разсмотрѣнія, почти невозможно было избѣгнуть повтореній. Въ тѣхъ-же частяхъ моего изслѣдованія, которыя

привели меня къ выводамъ, значительно несогласующимся съ общераспространенными и обычными мнѣніями, я дѣлалъ попытку переубѣдить читателя путемъ повторенія своихъ выводовъ, каждый разъ, когда представлялась къ тому возможность.

Установленный мною общій законъ до такой степени неоспоримъ, что еслибы я ограничился здѣсь отвлеченнымъ изложеніемъ и предложилъ-бы читателямъ нѣсколько общихъ соображеній, то оградились-бы себя отъ всякихъ нареканій, а моя работа заслужила-бы большее уваженіе. Но несмотря на то, что общія соображенія иногда могутъ быть полезны для торжества истины, они рѣдко оказываютъ значительное вліяніе на самую жизнь. Поэтому мнѣ казалось, что я надлежащимъ образомъ могу выполнить свою задачу только въ томъ случаѣ, если ясно и послѣдовательно изложу всѣ выводы изъ установленнаго мною общаго закона, каковы-бы ни были эти выводы. Я не скрываю отъ себя, что этотъ пріемъ даетъ просторъ возраженіямъ и подвергаетъ меня нападкамъ. Но меня утѣшаетъ мысль, что даже ошибки, въ которыя я могъ впасть, благодаря направленнымъ противъ нихъ опроверженіямъ, послужатъ поводомъ къ наибольшему знакомству съ предметомъ, такъ тѣсно связаннымъ съ благосостояніемъ общества.

Въ этомъ новомъ изданіи я установилъ препятствіе къ размноженію населенія, различное отъ такихъ причинъ, какъ пороки и несчастья. Я также смягчилъ нѣкоторыя частности перваго изданія. Я это сдѣлалъ въ слѣдствіе соображеній, которыя мнѣ казались основательными и справедливыми. Что-же касается моихъ соображеній относительно предстоя-

щаго общественнаго прогресса, то, надѣюсь, что въ этомъ отношеніи я не буду опровергнутъ опытомъ прошлаго. Тѣмъ, кто будетъ продолжать настаивать на томъ, что всякое препятствіе къ размноженію человѣчества представляетъ бѣольшее зло, чѣмъ бѣдствія, отъ которыхъ это препятствіе спасаетъ,—придется въ полной мѣрѣ принять тѣ послѣдствія, которыя мною указаны въ первомъ изданіи этого „Опыта“. Придерживаясь такого мнѣнія, необходимо въ то-же время признать, что нищета и бѣдствія низшихъ классовъ населенія представляютъ непоправимое зло.

Я тщательно старался избѣгнуть ошибокъ въ счетѣ и изложеніи фактовъ. Но если какія-либо ошибки, по мимо моей воли, вкрались въ эту работу, онѣ не могутъ имѣть значительнаго вліянія на сущность моихъ соображеній.

При изобиліи матерьяла, имѣвшагося въ моемъ распоряженіи при изложеніи первой части моей работы, я не могу быть увѣренъ ни въ томъ, что сдѣлалъ наилучшій выборъ изъ этого матерьяла, ни въ томъ, что наиболѣе ясно изложилъ его. Позволю себѣ надѣяться, что читатели, интересующіеся нравственными и общественными вопросами, простятъ мнѣ несовершенство моей работы во имя новизны и важности затронутаго въ ней предмета.

Предисловіе автора къ пятому изданію.

(1817).

Этотъ „Опытъ“ былъ впервые обнародованъ въ то время, когда продолжительная война, въ слѣдствіе чрезвычайныхъ обстоятельствъ, сопровождалась значительнымъ процвѣтаніемъ иностранной торговли. Такимъ образомъ, онъ появился въ эпоху чрезвычайнаго спроса на людей, когда трудно было даже допустить мысль о томъ, что увеличеніе населенія можетъ породить какія-либо бѣдствія. Успѣхъ, достигнутый имъ при столь неблагопріятныхъ условіяхъ, превзошелъ благоразумныя ожиданія; поэтому можно разсчитывать, что онъ возбудитъ не меньшей интересъ въ совершенно иную эпоху, болѣе благопріятную для выясненія его основаній и подтвержденія его выводовъ.

Важное значеніе затронутаго въ моемъ трудѣ предмета и вниманіе, которое онъ, вѣроятно, привлечетъ, обязывали меня исправить ошибки, обнаруженныя моею послѣдующею опытностью и новыми изслѣдованіями; въ слѣдствіе этого я сдѣлалъ въ этомъ трудѣ добавленія и измѣненія, которыя, по моему мнѣнію, должны были его улучшить и сдѣлать болѣе полезнымъ.

Въ первой части настоящаго сочиненія не трудно было-бы увеличить число историческихъ примѣровъ.

Но, къ сожалѣнію, въ имѣющемся у меня подъ рукою матеріалѣ я не встрѣтилъ достаточно подробныхъ и точныхъ данныхъ для выясненія того, чему я ранѣе придавалъ особое значеніе, — я имѣю въ виду естественную силу размноженія, разрушаемую всякимъ частнымъ препятствіемъ. Поэтому я счелъ бесполезнымъ прибавлять новые факты для подтвержденія полученнаго уже мною вывода.

Въ слѣдствіе этого въ первыхъ двухъ книгахъ добавлена лишь одна новая глава о Франціи и Англіи, посвященная событіямъ, происшедшимъ послѣ выхода въ свѣтъ послѣдняго изданія моего „Опыта“. Въ третью книгу я включилъ добавочную главу относительно законодательства о бѣдныхъ; кромѣ того, просматривая главы, въ которыхъ изложены системы земледѣлія и торговли, а также вліяніе скопленія богатствъ на судьбу бѣдныхъ, я пришелъ къ заключенію, что эти главы могутъ быть изложены въ лучшемъ порядкѣ и притомъ можетъ быть достигнуто болѣе непосредственное приложеніе ихъ къ главному предмету этого сочиненія. Мнѣ предстояло произвести нѣкоторыя измѣненія въ главѣ о поощреніи вывоза и нѣкоторыя добавленія къ вопросу о стѣсненіи ввоза, поэтому я вновь написалъ главы отъ 8 до 13 включительно; сверхъ того я измѣнилъ заглавіе 14 главы и включилъ въ нее два или три новыхъ періода. Въ четвертой книгѣ я прибавилъ новую главу къ той, въ которой говорится „о вліяніи на гражданскую свободу знакомства съ главною причиною бѣдности“, а также новую главу, посвященную разсмотрѣнію „различныхъ мѣръ, предложенныхъ для улучшенія положенія бѣдныхъ“. Наконецъ, къ приложенію я сдѣлалъ добавленіе въ отвѣтъ на обна-

родованныя въ послѣднее время сочиненія, написанныя по поводу „Закона народонаселенія“.

Вотъ важнѣйшія добавленія и измѣненія, сдѣланныя въ этомъ пятомъ изданіи. Они заключаются главнымъ образомъ въ примѣненіи основныхъ положеній этого труда къ современному порядку вещей.

О ПЫТЪ

О

ЗАКОНЪ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

О препятствіяхъ къ размноженію населенія въ наименѣе цивилизованныхъ странахъ и въ древнія времена.

I.

Изложеніе предмет .—Отношеніе между размноженіемъ насел. а станіемъ количества пропитанія.

Тому, кто захочетъ предусмотрѣть, каковъ будетъ дальнѣйшій прогрессъ общества, естественно предстоить изслѣдовать два вопроса:

1) Какія причины задерживали до сихъ поръ развитіе человѣчества или возрастаніе его благосостоянія?

2) Какова вѣроятность устранить, вполне или отчасти, эти причины, препятствующія развитію человѣчества?

Такое изслѣдованіе слишкомъ обширно, чтобы одно лицо могло его съ успѣхомъ выполнить. Задача настоящей книги заключается преимущественно въ изслѣдованіи послѣдствій великаго и тѣсно свя-

заннаго съ человѣческою природою закона, дѣйствовавшаго неизмѣнно со времени происхожденія обществъ, но, не смотря на это, мало обращавашаго на себя вниманіе тѣхъ людей, которые занимались вопросами, имѣвшими ближайшее отношеніе къ этому закону. Въ сущности, многіе признавали и подтверждали факты, въ которыхъ проявляется дѣйствіе этого закона, но никто не замѣчалъ естественной и необходимой связи между самимъ закономъ и нѣкоторыми важнѣйшими его послѣдствіями, не смотря на то, что въ числѣ этихъ послѣдствій должны бы были обратить на себя вниманіе такія явленія, какъ пороки, несчастія и то весьма неравномѣрное распредѣленіе благъ природы, исправленіе котораго всегда составляло задачу людей доброжелательныхъ и просвѣщенныхъ.

Законъ этотъ состоитъ въ проявляющемся во всѣхъ живыхъ существахъ постоянномъ стремленіи размножаться быстрѣе, чѣмъ это допускается находящимся въ ихъ распоряженіи количествомъ пищи.

По наблюденіямъ доктора Франклина единственною границею воспроизводительной способности растений и животныхъ является лишь то обстоятельство, что, размножаясь, они взаимно лишаютъ себя средствъ къ существованію. Еслибы, говорить онъ, поверхность земли лишилась всѣхъ своихъ растений, то одной породы, напримѣръ, укропа, было бы достаточно, чтобы покрыть ее зеленью; еслибы земля не была населена, то одной націи, англійской, напримѣръ, достаточно было бы, чтобы заселить ее въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ.

Это утвержденіе неоспоримо. Природа щедрою рукою разсыпала зародыши жизни въ обоихъ цар-

ствахъ, но она бережлива относительно мѣста и пищи для нихъ.

Безъ этой предосторожности, одного населенія земли было бы достаточно, чтобы въ нѣсколько тысячелѣтій покрыть милліоны міровъ; но настоятельная необходимость сдерживаетъ эту чрезмѣрную плодовитость, и человѣкъ, наравнѣ съ прочими живыми существами, подчиненъ закону этой необходимости.

Растенія и животныя слѣдуютъ своему инстинкту, не останавливаемыя предусмотрительностью относительно лишней, которая можетъ испытать ихъ потомство. Недостатокъ мѣста и пищи уничтожаетъ въ обоихъ царствахъ то, что переходитъ границы, указанные для каждой породы.

Послѣдствія того же препятствія оказываются для человѣка гораздо болѣе сложными. Побуждаемый тѣмъ же инстинктомъ размноженія, онъ удерживается голосомъ разума, внушающимъ ему опасеніе, что онъ не въ состояніи будетъ удовлетворить потребности своихъ дѣтей. Если онъ уступить этому справедливому опасенію, то, нерѣдко, это будетъ въ ущербъ добродѣтели. Если же, наоборотъ, одержитъ верхъ инстинктъ—населеніе возрастетъ быстрѣе, чѣмъ средства существованія, а слѣдовательно, по необходимости, оно должно вновь уменьшиться. Такимъ образомъ, недостатокъ пропитанія является постояннымъ препятствіемъ къ размноженію человѣческой породы; это препятствіе обнаруживается всюду, гдѣ скопляются люди, и непрерывно проявляется въ разнообразныхъ формахъ нищеты и вызываемаго ею справедливаго ужаса.

Разсматривая различные періоды существованія общества, не трудно убѣдиться съ одной стороны

въ томъ, что человѣчеству присуще постоянное стремленіе къ размноженію, превышающему средства существованія, съ другой стороны — что эти средства существованія являются препятствіемъ къ чрезмѣрному размноженію. Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ изслѣдованіямъ въ этомъ направленіи, попытаемся опредѣлить, какъ велико было бы естественное и ничѣмъ не сдерживаемое размноженіе населенія и до какихъ предѣловъ можетъ возрасти производительность земли при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для производительнаго труда.

Не трудно согласиться, что нѣтъ ни одной извѣстной страны, которая представляла бы такія обильныя средства существованія и такіе простые и чистые нравы, чтобы заботы объ удовлетвореніи потребностей семьи никогда не препятствовали или не задерживали заключеніе браковъ, и чтобы пороки многолюдныхъ городовъ, вредныя для здоровья ремесла или чрезмѣрный трудъ не сокращали бы продолжительность жизни. Слѣдовательно, мы не знаемъ ни одной страны, въ которой населеніе возрастало бы безпрепятственно.

Независимо отъ законовъ, устанавливающихъ бракъ, природа и нравственность одинаково предписываютъ человѣку съ ранняго возраста привязанность исключительно къ одной женщинѣ, и еслибы ничто не препятствовало неразрывному союзу, являющемуся слѣдствіемъ такой привязанности, или еслибы не наступали за нимъ условія, уменьшающія возрастаніе населенія, то мы въ правѣ были бы предположить, что послѣднее перешло бы за предѣлы, которыхъ оно когда-либо достигало.

Въ Штатахъ Сѣверной Америки, въ которыхъ

не обнаруживается недостатка въ средствахъ существованія, гдѣ господствуетъ чистота нравовъ и гдѣ ранніе браки возможные, чѣмъ въ Европѣ, найдено было, что населеніе, въ продолженіи болѣе полутора ста лѣтъ, удваивалось менѣе, чѣмъ въ двадцать пять лѣтъ *). Это удвоеніе имѣло мѣсто, не смотря на то, что въ тотъ же промежутокъ времени въ нѣкоторыхъ городахъ замѣчалось превъшненіе числа умершихъ надъ числомъ родившихся, вслѣдствіе чего остальная страна должна была постоянно пополнять населеніе этихъ городовъ. Это показываетъ, что размноженіе можетъ въ дѣйствительности совершаться быстрѣе, чѣмъ это выражается общею среднею цифрою.

Въ поселеніяхъ внутри страны, гдѣ земледѣліе составляло единственное занятіе колонистовъ, гдѣ неизвѣстны были ни пороки, ни вредныя для здоровья городскія работы, найдено было, что населеніе удваивалось каждые пятнадцать лѣтъ. Это приращеніе, какъ оно ни было велико само по себѣ, могло бы несомнѣнно еще возрасти, еслибы къ тому не встрѣчалось никакихъ препятствій. Разработка новыхъ земель нерѣдко требовала чрезмѣрныхъ усилій, которыя не всегда оказывались безвредными для здоровья рабочихъ; сверхъ того туземные дикари иногда мѣшали этому предпріятію своими набѣгами, уменьшали количество произведеній трудолюбиваго земледѣльца и даже лишали жизни нѣкоторыхъ членовъ его семьи.

*) Нѣкоторыя соображенія и новѣйшія вычисленія доказываютъ, что со времени перваго заселенія Америки до 1800 г., періодъ удвоенія населенія былъ нѣсколько болѣе 20 лѣтъ. Примѣч. автора.

По таблицѣ Эйлера, вычисленной по 1 умершему на 36,—въ томъ случаѣ когда рожденія относятся къ смертямъ, какъ 3:1, періодъ удвоенія населенія составляетъ всего $12\frac{4}{5}$ года. И это не предположеніе только, а дѣйствительное явленіе, нѣсколько разъ повторявшееся въ короткіе промежутки времени.

Сэръ В. Петти полагаетъ, что подѣ влияніемъ особо-благоприятныхъ условій населеніе можетъ удваиваться каждые 10 лѣтъ.

Но, во избѣжаніе всякихъ преувеличеній, примемъ за основаніе нашихъ разсужденій размноженіе наименѣе быстрое, доказанное сопоставленіемъ многихъ свидѣтельствъ и притомъ производимое одними только рожденіями.

И такъ мы можемъ признатъ несомнѣннымъ то положеніе, что если возрастаніе населенія не задерживается какими-либо препятствіями, то это населеніе удваивается черезъ каждые 25 лѣтъ и, следовательно, возрастаетъ въ каждый послѣдующій двадцатипятилѣтній періодъ въ геометрической прогрессіи.

Несравненно труднѣе опредѣлить размѣръ возрастанія произведеній земли. Тѣмъ не менѣе мы увѣрены, что размѣръ этотъ не соотвѣствуетъ тому, который проявляется при возрастаніи населенія. Миллиардъ людей по закону народонаселенія долженъ удвоиться черезъ 25 лѣтъ, точно также, какъ и тысяча человѣкъ; но нельзя получить съ прежною легкостью пищу для пропитанія быстро-возрастающаго населенія. Человѣкъ стѣсненъ ограниченнѣмъ пространствомъ; когда мало-по-малу, десятинна за десятиной, будетъ занята и воздѣлана вся плодородная земля, увеличеніе количества пищи

можетъ быть достигнуто не иначе, какъ только путемъ улучшенія занятыхъ ранѣ земель. Эти улучшенія, по самымъ свойствамъ почвы, не только не могутъ сопровождаться постоянно возрастающими успѣхами, но, наоборотъ, послѣдніе будутъ постепенно уменьшаться, въ то время какъ населеніе, если оно находитъ средства существованія, возрастаетъ безгранично, и это возрастаніе становится, въ свою очередь, дѣятельною причиною новаго возрастанія.

Все, что намъ извѣстно о Китаѣ и Японіи, даетъ намъ право сомнѣваться въ томъ, чтобы, при наибольшихъ усиліяхъ человѣческаго труда, можно было достигнуть удвоенія количества произведеній земли, даже въ возможно длинный періодъ времени.

Правда, на земномъ шарѣ въ настоящее время имѣется еще много необработанныхъ и почти незаселенныхъ земель; но можно оспаривать наше право на истребленіе разбѣянныхъ по нимъ племень, или на принужденіе ихъ къ заселенію отдаленнѣйшихъ частей своихъ земель, недостаточныхъ для ихъ прокормленія. Если бы мы хотѣли прибѣгнуть къ распространенію среди этихъ племень цивилизаци и къ лучшему направленію ихъ труда, то для этого нужно было бы употребить много времени; а такъ какъ въ теченіи этого времени возрастаніе средствъ существованія будетъ сопровождаться соразмѣрнымъ увеличеніемъ населенія этихъ племень, то рѣдко можетъ случиться, чтобы такимъ путемъ разомъ освободилось значительное количество плодородныхъ земель, могущихъ поступить въ распоряженіе просвѣщенныхъ и промышленныхъ народовъ. Наконецъ, какъ это случается при учреж-

деніи новыхъ колоній, населеніе послѣднихъ, быстро возрастая въ геометрической прогрессіи, вскорѣ приходитъ къ своему наивысшему уровню. Если, въ чемъ нельзя сомнѣваться, населеніе Америки будетъ постоянно возрастать, хотя бы даже съ меньшей быстротою, чѣмъ въ первый періодъ заведенія въ ней колоній, то туземцы будутъ постоянно отгѣсняться въ глубь страны, пока, наконецъ, ихъ раса не исчезнетъ совершенно.

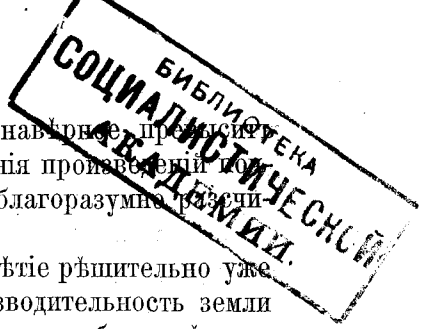
Эти соображенія до извѣстной степени приложимы ко всѣмъ частямъ земного шара, гдѣ земля недостаточно хорошо воздѣлывается. Но ни на одну минуту не можетъ придти въ голову мысль объ уничтоженіи и истребленіи большей части жителей Азии и Африки. Цивилизовать же различныя племена татаръ и негровъ и руководить ихъ трудомъ, представляется, безъ сомнѣнія, долгимъ и труднымъ дѣломъ, успѣхъ котораго, притомъ, измѣнчивъ и сомнителенъ.

Европа также заселена еще не такъ густо, какъ это могло бы быть. Только въ ней можно до нѣкоторой степени разсчитывать на лучшее приложеніе труда. Въ Англии и Шотландіи много занимались изученіемъ земледѣлія, но и въ этихъ странахъ есть много невоздѣланныхъ земель. Разсмотримъ до какой степени можетъ быть на этомъ островѣ увеличена производительность земли, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, какія только можно себѣ представить. Если мы допустимъ, что при наилучшемъ правленіи и при наибольшемъ поощреніи земледѣлія, произведенія почвы этого острова могутъ удвоиться въ первое двадцатипятилѣтіе, то, по всей вѣроятности, мы перейдемъ предѣлы дѣйствительно

возможнаго; такое допущеніе, навѣрное, приведетъ къ дѣйствительную мѣру возрастанія произведеній почвы, на которую мы въ правѣ благоразумно рассчитывать.

Въ слѣдующее двадцатипятилѣтіе рѣшительно уже нельзя надѣяться, чтобы производительность земли возрасла въ такой же степени и чтобы, слѣдовательно, въ концѣ этого второго періода, первоначальное количество продуктовъ земледѣлія учетверилось. Допустить это—значило бы опрокинуть всѣ наши познанія и представленія о производительности почвы. Улучшеніе бесплодныхъ участковъ является результатомъ большихъ затратъ труда и времени, и для всякаго, имѣющаго самое поверхностное представленіе объ этомъ предметѣ, очевидно, что по мѣрѣ улучшения обработки, ежегодное приращеніе средняго количества продуктовъ земледѣлія, постоянно, съ извѣстною правильностью, уменьшается. Но, чтобы сравнить между собою степени возрастанія населенія и средствъ существованія, допустимъ предположеніе, которое, какъ бы оно ни было неточно, во всякомъ случаѣ значительно преувеличиваетъ дѣйствительно возможную производительность земли.

— Допустимъ, что ежегодное приращеніе къ среднему количеству продуктовъ земледѣлія не уменьшается, т. е., остается неизмѣннымъ для каждаго послѣдующаго періода времени, и что въ концѣ каждаго двадцатипятилѣтія успѣхи земледѣлія выразятся въ возрастаніи продуктовъ, равномъ современному годичному производству Великобританіи. Навѣрное, изслѣдователь, наиболѣе склонный къ преувеличеніямъ, не допуститъ, чтобы можно было ожи-

дать, большаго, такъ какъ и этого совершенно достаточно, чтобы въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ обратить всю почву острова въ роскошный садъ.

Приложимъ это предположеніе ко всему земному шару и допустимъ, что въ концѣ каждаго послѣдующаго двадцатипятилѣтія количество продуктовъ земледѣлія будетъ равняться тому, что собиралось въ началѣ этого двадцатипятилѣтія, съ прибавленіемъ къ нему всего того количества, которое въ настоящее время можетъ дать поверхность земного шара *). Безъ сомнѣнія, мы не вправе ожидать большаго отъ наилучше направленныхъ усилій человѣческаго труда.

Итакъ, исходя изъ современнаго состоянія заселенныхъ земель, мы въ правѣ сказать, что *средства существованія, при наиболѣе благоприятныхъ условіяхъ примѣненія человеческого труда, никогда не могутъ возрастать быстрѣе, чѣмъ въ ариѳметической прогрессіи.*

Неизбѣжный выводъ, вытекающій изъ сравненія приведенныхъ выше двухъ законовъ возрастанія, поистинѣ поразителенъ. Допустимъ, что населеніе Великобританіи равняется 11 милліонамъ, и что современная производительность ея почвы совершенно достаточна для прокормленія этого населенія. Черезъ 25 лѣтъ населеніе достигнетъ 22 милліоновъ, а продовольствіе, также удвоившись, по прежнему способно будетъ прокормить населеніе. Въ концѣ втораго двадцатипятилѣтія населеніе возрастетъ уже до

*) Напр., если десятина даетъ теперь 50 пуд. ржи, то черезъ 25 лѣтъ она будетъ давать больше на сумму этого годичнаго производства. т. е. 100 п., еще черезъ 25 лѣтъ количество это увеличится опять на сумму теперешняго годичнаго производства и будетъ равно 150 п.; въ третій періодъ оно достигнетъ 200 п., и т. д.

44 миллионѣвъ, а средствъ существованія хватить лишь для 33 миллионѣвъ. Въ концѣ слѣдующаго двадцатилѣтняго періода, изъ 88 миллионѣвъ населенія уже только половина найдетъ себѣ средства существованія. Въ концѣ столѣтія населеніе достигнетъ 176 миллионѣвъ, средствъ же существованія хватить лишь на 55 миллионѣвъ, слѣдовательно, остальные 121 миллионѣвъ должны будутъ умереть съ голоду.

Замѣнимъ избранный нами для примѣра островъ поверхностью всего земного шара; въ этомъ случаѣ, конечно, уже нѣтъ мѣста предположенію, что голодъ можетъ быть устраненъ переселеніями. Допустимъ, что современное населеніе земного шара равно 1 миллиарду; человѣческій родъ размножался бы какъ: 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256; въ тоже время средства существованія размножались-бы какъ: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9. По истеченіи двухъ столѣтій количество населенія относилось-бы къ средствамъ существованія, какъ 256 къ 9; по истеченіи трехъ столѣтій, какъ 4096 къ 13, а по прошествіи 2000 лѣтъ отношеніе это было-бы безпредѣльно и неисчислимо.

Въ нашихъ предположеніяхъ мы не положили границъ для производительности земли. Мы допустили, что она можетъ безконечно возрастать и превысить всякую данную величину. Но даже при такомъ предположеніи, законъ постояннаго возрастанія населенія до такой степени превышаетъ законъ возрастанія средствъ существованія, что для сохраненія равновѣсія между ними, для того, слѣдовательно, чтобы данное населеніе имѣло соотвѣтственное количество средствъ существованія, необходимо, чтобы размно-

женіе постоянно задерживалось какимъ-нибудь высшимъ закономъ, чтобы оно подчинялось суровой необходимости, словомъ, чтобы тотъ изъ этихъ двухъ противоположныхъ законовъ размноженія, на сторонѣ котораго оказывается такой перевѣсъ, сдерживался-бы въ опредѣленныхъ границахъ.

II.

Общія препятствія, задерживающія размноженіе населенія и способъ ихъ воздѣйствія.

Изъ предыдущаго вытекаетъ, что важнѣйшимъ препятствіемъ къ размноженію населенія является недостатокъ пищи, происходящій отъ различія отношеній, въ которыхъ возрастаютъ—съ одной стороны населеніе, а съ другой стороны средства существованія. Но это важнѣйшее и окончательное препятствіе, которое является конечнымъ результатомъ всѣхъ остальныхъ, оказываетъ свое непосредственное дѣйствіе только въ случаѣ бѣдствій, производимыхъ голодомъ.

Непосредственныя препятствія проистекаютъ отъ нарушенія привычекъ и отъ болѣзней, создаваемыхъ недостаткомъ средствъ существованія; сюда-же необходимо причислить, независяція прямо отъ этого недостатка, физическія и нравственныя причины, причиняющія преждевременную смерть.

Эти препятствія къ размноженію населенія, дѣйствующія постоянно, съ большею или меньшею силою во всѣхъ человѣческихъ обществахъ и удерживающія размѣръ населенія на уровнѣ его средствъ существованія, могутъ быть сведены къ двумъ рядамъ. Одни дѣйствуютъ, предупреждая размноженіе населенія, другія—сокращая его по мѣрѣ чрез-

мѣрнаго возрастанія. Первыя можно назвать *препятствіями предупредительными*, вторыя — *препятствіями разрушительными*.

Препятствія предупредительныя, по скольку они добровольны, свойственны человѣку и заключаются въ способности, отличающей его отъ животныхъ, — способности предвидѣть и оцѣнивать отдаленныя послѣдствія. Всѣ препятствія къ безграничному размноженію лишенныхъ разума растений и животныхъ, принадлежатъ къ числу разрушительныхъ; если-же они оказываются предупредительными, то въ нихъ нѣтъ ничего добровольнаго. Наоборотъ, человѣку стоитъ взглянуть вокругъ себя, чтобы поразиться зрѣлищемъ, которое часто представляютъ большія семьи; сравнивая свои средства существованія, часто не превышающія его собственныя потребности, съ числомъ лицъ, съ которыми пришлось-бы раздѣлить эти скудныя средства (а число это легко можетъ возрасти до 7 — 8 человѣкъ), онъ проникается справедливымъ опасеніемъ, что не въ состояніи будетъ содержать рожденныхъ имъ дѣтей. Таковы будутъ его опасенія среди общества, основаннаго на равенствѣ, если такое общество можетъ осуществиться. При настоящемъ порядкѣ вещей, ему представляются еще другія соображенія. Не рискуетъ-ли онъ утратить свое положеніе и не вынужденъ-ли будетъ отказаться отъ своихъ дорогихъ привычекъ? Какое занятіе и какое употребленіе онъ дастъ своимъ способностямъ? Не придется-ли ему отдаться болѣе изнурительному труду, или прибѣгнуть къ болѣе тяжелымъ занятіямъ, къ которымъ его не вынуждаетъ настоящее положеніе? Будетъ-ли онъ въ состояніи предоставить своимъ дѣтямъ

такое-же воспитаніе, какимъ онъ самъ воспользовался? Можетъ-ли онъ питать увѣренность въ томъ, что, при постепенномъ увеличеніи семьи, его личныхъ усилій достаточно будетъ для того, чтобы избѣжать нищеты и сопутствующаго ей общественнаго презрѣнія? Не придется-ли даже, въ крайнемъ случаѣ, отказаться отъ той независимости, которую онъ такъ гордится, и не заставитъ-ли его нужда обратиться, какъ къ послѣднему средству, къ общественной благотворительности, всегда ограниченной и недостаточной?

Такія соображенія дѣлаются съ цѣлью предупредить многія супружества во всякомъ цивилизованномъ обществѣ, при чемъ они часто достигаютъ своей цѣли, — препятствуютъ заключенію многихъ раннихъ браковъ, противодѣйствуя такимъ образомъ естественнымъ влеченіямъ.

Если за этимъ не слѣдуютъ пороки, воздержаніе отъ раннихъ браковъ является наименьшимъ зломъ, вытекающимъ изъ закона народонаселенія. Воздержаніе, налагаемое на наши наиболѣе сильныя влеченія, безъ сомнѣнія вызываетъ временное тягостное чувство. Но это зло, очевидно, весьма ничтожно, сравнительно съ другими препятствіями, останавливающими возрастаніе населенія. Воздержаніе является такимъ же лишеніемъ, какъ и множество другихъ, налагаемыхъ на насъ нравственнымъ чувствомъ.

Когда воздержаніе сопровождается пороками, проистекающее отъ этого зло поражаетъ всякаго наблюдателя. Извращеніе нравовъ, доведенное до такой степени, что оно препятствуетъ рожденію дѣтей, унижаетъ человѣческую природу и оскорбляетъ

ея достоинство. Оно производитъ такое дѣйствіе на мушину и еще болѣе извращаетъ характеръ женщины, искажая самыя привлекательныя свойства ея природы. Къ этому необходимо прибавить, что изъ всѣхъ несчастныхъ созданій, быть можетъ, ни одно не подвергается такимъ бѣдствіямъ и не впадаетъ въ такую крайнюю нищету, какъ тѣ несчастныя жертвы проституціи, которыми изобилуютъ большіе города.

Когда испорченность становится общою и распространяется на всѣ слои общества, она неизбежно отравляетъ самый источникъ семейнаго счастья, ослабляетъ тѣ узы, которыя соединяютъ супруговъ и которыми природа связала родителей съ дѣтьми, обязанными имъ своимъ существованіемъ, и, наконецъ, вредитъ воспитанію послѣднихъ. Эти послѣдствія, безъ сомнѣнія, уменьшаютъ счастье общества и наносятъ громадный вредъ добродѣтели. Последняя страдаетъ въ особенности въ слѣдствіе обмана, необходимаго для веденія преступной интриги и сокрытія ея послѣдствій, ибо нѣтъ пороковъ, въ которые бы не способны были вовлечь такія тайныя, незаконныя сношенія.

Разрушительныя препятствія къ размноженію населенія по своей природѣ весьма разнообразны. Къ нимъ относятся всѣ причины, стремящіяся какимъ-бы то ни было образомъ, при помощи порока или несчастія, сократить естественную продолжительность человѣческой жизни. Поэтому, къ категоріи этихъ препятствій необходимо отнести вредныя для здоровья занятія, тяжкій, чрезмѣрный или подвергающій вліянію непогоды трудъ, крайнюю бѣдность, дурное питаніе дѣтей, нездоровыя жизненныя

условія большихъ городовъ, всякаго рода излишества, болѣзни, эпидеміи, войну, чуму, голодь.

Изслѣдуя препятствія къ размноженію населенія, раздѣленные мною на двѣ общихъ группы подъ именемъ предупредительныхъ и разрушительныхъ, не трудно замѣтить, что они могутъ быть сведены къ слѣдующимъ тремъ видамъ: нравственному обузданію, пороку и страданіямъ.

Въ числѣ предупредительныхъ препятствій, воздержаніе отъ супружества, сопровождаемое цѣломудріемъ, составляетъ то, что я разумѣю подъ именемъ *нравственнаго обузданія* (moral restraint) *).

Распушенность, противоестественныя страсти, оскверненіе супружескаго ложа, ухищренія, принимаемыя для сокрытія послѣдствій преступной

*) Я употребляю здѣсь слово *нравственный* въ ограниченномъ смыслѣ. Подъ нравственнымъ обузданіемъ я разумѣю воздержаніе отъ супружества, налагаемое на себя кѣмъ-либо, вслѣдствіе благо-разумныхъ побужденій и сопровождаемое строго нравственнымъ поведеніемъ. Я старался не отступать въ этомъ сочиненіи отъ указанного значенія, а въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ представлялась необходимость говорить о воздержаніи отъ супружества, не сопровождающемся предосторожностями относительно послѣдствій такого воздержанія, я его называлъ то благоразумнымъ воздержаніемъ, то однимъ изъ предупредительныхъ препятствій, среди которыхъ ему, безспорно, принадлежитъ первенствующее мѣсто.

Мнѣ указывали, что изслѣдуя различные періоды общественной жизни, я недостаточно оцѣнилъ предупредительное дѣйствіе нравственнаго обузданія и влияніе его, въ смыслѣ предохраненія общества отъ чрезмѣрнаго размноженія. Но если принять во вниманіе вышеуказанный ограниченный смыслъ, который я придаю словамъ *нравственное обузданіе*, то окажется, что я имѣлъ основаніе приписывать этой причинѣ то незначительное влияніе, которое мною было указано. Я былъ-бы счастливъ, еслибы убѣдился, что ошибся въ этомъ отношеніи. Прим. автора.

и противоестественной связи, — все это предупредительныя препятствія, очевидно, относящіяся къ разряду пороковъ *).

Разрушительныя препятствія, являющіяся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ законовъ природы, составляютъ исключительно ту группу, которую я обозначаю словомъ *несчастіе* (*misery*). Наоборотъ тѣ, которыя зависятъ отъ насъ самихъ, какъ война, различныя излишества и многія другія неизбѣжныя бѣдствія, представляются смѣшанными по своей природѣ. Ихъ порождаетъ порокъ и они влекутъ за собою несчастія.

*) Такъ какъ несчастіе является по преимуществу слѣдствіемъ порока и такъ какъ именно по причинѣ такого слѣдствія извѣстный поступокъ получаетъ названіе порока, казалось-бы, что въ данномъ случаѣ достаточно ограничиться словомъ *несчастіе*, не вводя безъ всякой надобности другое слово. Но, устранивъ слово порокъ, мы породили-бы крайнюю слутанность въ языкѣ и понятіяхъ. Намъ необходимо слово, обозначающее такіе поступки, которые въ результатѣ приводятъ къ несчастіямъ, но непосредственное дѣйствіе которыхъ сопровождается иногда противоположными послѣдствіями. непосредственный результатъ удовлетворенія страсти заключается въ доставленіи себѣ наслажденія, а не несчастія. Притомъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, отдаленныя послѣдствія какого-либо поступка не всегда сопровождаются несчастіемъ для совершившаго этотъ поступокъ, но крайней мѣрѣ въ настоящей жизни. Можно допустить существованіе такихъ невольительныхъ дѣйствій, которыя доставили счастье совершившимъ ихъ личностямъ и не имѣли для нихъ на землѣ пагубныхъ послѣдствій. Волѣдствіе этого нельзя отнести такіа единичныя дѣйствія въ разрядъ несчастій; но они, очевидно, порочны, такъ какъ подъ именемъ таковыхъ необходимо разумѣть поступки, результатомъ которыхъ является вообще несчастіе, независимо отъ личныхъ послѣдствій въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ. Итакъ, никто не станетъ отрицать, что послѣдствія невольительныхъ поступковъ заключаются въ уменьшеніи счастья человѣческихъ обществъ.

Совокупность всѣхъ предупредительныхъ и разрушительныхъ препятствій составляетъ то, что я разумѣю подъ именемъ *непосредственнаго препятствія* къ размноженію населенія. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе не можетъ возрастать безгранично, предупредительныя и разрушительныя препятствія находятся въ обратномъ отношеніи, т. е. въ мѣстности нездоровой, или такой, въ которой населеніе по какой-либо причинѣ подвергается значительной смертности, предупредительныя препятствія будутъ имѣть ничтожное вліяніе и, наоборотъ, въ мѣстностяхъ здоровыхъ, гдѣ предупредительныя препятствія дѣйствуютъ съ наибольшою силою — разрушительныя препятствія слабо проявляютъ свое вліяніе и смертность оказывается незначительною.

Во всякой странѣ каждое изъ перечисленныхъ препятствій дѣйствуетъ съ большею или меньшею силою, но съ неизмѣннымъ постоянствомъ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на постоянное дѣйствіе этихъ препятствій, найдется немного мѣстностей, въ которыхъ-бы не проявлялось непрерывнаго стремленія населенія къ размноженію, превышающему средства существованія. Это непрерывное стремленіе является причиною бѣдствій низшихъ классовъ общества и препятствіемъ къ какому-бы то ни было улучшенію положенія участи этихъ классовъ.

Способъ дѣйствія при настоящемъ состояніи общества указанныхъ выше препятствій къ размноженію населенія заслуживаетъ нѣкотораго вниманія съ нашей стороны. Представимъ себѣ страну, въ которой средства существованія находятся въ точномъ соотвѣтствіи съ количествомъ населенія. Постоянное стремленіе послѣдняго къ размноженію, проявляю-

щееся даже среди самого порочнаго общества, не замедлитъ увеличить число людей быстрѣе, чѣмъ могутъ возрасти средства существованія. Пища, которой достаточно было, напримѣръ, для 11 милліоновъ человѣкъ, должна будетъ теперь распределиться между 11¹/₂ милліонами, вслѣдствіе чего бѣднымъ тотчасъ-же станетъ труднѣе жить, а многіе изъ нихъ будутъ терпѣть крайнюю нужду. Сверхъ того, число работниковъ возрастетъ быстрѣе, чѣмъ количество работъ, и заработная плата неминуемо понизится; а такъ какъ въ то же время предметы потребленія вздорожаютъ, то, для сохраненія прежняго образа жизни, работникамъ придется больше работать. Во время такой нужды браки становятся такъ затруднительны и до такой степени бываетъ тяжело содержать семью, что возрастаніе населенія останавливается. Въ то же время низкая заработная плата, изобиліе работниковъ и необходимость, побуждающая ихъ работать больше прежняго, даютъ возможность земледѣльцамъ приложить къ землѣ больше труда, воздѣлать необработанные участки, удобрить и улучшить распаханныя уже земли, пока, наконецъ, средства существованія не придутъ въ соотвѣтствіе съ количествомъ населенія, т. е. не достигнуть того уровня, съ котораго мы начали это разсужденіе. Тогда положеніе работниковъ становится менѣе тягостнымъ, и препятствіе, задерживающее возрастаніе населенія, вновь устраняется. Но по истеченіи незначительнаго періода времени возобновляются прежнія колебанія, то въ сторону возрастанія, то въ сторону уменьшенія населенія.

Колебанія эти, вѣроятно, не бросятся въ глаза обыкновенному наблюдателю; даже самому внима-

тельному человеку, быть может, не легко будет замѣтить ихъ и рассчитать періоды ихъ повтореній. Тѣмъ не менѣе, стоитъ внимательно вникнуть въ этотъ предметъ, чтобы убѣдиться, что во всѣхъ старыхъ государствахъ проявляется нѣчто подобное такимъ смѣнамъ періодовъ довольства и нужды, хотя, правда, въ менѣе правильной формѣ, чѣмъ это изложено выше.

Одна изъ важнѣйшихъ причинъ, почему не были замѣчены такія колебанія, заключается въ томъ, что историки занимались почти исключительно жизнью высшихъ слоевъ общества; по крайней мѣрѣ въ нашемъ распоряженіи имѣется очень немного сочиненій, въ которыхъ вѣрно изображены обычаи и образъ жизни низшихъ классовъ народа. А между тѣмъ среди именно этихъ классовъ и проявляются главнымъ образомъ колебанія, о которыхъ упомянуто выше. Чтобы написать съ этой точки зрѣнія удовлетворительную исторію народа за опредѣленный періодъ, необходимо, чтобы многіе изслѣдователи посвятили себя продолжительному и внимательному наблюденію общихъ, частныхъ и мѣстныхъ фактовъ относительно положенія низшихъ классовъ и причины ихъ благосостоянія или бѣдствій. Чтобы вывести изъ этихъ наблюденій вѣрные и приложимые къ предмету нашего изслѣдованія выводы, понадобился-бы, затѣмъ, рядъ историческихъ изысканій, охватывающихъ предметъ на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ въ послѣднее время предпринята была разработка этого отдѣла статистики *); такія непрерывныя изслѣдованія, безъ

*) Разумные вопросы, предложенные Синклеромъ въ Шотландіи и факты, собранные имъ относительно этой части Великобританіи,

сомнѣнія, прольютъ современемъ свѣтъ на внутреннее строеніе общественнаго организма. Но пока необходимо признать, что эта область знаній находится въ младенческомъ состояніи и существуетъ множество важнѣйшихъ вопросовъ, относительно которыхъ мы или совершенно лишены свѣдѣній, или имѣемъ самыя несовершенныя данныя для ихъ разрѣшенія. Каково отношеніе между числомъ браковъ и возмужалыхъ лицъ? Въ какой мѣрѣ затруднительность вступленія въ бракъ способствуетъ развитію пороковъ? Какъ велика разница въ смертности дѣтей среди богатыхъ и бѣдныхъ? Попытайтесь, на примѣръ, установить колебанія дѣйствительной заработной платы, или степень довольства и счастья, которыми пользовались въ различные періоды низшіе классы общества. Составьте, наконецъ, точные списки рожденій, смертей и браковъ, свѣдѣнія о которыхъ такъ необходимы въ занимающемъ насъ вопросѣ.

Вѣрная исторія человѣческаго рода, въ которой

дѣлаютъ честь его трудолюбію и учености; его сочиненіе, кромѣ того, свидѣтельствуетъ о высокой степени образованія и дарованій духовенства этой страны. Остается сожалѣть о томъ, что въ этомъ трудѣ не соединены смежныя приходы, такъ какъ такое изложеніе представило-бы точную и ясную картину положенія каждаго округа и облегчало-бы запоминаніе. Что-же касается встрѣчающихся въ книгѣ повтореній и даже противорѣчій, то они не затемняютъ вопроса и даже укрѣпляютъ довѣріе читателя. Если-бы это сочиненіе заключало точныя и полныя свѣдѣнія за послѣднія 150 лѣтъ, оно представляло-бы драгоцѣннѣйшій матеріалъ, рисующій болѣе вѣрно внутреннее состояніе страны, чѣмъ всѣ остальные обнаруженные по этому предмету труды. Но для приданія ему такой полноты недостаточно было-бы наибольшаго трудолюбія одного человѣка. **Прим. Автора.**

были-бы разрѣшены такіе вопросы, могла-бы пролить много свѣта на способъ дѣйствія постоянныхъ препятствій, задерживающихъ возрастаніе населенія. Весьма вѣроятно, что такая исторія разъяснила-бы ретроградные и прогрессивные моменты въ движеніи населенія, о которыхъ было упомянуто выше, не взирая на то, что продолжительность этихъ колебаній должна быть крайне неправильна, въ зависимости отъ различныхъ причинъ. Эти причины, нарушающія правильность колебаній, весьма разнообразны: къ нимъ необходимо отнести учрежденіе или прекращеніе нѣсколькихъ фабрикъ, процвѣтаніе или упадокъ сельскохозяйственнаго промысла, урожайные или голодные годы, войны, эпидеміи, законы о бѣдныхъ, выселенія и проч. Разница между дѣйствительной и нарицательной цѣною труда представляетъ еще одну изъ причинъ, которая иногда скрываетъ эти колебанія. Заработная плата рѣдко падаетъ повсюду одновременно; извѣстно, что нерѣдко высота заработной платы остается неизмѣнной, въ то время, какъ нарицательная цѣна предметовъ потребления постоянно повышается. Это, обыкновенно, происходитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда торговля и промышленность настолько возрастаютъ, что могутъ доставить работу вновь появившимся на рынкѣ работникамъ и предупредить усиленное предложеніе, вызывающее обыкновенно пониженіе денежной величины заработной платы. *) Но возрастаніе числа

*) Если вновь прибывающіе ежегодно на рынокъ работники не будутъ отвлечены земледѣльческими занятіями, ихъ возрастающее соперничество можетъ въ такой степени понизить денежную цѣну труда, что даже возрастаніе населенія не вызоветъ усиленія дѣйствительнаго спроса на хлѣбъ. Иными словами: если собственники земля

работниковъ, получающихъ въ видѣ заработной платы прежнее количество денегъ, необходимо должно вызвать повышение цѣны на хлѣбъ, вслѣдствіе увеличенія спроса на него. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности понизится цѣна на трудъ. До тѣхъ поръ, пока существуетъ такое постепенное возрастаніе цѣны предметовъ потребленія, положеніе низшихъ классовъ не можетъ не ухудшаться въ такой-же постепенности, и, наоборотъ, капиталисты и производители хлѣба должны обогащаться, вслѣдствіе пониженія цѣны труда, при чемъ ихъ капиталы будутъ возрастать и дадутъ имъ возможность воспользоваться трудомъ большого числа работниковъ. Необходимо замѣтить, что при такомъ положеніи вещей прокормленіе семьи станетъ болѣе затруднительнымъ, вслѣдствіе чего неминуемо произойдетъ нѣкоторая убыль населенія, и, спустя нѣкоторое время, спросъ на трудъ превыситъ его предложеніе. Тогда дѣйствительная цѣна на трудъ опять повысится, если ничто не приведетъ ее къ прежнему уровню. Такимъ образомъ дѣйствительная цѣна труда, а вмѣстѣ съ нею и благосостояніе низшихъ классовъ, будетъ подвергаться то пониженію, то повышенію, хотя нарицательная цѣна этого труда будетъ оставаться неизмѣнною.

Дикари, среди которыхъ нѣтъ правильной цѣны на трудъ, несомнѣнно переживаютъ такія-же колебанія. Когда возрастаніе ихъ населенія достигаетъ своего крайняго предѣла, всѣ препятствія, какъ пре-

и производители хлѣба получаютъ лишь такое добавочное количество земледѣльческаго труда, которое будетъ соответствовать добавочному количеству продуктовъ, то у нихъ не будетъ побужденія для производства этихъ продуктовъ. Прим. автора.

дупреждающія, такъ и разрушающія размноженіе, начинаютъ дѣйствовать съ особенною силою: усиливаются порочныя склонности, дѣти чаще оставляются на произволь судьбы, войны и эпидеміи становятся болѣе частыми и опустошительными. Эти причины дѣйствуютъ до тѣхъ поръ, пока населеніе не будетъ ими низведено до уровня средствъ существованія. Тогда возвращеніе относительнаго довольства вновь повлечетъ за собою возрастаніе населенія, а спустя нѣкоторое время это возрастаніе будетъ задержано тѣми-же причинами, которыя только что перечислены *).

Я не имѣю въ виду прослѣдить въ различныхъ странахъ размѣръ описанныхъ колебаній. Для выполненія такой задачи необходимо было-бы, чтобы исторія снабдила насъ подробными свѣдѣніями относительно такихъ вопросовъ, на которые она до сихъ поръ не обращала вниманія. Нетрудно убѣдиться, что даже успѣхи цивилизаціи естественно стремятся сдѣлать эти колебанія менѣе замѣтными. Поэтому я ограничусь установленіемъ слѣдующихъ положеній:

1) *Количество народонаселенія неизбежно ограничивается средствами существованія.*

2) *Народонаселеніе неизмѣнно возрастаетъ всюду, гдѣ возрастаютъ средства существованія, если только*

*) Джемсъ Стюартъ сравниваетъ производительную силу съ дружной, на которую дѣйствуетъ переменная тяжесть (Есс. polit. отд. I, кн. I, гл. 4), вслѣдствіе чего должны происходить тѣ колебанія, которыя мною описаны. Этотъ авторъ весьма удовлетворительно изложилъ въ первой книгѣ своего „Трактата о политической экономіи“ многіе вопросы относительно народонаселенія.

Примѣч. автора.

оно не будетъ остановлено явными и могущественными препятствіями *).

3) Эти особыя препятствія, точно также какъ и всь тѣ, которыя, останавливая силу размноженія, возвращаютъ населеніе къ уровню средствъ существованія, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ тремъ видамъ: нравственному обузданію, пороку и несчастью.

Полагаю, что первое изъ этихъ положеній врядъ-ли нуждается въ доказательствахъ. Два другія будутъ подтверждены ниже изслѣдованіемъ положенія древнихъ и новыхъ народовъ.

*) Я выражаюсь здѣсь съ нѣкоторою осторожностью, вслѣдствіе того, что существуютъ, какъ мнѣ кажется, немногіе случаи, какъ напр. среди негровъ Вестъ-Индіи, и еще два-три подобныхъ-же, когда населеніе не достигало уровня средствъ существованія. Но это исключенія и особые случаи. Говоря вообще, приведенныя выше положенія можно выразить безъ ограниченія. Примѣч. автора.

Послѣдующія главы I-й и II-й книгъ посвящены подробному разсмотрѣнію препятствій къ размноженію населенія въ различныхъ мѣстностяхъ земного шара, а именно:

КНИГА ПЕРВАЯ.

- Глава IV.—Между туземными племенами Америки.
„ V.—На островахъ Южнаго моря.
„ VI.—Между древними обитателями Сѣверной Европы.
„ VII.—Между кочующими племенами.
„ VIII.—Въ Африкѣ.
„ IX.—Въ Сибири.
„ X.—Въ Турціи и Персіи.
„ XI.—Въ Индіи и Тибетѣ.
„ XII.—Въ Китаѣ и Японіи.
„ XIII.—Среди древнихъ грековъ.
„ XIV.—Среди древнихъ римлянъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

- Глава I.—Въ Норвегіи.
„ II.—Въ Швеціи.
„ III.—Въ Россіи.
„ IV.—Въ средней Европѣ.
„ V.—Въ Швейцаріи.
„ VI и VII.—Въ Испаніи и Франціи.
„ VIII и IX.—Въ Англіи.
„ X.—Въ Шотландіи и Ирландіи.

Въ главахъ XI, XII и XIII изложены спеціальныя соображенія — о плодovitости браковъ, вліяніи повальныхъ болѣзней на регистрацію населенія и выводы изъ изслѣдованія отдѣльныхъ странъ. Эта спеціальная часть труда Мальтуса опущена въ настоящемъ изданіи.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

О различных системахъ, предложенныхъ или принятыхъ обществомъ противъ дѣйствій, поражаемыхъ закономъ народонаселенія *).

III.

Системы равенства.

Хотя отъ вниманія писателей, изучавшихъ вопросъ объ усовершенствованіи человѣческаго общества, не ускользнуло значеніе закона народонаселенія, тѣмъ не менѣе они смотрѣли на сопровождающія его бѣдствія, какъ на послѣдствія, отдаленныя отъ насъ на безконечное время. Такъ напр. Валласъ**) полагаетъ, что эти бѣдствія могутъ наступить лишь въ то время, когда вся площадь земного шара будетъ прекрасно обработана и невозможно будетъ далѣе

*) Третья книга «Опыта о законѣ народонаселенія», носящая приведенное выше заглавіе, раздѣляется на 14 нижеслѣдующихъ главъ: I, II и III—О системахъ равенства. Валласъ, Кондорсе, Годвинъ и Овенъ. IV—О выселеніи. V, VI и VII—Законодательство о бѣдныхъ. VIII—Земледѣльческая система. IX—Торговая система. X—Соединеніе обѣихъ системъ. XI—Поощреніе хлѣбнаго вывоза. XII—Стѣсненіе ввоза хлѣба. XIII—Вліяніе возрастанія народнаго богатства на судьбу бѣдныхъ и XIV—Общія замѣчанія. Содержаніе первыхъ семи главъ передано въ видѣ сокращенныхъ выборокъ.

**) Wallace, *Dissertation on population.*

разсчитывать на увеличеніе количества произведеній земли. Но если-бы прекрасный проект равенства, начертанный Валласомъ, былъ осуществимъ на дѣлѣ въ какомъ-бы то ни было отношеніи, я не думаю, чтобы сознаніе предстоящей опасности, хотя-бы въ отдаленномъ будущемъ, могло охладить наше стремленіе къ достиженію столь благой цѣли. Конечно, мы имѣемъ право довѣриться заботливости Провидѣнія о пріисканіи средства противъ угрожающей намъ въ отдаленномъ будущемъ опасности; но я утверждаю, что опасность эта весьма близка и неизбежна. Какъ-бы ни были значительны успѣхи просвѣщенія, какъ-бы ни было полно равенство среди человѣческаго общества, недостатокъ средствъ существованія будетъ ощущаться всегда, съ настоящей минуты до того времени, когда весь земной шаръ будетъ обращенъ въ цвѣтушій садъ. Дѣло не измѣнится отъ того, что постоянно будетъ возрастать количество произведеній земли: такъ какъ возрастаніе населенія будетъ происходить еще быстрѣе, то излишекъ его неминуемо будетъ сдерживаться постояннымъ или періодическимъ вліяніемъ нравственнаго обузданія, порока или несчастья.

Кондорсе, въ своемъ „Историческомъ очеркѣ успѣховъ человѣческаго разума“ говоритъ, что сравненіе количества населенія просвѣщенныхъ европейскихъ странъ съ занимаемою ими площадью, а также условій ихъ земледѣлія, промышленности и раздѣленія труда съ размѣромъ средствъ существованія, показываетъ, что современное положеніе можетъ быть сохранено не иначе, какъ при существованіи громаднаго числа людей, удовлетворяющихъ свои потребности путемъ усиленнаго труда.

Такимъ образомъ онъ признаетъ необходимость этого класса людей. Затѣмъ, указавъ, какъ шатко положеніе этихъ людей, вполне зависящихъ отъ воли и благосостоянія своихъ хозяевъ, Кондорсе справедливо прибавляетъ: „Такимъ образомъ существуетъ неизбѣжная причина неравенства, зависимости и даже нищеты, постоянно грозящихъ самому многочисленному и трудолюбивому классу людей, составляющихъ наше общество“. Наблюденіе, сдѣланное авторомъ, совершенно правильно, но средства, предлагаемыя имъ для устраненія зла, нельзя признать удовлетворительными по слѣдующимъ соображеніямъ: Кондорсе проектируетъ для обезпеченія участи стариковъ, вдовъ и малолѣтнихъ дѣтей, учредить изъ сбереженій работниковъ капиталъ, устроить доступный кредитъ для самихъ рабочихъ, отыскать средства для установленія болѣе полного равенства между людьми и организовать общества на такихъ началахъ, чтобы успѣхи промышленности и торговли не находились въ такой зависимости отъ капиталистовъ, какъ въ настоящее время. Но подобныя учрежденія могутъ весьма много обѣщать въ теоріи, въ приложеніи-же къ дѣйствительной жизни они оказываются ребяческими мечтами. Какая причина побуждаетъ Кондорсе признавать необходимость существованія класса людей, средства существованія котораго зависятъ исключительно отъ его труда? Можно допустить только одну причину: онъ понимаетъ, что для обезпеченія существованія многочисленнаго населенія необходимо такое количество труда, которое можетъ быть вызвано только крайнею необходимостью. Но если проектированныя Кондорсе учрежденія ослабятъ въ рабочихъ побужденіе къ усилен-

ному труду, то можно-ли ожидать, чтобы эти рабочіе развивали ту неутомимую дѣятельность, которая составляетъ основу и источникъ общественнаго благосостоянія?

Но и помимо этого возраженія противъ предлагаемыхъ учреждений, представляется еще одно важное затрудненіе, способное ослабить ихъ благотворное вліяніе. Если всѣ люди будутъ увѣрены въ достаточномъ обезпеченіи ихъ семей, то каждый вступитъ въ бракъ, а такъ какъ рождающееся поколѣніе будетъ ограждено отъ бѣдствій, вызываемыхъ нищетою, то населеніе будетъ возрастать съ такою безпримѣрною быстротою, что вскорѣ никакія учрежденія не будутъ въ силахъ восполнить недостатокъ въ средствахъ существованія, производимыхъ землей.

Свои разсужденія о совершенствованіи органической природы человѣка Кондорсе оканчиваетъ замѣчаніемъ, что его доказательства въ пользу безграничной возможности улучшенія общественныхъ условій, при предположеніи, что организація и способности человѣка останутся неизмѣнными, — приобрѣтаютъ неизмѣримо большее значеніе, если принять во вниманіе, что эта организація и эти способности также могутъ усовершенствоваться. Усиѣхи медицины, здоровая пища, удобныя жилища, отсутствіе чрезмѣрнаго утомленія, наслѣдственныхъ и заразительныхъ болѣзней, устраненіе главныхъ причинъ развращенія—съ одной стороны крайней нищеты, съ другой стороны чрезмѣрнаго богатства,—всѣ эти условія, по мнѣнію Кондерсе, если и не сдѣлаютъ человѣка безсмертнымъ, то во всякомъ случаѣ будутъ способствовать тому, что онъ

будет пользоваться жизнью, естественная продолжительность которой будет постоянно возрастать до той мѣры, которая можетъ быть названа *неопредѣленной*, при чемъ подъ этимъ словомъ онъ разумѣетъ постоянное движеніе къ безграничной, хотя и никогда недосыгаемой продолжительности, постоянное увеличеніе срока человѣческой жизни, достигающее въ безконечномъ ряду вѣковъ размѣра, превосходящаго всякую данную величину.

Но смыслъ этого выраженія въ примѣненіи къ продолжительности человѣческой жизни находится въ явномъ противорѣчьи съ принципами науки и не подтверждается никакими естественными законами. Средняя продолжительность человѣческой жизни, несомнѣнно, можетъ нѣсколько удлиниться подъ влияніемъ благоприятныхъ для того условій, но также несомнѣнно и то, что въ теченіи всего періода, относительно котораго мы имѣемъ достовѣрныя историческія свидѣтельства, не произошло никакого увеличенія въ естественной продолжительности человѣческой жизни.

Намъ могутъ возразить, что человѣческій родъ существовалъ еще такъ недолго, что мы не можемъ уловить измѣненій въ средней продолжительности жизни. Но если это такъ, - то наука становится невозможной, связь между дѣйствіями и ихъ причиною рушится, и книга природы закрывается для насъ, такъ какъ ея чтеніе оказывается безплоднымъ. Если это такъ, то самыя нелѣпыя и невѣроятныя предположенія приобрѣтаютъ одинаковое значеніе съ самыми точными научными законами, основанными на многочисленныхъ и несомнѣнныхъ наблюденіяхъ и мы должны вернуться къ древнимъ

философскимъ системамъ, насилувавшимъ факты для своего подтвержденія, вмѣсто того, чтобы самимъ основываться на этихъ фактахъ. Словомъ, если законы природы непостоянны и измѣнчивы, не смотря на то, что они казались намъ постоянными и неизмѣнными въ теченіи многихъ вѣковъ, то для человѣческаго разума нѣтъ больше побужденія обращаться къ плодотворнымъ изслѣдованіямъ, — онъ долженъ быть обреченъ на бездѣйствіе. Если, не имѣя ни одного признака, указывающаго на возможность какого-либо измѣненія, мы въ правѣ утверждать, что такое измѣненіе все-таки совершится, то нѣтъ положенія, на которомъ мы не могли бы настаивать, и предположеніе о томъ, что луна сольется съ землею, имѣло бы одинаковую достовѣрность съ утвержденіемъ, что завтра взойдетъ солнце.

Въ пользу предположенія объ увеличеніи продолжительности человѣческой жизни мы не находимъ ни одного постояннаго, достовѣрнаго признака съ момента сотворенія человѣка до настоящаго времени. Изъ наблюденій, показывавшихъ, что благопріятныя условія климата, привычекъ, образа жизни и общественныхъ нравовъ способны увеличить продолжительность жизни, сдѣлано было заключеніе о неопредѣленномъ возрастаніи послѣдней; изъ того обстоятельства, что предѣлы человѣческой жизни не могутъ быть обозначены точно, что нельзя въ конкретныхъ случаяхъ предсказать ея границы, считаютъ возможнымъ заключить, что она будетъ возрастать безгранично, до неопредѣленныхъ размѣровъ. Для разоблаченія этого софизма и обнаруженія его нелѣпости достаточно рассмотреть ту органическую способность къ усовершенствованію

въ міръ растеній и животныхъ, которую Кондорсе принимаетъ за общій законъ природы.

Усовершенствованіе растенія при его переходѣ отъ дикаго къ культурному состоянію, является болѣе поразительнымъ, чѣмъ какое бы то ни было усовершенствованіе животной породы. Наболѣе выраженнымъ признакомъ этого усовершенствованія необходимо признать постепенное увеличеніе размѣровъ цвѣтка, подвергнутаго культурѣ. Можно ли изъ этого факта вывести заключеніе, что такое увеличеніе будетъ продолжаться до безконечности и не имѣть предѣловъ? Нѣтъ, такое заключеніе нелѣпо и всякій смѣло можетъ утверждать, что существуетъ предѣлъ для увеличенія размѣровъ цвѣтка, хотя точно обозначить этотъ предѣлъ нѣтъ возможности. Быть можетъ, никто не имѣетъ права сказать, что онъ видѣлъ самую большую гвоздику или самый красивый анемонъ, какіе только могутъ быть выращены, но всякій можетъ смѣло утверждать, не боясь быть опровергнутымъ фактами, что ни гвоздика, ни анемонъ не могутъ достигнуть размѣровъ крупной капусты, хотя величина ихъ можетъ превзойти всякій данный экземпляръ гвоздики и анемона. Никто не можетъ утверждать, что онъ видѣлъ самый большой колосъ пшеницы или дубъ, какіе только могутъ существовать, но всякій безъ труда и съ полною увѣренностью можетъ обозначить размѣръ, до котораго они никогда не достигнутъ. Точно также во всѣхъ подобныхъ случаяхъ необходимо тщательно отличать безграничный прогрессъ отъ того, предѣлы котораго не могутъ быть точно обозначены.

При чтеніи остроумнаго сочиненія Годвина о по-

литической справедливости (*An enquiry concerning political justice*), предлагаемая имъ система равенства на первый взглядъ представляется наиболѣе увлекательной теоріей изъ всѣхъ, какія были когда-либо предложены. Улучшеніе общественнаго строя, основанное на требованіяхъ, соотвѣтствующихъ однимъ лишь разумнымъ убѣжденіямъ, будетъ, несомнѣнно, неизмѣримо прочнѣе порядка, установленнаго путемъ насилія. Всестороннее развитіе личности представляетъ принципъ, достойный уваженія и превосходящій, по моему мнѣнію, теоріи, устанавливающія рабское подчиненіе личности общественнымъ интересамъ. Замѣна эгоистическихъ стремленій любовью къ ближнему въ основѣ всѣхъ общественныхъ учрежденій — это такая достойная цѣль, къ которой должны стремиться всѣ наши желанія. Словомъ, при взглядѣ на нарисованную Годвиномъ картину будущаго общественнаго строя, нельзя удержаться отъ восхищенія и страстнаго желанія увидѣть ея осуществленіе. Но, къ сожалѣнію, это невозможно, такъ какъ прекрасная картина Годвина — только мечта, плодъ его воображенія. Это всеобщее благоденствіе, это господство истины и добродѣтели исчезаютъ при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью и уступаютъ мѣсто сплетенію радостей и страданій, изъ которыхъ состоитъ жизнь.

Чрезъ все сочиненіе Годвина проведена та мысль, что всѣ пороки людей и бѣдствія, поражающія человечество, проистекаютъ изъ несовершенства общественныхъ учрежденій. Въ этомъ заключается его главная ошибка. Еслибы мнѣніе Годвина было справедливо, мы въ правѣ были бы надѣяться на то,

что бѣдствія современемъ будутъ устранены изъ человѣческаго общества и это благотворное преобразование будетъ достигнуто одною только силою разума. Въ дѣйствительности бѣдствія, причиняемыя даже несомнѣнно вредными общественными учрежденіями, крайне ничтожны, сравнительно съ несчастіями, поражаемыми человѣческими страстями и естественными законами.

Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ поверхностно было знакомство Годвина съ дѣйствительнымъ состояніемъ общества, достаточно взглянуть на то, какъ онъ разрѣшаетъ затрудненія, протекающія отъ чрезмѣрнаго размноженія населенія. „Отвѣчать на такое возраженіе, говоритъ онъ, значить заниматься вопросомъ о томъ, что произойдетъ черезъ громадное количество лѣтъ. Еще три четверти земного шара не заселены людьми, а воздѣлываемыя земли способны къ безпредѣльному улучшенію. Населеніе можетъ возрасти еще милліоны вѣковъ, прежде чѣмъ земля откажется прокормить всѣхъ своихъ обитателей“.

Я уже разоблачилъ заблужденіе людей, утверждающихъ, что даже чрезмѣрное возрастаніе населенія не можетъ причинить нищеты и бѣдствій, пока будетъ возрастать количество произведеній земли. Но, допустимъ, что годвинова система равенства осуществилась и посмотримъ не испытаетъ-ли человѣчество бѣдствій даже при столь совершенной общественной организаціи. Предположимъ, что въ Великобританіи устранены всѣ причины, поражающія пороки и бѣдствія:—прекращены войны и нездоровыя занятія, нѣтъ болѣе разврата и вредныхъ развлеченій, населеніе равномѣрно распредѣлено

по всему острову на фермахъ и въ деревняхъ, устранена скученность и нездоровыя условія жизни въ городахъ, наступило всеобщее равенство, изготовленіе предметовъ роскоши замѣнилось равномернымъ распредѣленіемъ между всѣми неотяготительнаго земледѣльческаго труда. Предположимъ, что число жителей на всемъ островѣ и количество средствъ существованія то же, что въ настоящее время, и что, вслѣдствіе всеобщей взаимной любви и полной справедливости, эти средства распредѣляются по мѣрѣ потребностей каждаго члена общества. Предположимъ далѣе, что отношеніе между полами основано на безусловной свободѣ, какъ того желаетъ Годвинъ. Онъ не допускаетъ, чтобы такая свобода вызвала беспорядочную перемѣну связей, и съ этимъ можно согласиться, такъ какъ въ этомъ отношеніи склонность къ разнообразію есть стремленіе порочное и противное человѣческой природы, слѣдовательно, недопустимое въ обществѣ, отличающемся простотою нравовъ и добродѣтелями. Вѣроятно, каждый человѣкъ изберетъ себѣ подругу, и ихъ союзъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока оба лица будутъ подходить одно къ другому, при чемъ воспитаніе нарождающагося поколѣнія будетъ составлять предметъ общественнаго попеченія, какъ предлагаетъ Годвинъ.

Признаюсь, я не могу себѣ представить общественнаго строя болѣе благопріятнаго для размноженія населенія. Существующая въ настоящее время нерасторгаемость брака, несомнѣнно, удерживаетъ многихъ отъ вступленія въ такой союзъ, который можетъ вызвать какія либо опасенія; наоборотъ, при осуществленіи описанныхъ выше пред-

положеній, такимъ опасеніямъ не будетъ мѣста, и это обстоятельство, вѣроятно, вызоветъ заключеніе раннихъ союзовъ. Если принять во вниманіе еще то обстоятельство, что эти союзы не будутъ сдерживаться заботами о средствахъ для содержанія дѣтей, то весьма вѣроятно будетъ допустить, что изъ ста женщинъ едва-ли найдется одна, которая не станетъ матерью при достиженіи двадцатитрехлѣтняго возраста.

Такія условія, несомнѣнно, должны вызвать безпримѣрно быстрое увеличеніе населенія. Я уже имѣлъ случай приводить доказательства того, что нѣкоторыя страны, при менѣе благоприятныхъ, чѣмъ описаны выше, условіяхъ, удваиваютъ свое населеніе каждыя пятнадцать лѣтъ, но чтобы придать большую убѣдительность нашимъ вычисленіямъ, допустимъ, что населеніе описываемаго идеальнаго общества будетъ удваиваться лишь черезъ каждыя двадцать пять лѣтъ.

Уравненіе имуществъ вмѣстѣ съ направленіемъ труда къ земледѣльческимъ занятіямъ, какъ мы предположили выше, несомнѣнно должно значительно увеличить количество произведеній страны; но и при этихъ условіяхъ человѣку, знакомому со свойствами почвы и степенью ея плодородія, трудно согласиться, чтобы въ 25 лѣтъ можно было удвоить количество ея произведеній. Единственнымъ для этого средствомъ являлось-бы обращеніе подъ пахоть луговъ и пастбищъ и полное почти отреченіе отъ животной пищи*). Но такая мѣра рѣши-

*) По вычисленіямъ Маки для удовлетворенія населенія Великобританіи растительной пищей достаточно 2.412.746 акровъ хорошей

тельно неосуществима, въ виду того, что почва Великобритани не можетъ безъ удобрения давать достаточныхъ урожаевъ, слѣдовательно, содержаніе скота для доставленія этого удобрения безусловно необходимо.

Но, какъ-бы это ни казалось трудно-осуществимымъ, допустимъ, что усиліями людей достигнуто удвоеніе произведеній земли къ концу двадцатипятилѣтняго періода. Такимъ образомъ, по истеченіи этого періода, пища, хотя преимущественно растительная, будетъ добыта въ количествѣ, достаточномъ для прокормленія населенія, также удвоившагося за это время и достигшаго 22 милліоновъ человѣкъ. Мы уже знаемъ, что въ слѣдующій двадцатипятилѣтній періодъ населеніе вновь удвоится, а между тѣмъ, при знакомствѣ съ условіями земледѣлія, рѣшительно нельзя допустить предположенія, чтобы въ теченіи этого второго двадцатипятилѣтія производство земли могло вновь усилиться на такое количество, какъ въ первомъ періодѣ. Тѣмъ не менѣе допустить и это предположеніе, какъ-бы оно ни казалось невѣроятнымъ, въ виду того, что сила моего доказательства даетъ возможность дѣлать безпредѣльныя уступки. Но, не смотря на эту уступку, оказывается, что къ концу второго періода 11 милліоновъ человѣкъ останется безъ пищи, такъ какъ населеніе возрастаетъ до 44 милліоновъ, а средствъ существованія хватитъ лишь для 33 милліоновъ.

И такъ, во что-же обратится картина общества,

земли, между тѣмъ какъ прокормленіе того-же населенія животной пищей потребовало-бы 44.475.478 акровъ. Прим. автора.

члены котораго жили въ довольствѣ, не имѣя надобности тревожиться о средствахъ для своего существованія, свободные отъ узкаго эгоизма, отдавшіеся умственнымъ интересамъ и не думавшіе о презрѣнныхъ матерьяльныхъ нуждахъ? Блестящее созданіе воображенія исчезаетъ, какъ только къ нему прикоснется свѣтъ истины! Нетрудно предвидѣть, что произойдетъ съ идеальнымъ годвиновымъ обществомъ: нужда заглушитъ чувство взаимной любви между его членами, дурныя страсти вновь обнаружатся и проснется присущій людямъ инстинктъ самосохраненія; жатва будетъ сниматься прежде, чѣмъ созрѣетъ хлѣбъ и станетъ принадлежностью того, кто успеетъ раньше захватить ее, не заботясь о другихъ, нуждающихся въ ней. Вслѣдъ за насиліемъ и обманомъ придутъ всѣ поражаемые ими пороки, и, наконецъ, личный интересъ станетъ опять царить среди людей, заглушая всякія другія побужденія. Во всемъ этомъ не принимаетъ участія ни одно изъ общественныхъ учреждений, вліяніемъ которыхъ Годвинъ объясняетъ всѣ пороки испорченныхъ людей. Мы видѣли, что не эти учрежденія вызвали антагонизмъ между общественнымъ и личнымъ благомъ. Взаимная любовь руководила всѣми поступками людей и, тѣмъ не менѣе, черезъ какихъ нибудь пятьдесятъ лѣтъ, неумолимый законъ природы, безъ всякаго участія дурныхъ общественныхъ учреждений, вызвалъ вновь насиліе, обманъ, нищету и всѣ гнусные пороки, безчестящіе современное общество.

При изложеніи этихъ соображеній нами не принята во вниманіе возможность переселеній по слѣдующей причинѣ: еслибы всѣ европейскія государства

установлены были на основаніи такого-же равенства, то вліяніе закона народонаселенія выразилось-бы во всѣхъ нихъ одинаковыми, описанными выше послѣдствіями, а слѣдовательно ни одна изъ страдающихъ отъ избытка населенія странъ не могла бы пріютить у себя пришлецовъ; если-же прекрасный проектъ равенства былъ-бы приведенъ въ исполненіе только въ Великобританіи, въ остальныхъ-же государствахъ Европы сохранился бы несовершенный общественный строй съ его дурными учрежденіями, то выселенія, направленные въ среду этихъ дурныхъ условій, доказали-бы, что счастье, имѣвшееся въ виду во время преобразования Великобританіи, въ дѣйствительности оказалось ниже нашихъ ожиданій.

Выселенія.

Хотя въ упомянутыхъ нами проектахъ улучшенія условій общественной жизни не говорится о выселеніяхъ, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ разсмотрѣть ихъ значеніе въ дѣлѣ ослабленія бѣдствій, вызываемыхъ закономъ народонаселенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что трудъ не могъ достигнуть одинаковаго совершенства и прилагается не съ одинаковымъ успѣхомъ во всѣхъ частяхъ земного шара, а потому, если въ болѣе культурныхъ странахъ населеніе стѣснено въ средствахъ существованія, то природа, повидимому, даетъ самое простое средство противъ такого зла, открывая пути для выселенія чрезмѣрно густого населенія и побуждая его къ перемѣщенію въ менѣе населенныя мѣстности, изобилующія незанятыми землями; а такъ какъ

мѣстности эти представляютъ въ настоящее время громадныя пространства, то выселенія могутъ разсматриваться какъ средство, способное отдалить на неизмѣримо большое время всякія опасенія относительно послѣдствій чрезмѣрнаго возрастанія населенія. Но если мы обратимся къ дѣйствительности, то окажется, что это средство имѣетъ только частное и ограниченное значеніе.

Достоверныя свѣдѣнія о поселеніяхъ, заведенныхъ въ новыхъ странахъ эмигрантами, показываютъ, что выселенія всегда сопровождаются гораздо большими затрудненіями и опасностями, чѣмъ тѣмъ, которыя испытали-бы эмигранты въ покинутомъ ими отечествѣ. Одно желаніе эмигрантовъ увеличить средства существованія своихъ семей еще долго не могло-бы привести къ заселенію Америки, если-бы болѣе дѣятельныя побужденія, какъ жажда золота, страсть къ приключеніямъ и религіозныя увлеченія не привели въ нее многочисленныхъ пришлецовъ и не придали имъ устойчивости для преодоленія многочисленныхъ препятствій, противодействовавшихъ ихъ заселенію. Это подтверждается тѣми несомнѣнными свѣдѣніями, которыя имѣются относительно исторіи заселенія Виргиніи, Новой Англій, Барбадосскихъ колоній, французскихъ поселеній въ Гвіанѣ, англійскихъ—въ портъ Джексонъ и Новой Голландіи, русскихъ—на восточной окраинѣ этой Имперіи, и многихъ другихъ. Затрудненія, встрѣчаемыя переселенцами, во всѣхъ этихъ странахъ одинаковы и всегда вызываются одинаковыми причинами—почвой, климатомъ, отсутствіемъ удобствъ для жизни и неподготовленностью къ новымъ условіямъ. Одинъ изъ сотрудниковъ Фран-

клина справедливо замѣчаетъ, что главная причина неудачныхъ попытокъ образованія новыхъ колоній, попытокъ, стоившихъ огромныхъ жертвованій со стороны могущественныхъ европейскихъ государствъ и частныхъ лицъ, заключается въ томъ, что нравственныя и матерiальныя привычки эмигрантовъ, усвоенныя ими въ камп въ метрополи, совершенно не соотвѣтствуютъ той новой обстановкѣ, въ которую они попадаютъ. Онъ прибавляетъ, что ни одна англійская колонія не достигала замѣтнаго благосостоянія до тѣхъ поръ, пока ся населеніе не усвоивало себѣ новыхъ привычекъ и правовъ, пригодныхъ для окружающихъ условій. Палластъ утверждаетъ то-же самое относительно слабыхъ успѣховъ, достигнутыхъ русскими поселеніями.

Къ этому необходимо еще прибавить, что въ моментъ своего учрежденія всякая колонія представляетъ изъ себя страну, населенную гуще, чѣмъ это допускается ея годичною производительностью. Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія вещей оказывается, что населеніе колоніи, если оно не получаетъ значительныхъ пособій отъ метрополи, должно уменьшаться до тѣхъ поръ, пока его численность не придетъ въ соотвѣтствіе съ ограниченнымъ количествомъ имѣющихся въ его распоряженіи средствъ существованія и что оно начнетъ возрастать лишь съ того времени, когда на личное число поселенцевъ начнетъ воздѣлывать землю въ размѣрѣ, превышающемъ личное потребленіе.¹¹

Нельзя не обратить вниманія еще и на то обстоятельство, что часть населенія, оказавшаяся въ метрополи излишней, т. е. та, для которой не хватило средствъ существованія, не можетъ собствен-

ными средствами завести новыя колоніи. Для выселенія этимъ людямъ еще недостаточно пойти за человѣкомъ, ставшимъ ихъ вожакомъ въ слѣдствіе своего болѣе высокаго положенія, увлеченія жаждой золота, страсти къ приключеніямъ, политическаго или религіознаго неудовольствія, даже въ томъ случаѣ если-бы правительство обѣщало ему свое пособіе и покровительство, такъ какъ для обращенія пустыни въ пахотные участки еще недостаточно одной нужды въ средствахъ существованія.

Въ Европѣ, вѣроятно, не найдется, за исключеніемъ Россіи, ни одной страны, населеніе которой не обращалось-бы къ выселеніямъ, какъ средству для улучшенія своего матеріальнаго положенія; если принять во вниманіе, что эти страны прибѣгали къ названному средству въ слѣдствіе того, что испытывали излишекъ населенія, необходимо допустить, что онѣ не могутъ оказать другъ другу помощь посредствомъ взаимныхъ выселеній изъ одной въ другую излишка своихъ жителей, и что этотъ излишекъ направляется въ другія части земного шара. Предположимъ, что условія внутренняго хозяйства европейскихъ странъ таково, что часть населенія не встрѣчаетъ никакихъ препятствій къ эмиграціи и что правительство оказываетъ ей самое широкое вспомошествованіе. Если допустить при этомъ, что населеніе Европы, за исключеніемъ Россіи, простирается до ста милліоновъ и что средства существованія въ ней возрастаютъ въ большей степени, чѣмъ это можетъ быть въ дѣйствительности, то, на основаніи установленной выше геометрической прогрессіи, для возрастанія населенія черезъ каждыя 25 лѣтъ и ариѳметической прогрессіи для возра-

станія средствъ существованія въ тотъ-же періодъ, населеніе Европы черезъ сто лѣтъ достигнетъ 1800 милліоновъ, а средствъ существованія хватитъ лишь для 500 милліоновъ, слѣдовательно, избытокъ населенія Европы составитъ 1,100 милліоновъ. Это число, съ присоединеніемъ къ нему естественно увеличившагося въ тотъ-же періодъ населенія остальныхъ частей свѣта, составитъ цифру въ два раза превосходящую современное населеніе земного шара.

Вправдѣ-ли мы разсчитывать на то, что наилучше направленные усилія могутъ удобрить и обработать столько земель въ пустынныхъ частяхъ земного шара, чтобы ихъ хватило для прокормленія столь огромнаго населенія? Если найдется лицо, для котораго это представляется возможнымъ, мы предложимъ прибавить въ нашемъ разчетѣ еще 25—30 лѣтъ и тогда уже немислимо будетъ какое сомнѣніе.

Если существуетъ мнѣніе, что выселеніе можетъ служить средствомъ противъ бѣдствій, порождаемыхъ чрезмѣрнымъ населеніемъ, то это объясняется тѣмъ, что отвращеніе людей къ выселеніямъ изъ родной страны, въ соединеніи съ затрудненіями, представляемыми разработкою новыхъ земель, никогда не позволяли примѣнить эту мѣру въ широкихъ размѣрахъ. Если-бы это средство могло оправдать возлагаемыя на него надежды—оно давно уже было-бы истощено: прибѣгая къ нему при всякомъ возобновленіи бѣдствій, порожденныхъ излишкомъ населенія, мы въ настоящее время замѣтили-бы, что этотъ источникъ нашихъ надеждъ уже изсякъ безвозвратно.

Такимъ образомъ необходимо признать несомнѣн-

нымъ, что выселеніе безусловно недостаточно для устранения бѣдствій, порождаемыхъ чрезмѣрнымъ размноженіемъ населенія. Но если смотреть на него, какъ на временную и частную мѣру, предпринятую для распространенія культуры, то выселеніе оказывается пригоднымъ и полезнымъ. Быть можетъ нельзя доказать, что правительства обязаны дѣятельно поддерживать его, но не подлежитъ сомнѣнію, что задержание выселеній не только несправедливая, но и крайне ошибочная мѣра. Трудно придумать что либо безосновательнѣе опасеній, что выселенія могутъ явиться причиною обезлюденія страны. Любовь къ родинѣ и привязанность къ семейному очагу такъ могущественна и крѣпка, что люди никогда не рѣшатся на выселенія, если только политическія неудовольствія или безысходная бѣдность не принудятъ ихъ къ этому крайнему средству, а въ такомъ случаѣ для самого отечества ихъ удаленіе только полезно. Также неосновательны предположенія, что выселенія повышаютъ заработную плату. Если она въ какой либо странѣ даетъ возможность низшимъ классамъ жить безъ крайнихъ лишеній и страданій, то можно быть увѣреннымъ, что люди этихъ классовъ не подумаютъ о выселеніи; если-же она такъ недостаточна, что порождаетъ лишенія и страданія, то съ нашей стороны было-бы жестоко и несправедливо противодействовать выселеніямъ.

Законы о бѣдныхъ и заработная плата.

Многіе удивляются тому, что, несмотря на громадныя суммы, затрачиваемыя въ Англии на вспомо-

могущество бѣднымъ, положеніе ихъ въ этой странѣ, повидимому, не улучшается. Одни подозреваютъ, что суммы, назначенныя для бѣдныхъ, употребляются на другія надобности, другіе говорятъ о растратахъ со стороны управленія, но всѣ согласны въ томъ, что учрежденія для бѣдныхъ дурно организованы. Дѣйствительно, три милліона фунтовъ стерлинговъ, взымавшихся въ пользу бѣдныхъ, даже до наступленія теперешней дороговизны предметовъ потребленія, употреблялись на нужды бѣдныхъ безъ видимаго уменьшенія этихъ нуждъ. Фактъ этотъ составляетъ предметъ всеобщаго удивленія, а между тѣмъ, если внимательно вникнуть въ дѣло, то это явленіе окажется настолько естественнымъ, что пришлось-бы скорѣе удивляться, еслибы случилось что либо противоположное.

Допустимъ, что сборы въ пользу бѣдныхъ даютъ возможность работнику получать ежедневно за свою работу 5 шиллинговъ, вмѣсто двухъ, получаемыхъ имъ въ настоящее время. На первый взглядъ можетъ показаться, что вслѣдствіе такого увеличенія заработной платы всѣ работники будутъ жить въ большомъ довольствѣ и за ихъ столомъ ежедневно появится кусокъ мяса. Къ сожалѣнію, это предположеніе не оправдывается, ибо попавшіе въ распоряженіе работника добавочные три шиллинга не могутъ увеличить количество находящагося въ странѣ мяса. Въ дѣйствительности добавочные три шиллинга только увеличатъ конкуренцію покупателей, которая, въ свою очередь, подниметъ рыночную цѣну мяса. Такимъ образомъ, имѣющееся въ странѣ количество этого продукта отнюдь не распределится между большимъ количествомъ лицъ. Когда суще-

ствуесть недостатокъ въ какомъ либо товарѣ, онъ не можетъ быть распредѣленъ между всѣми нуждающимися въ немъ, и всегда поступаетъ къ тому, кто имѣетъ возможность предложить за него высшую цѣну. Если конкуренція на мясо продолжится долго, то это можетъ побудить сельскихъ хозяевъ усилить производство скота, но такая перемѣна въ системѣ хозяйства можетъ произойти лишь въ ущербъ производству хлѣба, слѣдовательно, какъ мы уже имѣли случай выше показать, она будетъ невыгодна для страны, ибо земля не въ силахъ будетъ прокормить животною пищею наличное населеніе. Этотъ примѣръ показываетъ, что въ томъ случаѣ, когда средства потребленія не соответствуютъ количеству населенія, положеніе бѣдныхъ не можетъ измѣниться, дадимъ-ли мы имъ два или 5 шиллинговъ—въ томъ и другомъ случаяхъ имъ придется довольствоваться меньшимъ количествомъ средствъ потребленія, чѣмъ это необходимо для ихъ существованія.

Никакое пожертвованіе со стороны богатыхъ, въ особенности денежное, не можетъ устранить среди низшихъ классовъ нищету, или предотвратить ея возвращеніе на продолжительное время. Богатые могутъ превратиться въ бѣдныхъ, а нѣсколько бѣдняковъ могутъ разбогатѣть, но если только въ обществѣ отношеніе средствъ существованія къ населенію неблагопріятно, то неизбѣжно должно случиться, что часть населенія испытаетъ затрудненія въ прокормленіи себя и своихъ семействъ, причеиъ эта участь прежде всего выпадетъ на долю бѣднѣйшихъ людей. Можетъ показаться страшнымъ, что посредствомъ денежныхъ пособій нельзя улучшить участь бѣдныхъ, не понижая въ такой-же мѣрѣ благо-

состоянія остального общества, — тѣмъ не менѣе это такъ. Если кто-либо отдѣлитъ часть запасовъ своего семейства и отдастъ ее бѣднымъ, то онъ можетъ достигнуть увеличенія довольства нѣсколькихъ бѣдныхъ, путемъ нѣкотораго уменьшенія довольства членовъ своей семьи, хотя, быть можетъ, это уменьшеніе окажется возможнымъ перенести безъ особеннаго труда. Если кто либо воздѣляетъ новый участокъ земли и жатву съ этого участка отдастъ бѣднымъ, онъ сдѣлаетъ добро какъ этимъ бѣднымъ, такъ и всему обществу, ибо внесетъ новый продуктъ въ общій запасъ средствъ потребленія, предназначенныхъ для населенія. Но если мы дадимъ бѣдному денегъ, при условіи, что количество продовольствія въ обществѣ не измѣнится, то мы дадимъ ему право на полученіе большей части запасовъ, чѣмъ сколько онъ получалъ прежде, а между тѣмъ это можетъ быть достигнуто, лишь путемъ уменьшенія доли остальныхъ членовъ общества. Если количество товара въ какой-либо странѣ не измѣняется въ теченіе ряда лѣтъ, то онъ распредѣлится между всѣми жителями въ размѣрахъ *предъявляемаго ими права на него, т. е.* въ размѣрахъ той суммы денегъ, которую каждый изъ нихъ въ состояніи будетъ предложить за этотъ требуемый всѣми товаръ. Очевидно, что при этихъ условіяхъ нельзя увеличить права одного, не уменьшая въ то же время права остальныхъ. Еслибы богатые, не уменьшая количество потребляемыхъ ими продуктовъ, раздавали ежедневно полумилліону бѣдныхъ по три шиллинга, то эти бѣдные потребовали-бы больше продуктовъ и, вслѣдствіе этого, меньшее количество ихъ осталось-бы для осталь-

ныхъ членовъ общества. Право каждаго изъ этихъ остальныхъ членовъ общества уменьшилось-бы въ своихъ размѣрахъ или, другими словами, на прежнее количество имѣющихся у нихъ денегъ можно было-бы купить меньше продуктовъ, рыночная цѣна которыхъ поднялась-бы во всей странѣ.

Никто такъ горячо, какъ я, не желаетъ повышения *дѣйствительной* платы за трудъ, т. е. той платы, которая выражается въ количествѣ продуктовъ потребления. Но попытка достигнуть этого принудительнымъ повышеніемъ нарицательной цѣны труда (т. е. повышеніемъ денежной заработной платы, которая можетъ сопровождаться соответственнымъ или даже большимъ повышеніемъ цѣны предметовъ потребления), какъ это совѣтовалось многими во время послѣдняго неурожая, представляется мѣрою безсильною и неблагоприятною. Заработная плата, стоящая на своемъ естественномъ уровнѣ, представляетъ общественный барометръ, имѣющій огромное значеніе: она выражаетъ собою отношеніе между средствами существованія и требованіемъ на нихъ, между количествомъ продуктовъ потребления и числомъ потребителей. Средняя ея величина, установленная независимо отъ случайныхъ обстоятельствъ, показываетъ кромѣ того, каковы потребности общества, сравнительно съ количествомъ населенія въ данное время: независимо отъ того, какое-бы ни приходилось число дѣтей на каждую семью для поддержанія численности населенія на данномъ уровнѣ, заработная плата можетъ быть достаточна, превосходить или оказаться недостаточной для воспитанія ихъ, смотря по тому, будутъ ли запасы, предназначенные для оплаты труда,

находиться въ неподвижномъ состояніи, будутъ-ли они постепенно уменьшаться или увеличиваться. Но вмѣсто того, чтобы усвоить такую точку зрѣнія на заработную плату, ее нерѣдко разсматриваютъ, какъ цѣнность, которую можно по усмотрѣнію повышать или понижать. Когда возвышеніе цѣны предметовъ потребления показываетъ перевѣсъ спроса надъ предложеніемъ ихъ, хотять поставить рабочихъ въ положеніе, въ которомъ они находились до этого повышенія и съ этою цѣлью предлагаютъ увеличить заработную плату, т. е. усилить спросъ, а потомъ удивляются, что дороговизна предметовъ потребления продолжаетъ увеличиваться. Это почти то же самое, какъ если-бы, при паденіи ртути, соответствующемъ бурѣ, мы стали-бы, для наступленія хорошей погоды, поднимать въ немъ ртуть механическимъ давленіемъ, а потомъ удивлялись-бы, что дурная погода не прекращается.

Ад. Смитъ доказалъ, что естественнымъ послѣдствіемъ неурожая всегда бываетъ увольненіе множества рабочихъ или пониженіе ихъ заработной платы, такъ какъ по той же цѣнѣ хозяева не могутъ держать прежнее число работниковъ. Если-бы заработная плата всюду повысилась въ томъ-же размѣрѣ, какъ увеличилась цѣна предметовъ потребления, то, владѣльцы фабрикъ не были-бы въ состояніи держать прежнее число рабочихъ; огромному числу ихъ было-бы отказано отъ мѣста и для поддержанія своего существованія имъ не оставалось-бы иного средства, какъ обратиться къ приходамъ за вспомоцествованіемъ. При естественномъ порядкѣ вещей, голодъ стремится понизить, а не повысить заработную плату. Послѣ появленія на

свѣтъ замѣчательнаго сочиненія Ад. Смита, трудно понять, какъ можетъ еще существовать мнѣніе, что отъ всемогущества правительства зависитъ измѣненіе экономическихъ условій, въ которыхъ находится страна и что спросъ и предложеніе могутъ быть уравнены указомъ или постановленіемъ.

Тѣмъ не менѣе во время такого всеобщаго бѣдствія, какъ голодъ, наши личные интересы и требованія справедливости должны насъ побуждать къ тому, чтобы оказать бѣднымъ временное пособіе, которое должно заключаться не въ раздачѣ денегъ или повышеніи заработной платы, а въ примѣненіи болѣе дешевыхъ питательныхъ веществъ, замѣняющихъ хлѣбъ, и въ различныхъ средствахъ для сбереженія продовольственныхъ запасовъ. При этомъ нѣтъ надобности сѣтовать на дороговизну хлѣба, ибо высокая цѣна усиливаетъ его ввозъ, т. е. увеличиваетъ наши средства существованія и пополняетъ наши недостаточные запасы.

Кромѣ голода, на пониженіе заработной платы влияетъ размноженіе населенія, если оно не сопровождается соответственнымъ увеличеніемъ средствъ существованія, такъ какъ подобное размноженіе принуждаетъ раздѣлять доставляемое страной продовольствіе на меньшія доли, а это всегда влечетъ за собою поднятіе цѣны продуктовъ потребленія. Къ такимъ-же послѣдствіямъ ведетъ быстрое измѣненіе въ распредѣленіи денегъ между членами общества. Оба эти обстоятельства ухудшаютъ положеніе бѣдныхъ въ Англіи. Во первыхъ законы о бѣдныхъ поощряютъ размноженіе населенія, нисколько не увеличивая количество продуктовъ потребленія. Разсчитывая на вспомошествованія своего

прихода, бѣдный человѣкъ можетъ въ Англіи жениться, совсѣмъ не имѣя средствъ для прокормленія семьи, а это неизбежно влечетъ за собою значительное возрастаніе населенія, а, слѣдовательно, постоянное раздробленіе продуктовъ потребленія на меньшія доли. Вслѣдствіе этого на вознагражденіе за трудъ людей, не получающихъ пособія, приходится покупать все меньшее и меньшее количество пищи и въ конечномъ результатѣ число лицъ, поступающихъ на попеченіе приходовъ, должно постоянно возрастать. Во вторыхъ количество продовольствія, потребляемаго въ приходскихъ рабочихъ домахъ призрѣваемыми, которыхъ нельзя считать полезными членами общества, настолько-же уменьшаетъ долю рабочихъ, т. е. людей наиболѣе полезныхъ для страны.

Къ счастью, въ народѣ еще существуетъ отвращеніе къ приходскимъ вспомошествованіямъ, несмотря на то, что законы о бѣдныхъ стремятся ослабить это чувство. Если-бы эти законы оказали свое полное дѣйствіе въ этомъ отношеніи, то въ настоящее время не было-бы уже возможности, какъ это дѣлалось доселѣ, скрыть ихъ пагубное вліяніе. Такое воззрѣніе можетъ быть въ отдѣльныхъ случаяхъ жестоко, но необходимо достигнуть того, чтобы полученіе вспомошествованія сопровождалось чувствомъ стыда, который явится побужденіемъ къ труду, столь необходимому для благосостоянія общества. Всякая мѣра, ослабляющая это чувство, съ какою-бы челоуколюбивою цѣлью она ни принималась, вызываетъ послѣдствія, прямо противоположныя тѣмъ, которыя имѣлись въ виду. Когда обѣщаніемъ помощи со стороны прихода способ-

ствують заключенію браковъ между неимущими людьми, то этимъ не только подвергаютъ несчастью ихъ самихъ и будущихъ дѣтей, что въ высшей степени жестоко и несправедливо относительно послѣднихъ, но еще побуждаютъ этихъ людей причинять вредъ всему обществу. Законы о бѣдныхъ въ Англіи оказали вліяніе на вздорожаніе всѣхъ предметовъ потребленія и на пониженіе дѣйствительной величины заработной платы; слѣдовательно, они содѣйствовали уменьшенію благосостоянія тѣхъ классовъ, которые живутъ исключительно своимъ трудомъ. Эти законы, безъ сомнѣнія, были установлены съ благою цѣлью, но также несомнѣнно и то, что они не достигли этой цѣли. Нельзя отрицать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они уменьшаютъ страданія, но, говоря вообще, участь бѣдныхъ, находящихся на попеченіи приходовъ, крайне плачевна и тягостна. Можно быть увѣреннымъ, что если-бы законы о бѣдныхъ никогда не были установлены въ Англіи, то хотя-бы число отдѣльныхъ случаевъ крайне тягостнаго положенія и нѣсколько увеличилось, тѣмъ не менѣе общая сумма счастья среди народа была-бы больше теперешней.

Точно также попытки употреблять бѣдныхъ на работы въ фабричныхъ заведеніяхъ почти никогда не имѣли успѣха. Если нѣсколькимъ приходамъ и удалось при помощи тщательнаго присмотра достигнуть того, что матеріалы въ такихъ мастерскихъ не проматывались безъ всякой пользы, то все-таки неизбѣжнымъ слѣдствіемъ подобныхъ учрежденій являлось лишеніе заработка со стороны рабочихъ, никогда не обременявшихъ приходы. Быть можетъ, мнѣ возразятъ, что къ тѣмъ-же послѣдствіямъ при-

водитъ соперничество, вызываемое среди рабочихъ, и когда учреждается новая фабрика не на благотворительныхъ основаніяхъ. Но возраженіе это нельзя признать справедливымъ, такъ какъ въ разсматриваемомъ нами случаѣ мы видимъ примѣръ не обычной конкуренціи, а поддерживаемой значительными пособиями, при содѣйствіи которыхъ соперники, значительно уступающіе въ трудолюбіи и ловкости, принуждаютъ независимаго рабочаго понизить цѣну и даже совершенно вытѣсняютъ его съ рынка, заставляя его въ то же время удѣлать часть своего заработка на пособіе для поддержанія такого соперничества.

Говоря это, я вовсе не хочу утверждать, что всякое употребленіе на работу бѣдныхъ вредно, или осуждать то, что можетъ быть сдѣлано въ ограниченныхъ размѣрахъ на пользу немущихъ, ради побужденія ихъ къ труду, но безъ поощренія ихъ къ размноженію. Хотя никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду общихъ принциповъ, но я вовсе не настаиваю на ихъ безусловномъ примѣненіи. Бываютъ случаи, когда дѣлаемое нами частое добро такъ велико, а порождаемое имъ общественное зло такъ ничтожно, что первому мы должны отдать предпочтеніе. Я хотѣлъ лишь доказать, что общая система законодательства о бѣдныхъ покоится на ложномъ основаніи.

Если все сказанное мною выше справедливо, то необходимо сожалѣть, что во многихъ распространенныхъ среди народа и авторитетныхъ для него сочиненіяхъ высказывается неодобреніе такому поведенію, которое одно только можетъ улучшить положеніе народа, и превозносится система, которая

неизбѣжно должна повергнуть его въ нищету. Народу говорятъ, что ему незачѣмъ обуздывать свои склонности и быть благоразумнымъ относительно заключенія браковъ, ибо приходъ обязанъ заботиться обо всѣхъ рождающихся дѣтяхъ. Ему говорятъ, что незачѣмъ приучать себя къ бережливости и откладывать въ сберегательныя кассы часть заработка, чтобы приобрести домъ по вступленіи въ бракъ, ибо приходъ обязанъ прикрыть его наготу и дать ему помѣщеніе въ рабочемъ домѣ.

Его учать, что внушенія со стороны богатыхъ, относительно необходимости быть благоразумнымъ и бережливымъ, вызываются однимъ только желаніемъ сберечь суммы, уплачиваемыя богатыми въ видѣ налога въ пользу бѣдныхъ.

Его учать, что заповѣдь Создателя—плодиться и размножаться опровергаетъ всякія опасенія относительно вступленія въ бракъ и что, наоборотъ, каждый человѣкъ обязанъ жениться въ молодыхъ годахъ, хотя-бы, вслѣдствіе недостатка средствъ существованія, его дѣти должны были умереть преждевременно, не участвуя въ размноженіи породы.

Его учать, что единственная разница между Англій, въ которой не воздѣланы только бесплодные участки, и Сѣвероамериканскими Штатами, гдѣ можно за безцѣнокъ купить громадныя участки плодородной земли,—заключается только въ налогахъ въ пользу бѣдныхъ.

Ему говорятъ, наконецъ, будто единственная причина, почему сѣвероамериканскій рабочій получаетъ въ день долларъ, а англійскій—неболѣе двухъ шиллинговъ, состоитъ въ томъ, что послѣдній платитъ въ видѣ пошлины большую часть этихъ двухъ шиллинговъ.

Нѣкоторые изъ этихъ утвержденій до такой степени неосновательны, что, навѣрное, отвергаются здоровымъ смысломъ самихъ рабочихъ. Они, на примѣръ, прекрасно сознаютъ, что благотворительность приходовъ не можетъ дать имъ и ихъ дѣтямъ ни счастья, ни благосостоянія и что она, въ лучшемъ случаѣ, ограничивается лишь необходимѣйшими средствами пропитанія. Они понимаютъ, что чѣмъ меньше работниковъ, тѣмъ большую долю удерживаютъ они изъ той цѣнности, которую производятъ для своихъ хозяевъ; изъ этого вытекаетъ, что благоразуміе относительно вступленія въ бракъ, являясь нравственнымъ средствомъ для предупрежденія перевѣса предложенія работы надъ спросомъ, есть въ такое время единственное средство для передачи рабочимъ большей части произведеній страны. Здравый смыслъ рабочихъ и знакомство съ библіей убѣждаетъ ихъ, что Создатель, давая разумнымъ существамъ заповѣдь продолжать родъ, не могъ желать въ тоже время повести ихъ по пути къ страданіямъ, болѣзни и смерти; ибо если въ странѣ, въ которой нельзя рассчитывать на увеличеніе средствъ существованія, каждый человѣкъ въ раннемъ возрастѣ будетъ вступать въ бракъ, то неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого будетъ распространеніе бѣдности, болѣзней и смертности, а не размноженіе населенія. Мало рабочихъ найдется въ Англіи, которые-бы не слышали, что высокія цѣны труда и продуктовъ потребленія поддерживаются главнымъ образомъ налогомъ въ пользу бѣдныхъ, который хотя и поднялъ денежную цѣну труда, какъ и всѣхъ прочихъ предметовъ, тѣмъ не менѣе принесъ больше вреда, чѣмъ пользы рабочимъ, такъ

какъ вздорожаніе предметовъ, на покупку которыхъ идетъ заработная плата, шло постоянно впереди. Обладая этими свѣдѣніями, всякій рабочій долженъ отвергнуть мысль, будто-бы отсутствіе налога въ пользу бѣдныхъ, т. е. та причина, которая держитъ въ европейскихъ государствахъ денежную величину заработной платы ниже уровня, установившагося въ Англіи, могла удвоить эту плату въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ. Рабочій можетъ не знать дѣйствительной причины высокой денежной цѣны заработанной платы въ Америкѣ, но для него не можетъ подлежать сомнѣнію, что эта причина не можетъ заключаться въ отсутствіи налога въ пользу бѣдныхъ, такъ какъ одно это обстоятельство должно вызвать явленіе совершенно противоположное.

Тѣмъ не менѣе, если постоянно будутъ говорить рабочимъ, что всѣ рождающіеся, каково-бы ни было ихъ число, имѣютъ право содержаться на счетъ страны и что поэтому нѣтъ надобности прибѣгать къ благоразумію въ дѣлѣ заключенія браковъ и стремленію къ удержанію числа рождающихся въ должныхъ границахъ, то, слушая подобныя рѣчи, потворствующія естественнымъ склонностямъ, рабочіе неизбежно уступятъ искушенію, послѣдствіемъ котораго будетъ постоянно увеличивающаяся зависимость ихъ отъ приходскихъ вспомоществованій. Такимъ образомъ, нельзя быть болѣе непослѣдовательнымъ, стать въ большее противорѣчіе съ самимъ собою, какъ проповѣдывать подобныя ученія и въ тоже время жаловаться на увеличеніе числа бѣдныхъ. Проповѣдь эта неразрывно связана съ размноженіемъ нищеты и никакая перемена правительства не въ состояніи разорвать эту связь.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

IV.

О надеждѣ, которую можно возлагать на будущее, относительно излѣченія или смягченія бѣдствій, порождаемыхъ закономъ народонаселенія.

Если при настоящемъ положеніи всѣхъ изслѣдуемыхъ нами обществъ естественное возрастаніе населенія постоянно и неуклонно сдерживалось какимъ либо препятствіемъ; если ни лучшая форма правленія, ни проекты выселеній, ни благотворительныя учрежденія, ни высшая производительность или совершеннѣйшее приложеніе труда, — ничто не въ силахъ предупредить неизмѣннаго дѣйствія этихъ препятствій, тѣмъ или инымъ образомъ удерживающихъ населеніе въ опредѣленныхъ границахъ, то изъ этого слѣдуетъ, что порядокъ этотъ есть законъ природы и что ему необходимо подчиняться; единственное обстоятельство, предоставленное въ этомъ случаѣ нашему выбору, заключается въ опредѣленіи препятствія, наименѣе вреднаго для добродѣтели и счастья.

Всѣ разсмотрѣнныя нами препятствія, какъ мы видѣли, сводятся къ слѣдующимъ тремъ видамъ: нравственному обузданію, пороку и несчастью. Если наша точка зрѣнія справедлива, то въ выборѣ между ними не можетъ быть сомнѣнія.

Если возрастаніе народонаселенія неизбѣжно дол-

жно быть сдержано какимъ либо препятствіемъ, то пусть лучше таковымъ окажется благоразумная предусмотрительность относительно затрудненій, порождаемыхъ содержаніемъ семьи, чѣмъ дѣйствіе нищеты и страданій. Мысль эта, къ развитію которой мы перейдемъ, несомнѣнно окажется соотвѣтствующею требованіямъ разсудка и природы. Мнѣнія, противоположныя этой мысли, возникли въ періодъ варварства, и если они поддерживались и распространялись въ послѣдующія эпохи, то это потому, что нашлись люди, заинтересованные въ ихъ защитѣ.

Физическія и нравственныя страданія какъ-бы являются указаніями, посредствомъ которыхъ Богъ предостерегаетъ насъ, чтобы мы въ своихъ поступкахъ избѣгали того, что противорѣчитъ нашей природѣ и что угрожаетъ нашему счастью. Невоздержанность въ пищѣ причиняетъ болѣзни; если мы отдаемся гнѣву, то онъ почти всегда влечетъ насъ къ поступку, въ совершеніи котораго мы впоследствии раскаиваемся; а если мы допускаемъ чрезмѣрно быстрое возрастаніе населенія, то гибнемъ жалкимъ образомъ, становясь жертвами нищеты и заразительныхъ болѣзней. Во всѣхъ этихъ случаяхъ законы природы сходны и дѣйствуютъ однообразно.—Каждый изъ этихъ законовъ указываетъ намъ, гдѣ, уступая естественнымъ влеченіямъ, мы переходимъ границу, предписываемую какимъ либо другимъ побочнымъ, но не менѣе важнымъ закономъ. Болѣзнь, въ которую повергаетъ насъ излишество въ пищѣ, вредъ, причиняемый намъ припадкомъ гнѣва, бѣдствія, которыми угрожаетъ намъ приближеніе нищеты,—всѣ эти полезныя пре-

достереженія обязываютъ насъ ограничивать свои естественныя склонности. Если мы пренебрегаемъ этими предостереженіями, то подвергаемся наказанію, какъ за совершеніе преступленія, и наши страданія служатъ, кромѣ того, урокомъ для другихъ.

Вслѣдствіе незначительнаго вниманія, удѣленнаго разсмотрѣнію гибельныхъ послѣдствій чрезмѣрно быстрого возрастанія населенія, можетъ показаться, что между этимъ явленіемъ и его послѣдствіями существуетъ менѣе тѣсная и очевидная связь, чѣмъ та, которая наблюдается въ проступкахъ иного рода. Тѣмъ не менѣе сущность нашихъ поступковъ не измѣняется въ зависимости отъ эпохи, въ которую они подвергнуты были изученію; въ какое-бы время мы ни познали образъ дѣйствій, предписываемый намъ долгомъ, наша обязанность исполнить его остается неизмѣнной. Во многихъ случаяхъ намъ понадобился долгій и тяжелый опытъ, прежде чѣмъ мы нашли наилучшій путь къ достиженію счастья. Выборъ пищи, способъ ея приготовленія, лекарства и ихъ употребленіе, вліяніе на здоровье низкихъ болотистыхъ мѣстностей, изобрѣтеніе наиболѣе полезной и удобной одежды, наилучшее устройство жилищъ, словомъ всѣ познанія, наполняющія жизнь цивилизованныхъ народовъ наслажденіями и счастьемъ,—все это не было дѣломъ одного человѣка, или одного столѣтія, все это плодъ медленнаго опыта и размышленій, порождаемыхъ многими предшествовавшими ошибками.

— На болѣзни обыкновенно смотрятъ, какъ на кару, ниспосланную Провидѣніемъ; но, быть можетъ, основательнѣе было-бы видѣть въ большинствѣ этихъ болѣзней указаніе на то, что мы нарушили какой

нибудь законъ природы. Свирѣпствующая въ Константинополь и другихъ восточныхъ городахъ чума, является такимъ непрерывнымъ указаніемъ. Устройство человеческого организма не допускаетъ извѣстнаго рода неопрятности и лѣни; а такъ какъ грязная и отвратительная нищета, точно также какъ безпечность и лѣнь, чрезвычайно неблагопріятны для счастья и добродѣтели, то нельзя не признать мудрымъ и благодѣтельнымъ законъ природы, на основаніи котораго такое состояніе сопровождается болѣзнями и смертью. Это вѣха надъ подводнымъ камнемъ.

Такое же значеніе имѣла чума, опустошавшая Англію до 1666 г. Нѣкоторыя заботы со стороны полиціи, осушка затопленныхъ мѣстностей, проложеніе новыхъ и расширеніе прежнихъ улицъ, устройство болѣе просторныхъ и лучше вентилируемыхъ помѣщеній,—эти мѣры оказались достаточными для устраненія чумы и повышенія благосостоянія народа.

Исторія почти всѣхъ эпидемій показываетъ, что наибольшее число жертвъ приходится на тѣ низшіе классы общества, которые плохо питаются и живутъ скученно въ грязныхъ и тѣсныхъ помѣщеніяхъ. Въ этихъ случаяхъ природа какъ нельзя болѣе ясно показываетъ намъ, что нельзя безнаказанно нарушать ея заботы, размножаясь за предѣлы, обусловленные количествомъ средствъ существованія. Указывая намъ на несчастія, которыя намъ угрожаютъ, когда мы неосторожно предаемся нашимъ склонностямъ, природа объявила намъ свой непреложный законъ, воспрещающій невоздержаніе. Если потребность ѣсть и пить представляетъ законъ природы, то и вредъ, причиняемый намъ излише-

ствами въ пищу и питьѣ, долженъ быть разсматриваемъ какъ такой-же законъ природы; тоже самое необходимо сказать и о чрезмѣрномъ возрастаніи населенія.

Если-бы мы отдались всѣмъ своимъ склонностямъ и страстямъ, то впали-бы въ самыя необыкновенныя и пагубныя заблужденія. Однако же мы имѣемъ полное основаніе думать, что всѣ эти страсти необходимы для насъ и что онѣ не могли-бы быть устранены или даже ослаблены безъ существеннаго вреда для нашего благополучія. Пища, одежда, жилище, вообще все, что предохраняетъ насъ отъ страданій, причиняемыхъ голодомъ и холодомъ, составляетъ наши самыя недолжныя и общія потребности. Всѣми признано, что желаніе добыть эти средства существованія всегда было главною побудительною причиною дѣятельности человѣка, благодаря которой достигнуты безчисленныя выгоды и преимущества цивилизаціи. Погоня за этими благами и средства, употребленныя для достиженія и удовлетворенія ими нашихъ важнѣйшихъ потребностей, составляли, до возникновенія цивилизаціи и послѣ нея водворенія, главное благополучіе половины человѣческаго рода. Всѣмъ извѣстно, какое преимущество имѣетъ благоразумно направленное удовлетвореніе своихъ потребностей; точно также извѣстно всѣмъ, что дурно направленное стремленіе удовлетворить свои потребности становится источникомъ бѣдствій и что общество вынуждено строго преслѣдовать того, кто въ такихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ незаконнымъ средствамъ.

А между тѣмъ въ обоихъ случаяхъ желаніе удовлетворить свои потребности одинаково естественно

и добродѣтельно. Поступокъ голоднаго человѣка, утоляющаго свой голодь украденнымъ хлѣбомъ, лишь по своимъ послѣдствіямъ отличается отъ поступка того человѣка, который утоляетъ голодь принадлежащимъ ему хлѣбомъ; послѣдствія-же эти заключаются въ томъ, что если не препятствовать людямъ утолять голодь чужимъ хлѣбомъ, то количество хлѣба повсемѣстно уменьшится. Основаніе законовъ о собственности, различіе между порокомъ и добродѣтельно въ способѣ удовлетворенія желаній—все это давно добыто человѣчествомъ изъ опыта.

Еслибы удовольствіе, доставляемое удовлетвореніемъ нашихъ потребностей и естественныхъ склонностей, повсюду уменьшилось и утратило часть своей интенсивности, то, безъ сомнѣнія, въ такомъ же размѣрѣ уменьшилось-бы число проступковъ нарушенія собственности; но эта послѣдняя выгода произошла-бы на счетъ уменьшенія средствъ для нашего наслажденія. Мы замѣтили-бы, въ этомъ случаѣ, что количество предметовъ, предназначенныхъ для удовлетворенія нашихъ желаній, уменьшилось-бы быстрѣе, чѣмъ число покражъ, и, такимъ образомъ, общая для всѣхъ людей потеря благополучія оказалась-бы несравненно значительнѣе, чѣмъ прибыль его, достигнутая въ другихъ отношеніяхъ. Если принять во вниманіе непрерывный, тяжкій трудъ, на который обречено большинство людей, то нельзя не согласиться, что человѣческое счастье было-бы существенно искажено, если-бы надежды на сытый обѣдъ, на хорошее и теплое помѣщеніе было недостаточно для того, чтобы скрасить тяжелый трудъ и лишенія.

Послѣ чувства голода, самая общая и могущест-

венная страсть—это любовь, принимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ. Добродѣтельная, облагороженная дружбою любовь, повидимому, представляетъ соединеніе самыхъ чистыхъ и глубокихъ наслажденій, соотвѣтствующихъ всѣмъ потребностямъ сердца. Она пробуждаетъ самыя доброжелательныя чувства и тѣмъ самымъ придаетъ всей жизни смыслъ и очарованіе.

„Исключите изъ половыхъ сношеній сопровождающія ихъ обстоятельства, говоритъ Годвинъ, и они станутъ презрительными“. Точно также можно было-бы сказать: отнимите у дерева его вѣтви и листву, и оно лишится своей красоты.

Правильныя черты, кротость, живость, впечатлительность, чувствительность, умъ, воображеніе плѣняютъ насъ; такія качества пробуждаютъ и питаютъ чувство любви.

Было-бы весьма ошибочно предполагать, что эта страсть ограничивается одними чувственными наслажденіями. Однимъ изъ важныхъ условій счастья совершенно справедливо признается тотъ образъ жизни, который каждый намѣчаетъ себѣ, и къ достиженію котораго стремится; я увѣренъ, что въ большинствѣ такихъ плановъ любовь занимаетъ видное мѣсто, на ряду съ удовольствіями семейной жизни и радостями, доставляемыми намъ дѣтьми. Ужинъ у разведеннаго очага и удобное помѣщеніе не могутъ казаться намъ вполне привлекательными, если мы не связываемъ въ своемъ воображеніи эти удобства съ дорогими существами, съ которыми мы желали-бы раздѣлить ихъ.

Существуютъ и другія основательныя причины утверждать, что страсть, о которой мы говоримъ,

въ значительной степени смягчаетъ и облагораживаетъ человѣческое сердце, располагая его къ нѣжнымъ побужденіямъ благоволенія и состраданія. Все, что намъ извѣстно о жизни дикихъ, убѣждаетъ насъ, что племена, среди которыхъ эта страсть мало развита, являются наиболѣе злыми и жестокими; племена эти въ тоже время наиболѣе расположены къ насилію и дурному обращенію съ женщинами. И дѣйствительно, еслибы супружеская любовь вдругъ ослабѣла, то, вѣроятно, мужчины, пользуясь превосходствомъ силы, обратили-бы женщинъ въ рабство, какъ это дѣлаютъ дикари, или, во всякомъ случаѣ, малѣйшее выраженіе нетерпѣнія со стороны женщины, ничтожное разногласіе съ нею, было-бы достаточною причиною для разрыва. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого положенія вещей было-бы ослабленіе родительскихъ чувствъ и, какъ слѣдствіе этого, уменьшеніе заботъ о воспитаніи дѣтей, а это не могло-бы не отразиться вредно на благоденствіи всего общества.

Необходимо замѣтить, что препятствія усиливаютъ страсть и что она тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на сердце, чѣмъ труднѣе ея удовлетвореніе. Нѣжность, чувствительность, благородство характеровъ и нравовъ, которыя могутъ быть внушены одною только любовью, являются чаще всего слѣдствіемъ испытываемыхъ ею проволочекъ и затрудненій. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ нравы въ этомъ отношеніи грубы, любовь угасаетъ или обращается въ низкое побужденіе и перестаетъ оказывать благотворное вліяніе на характеръ. Но во всѣхъ европейскихъ странахъ, благодаря тому обстоятельству, что женщины, пользуясь свободою, находятся подъ защитою стыд-

ливости, эта страсть развивается съ наибольшою силою и почти всюду оказываетъ свое благотворное вліяніе. Можно смѣло утверждать, что всюду, гдѣ эта страсть наиболѣе сдерживается, она наивыгоднѣйшимъ образомъ измѣняетъ нравы.

Страсть эта, понимаемая въ самомъ широкомъ смыслѣ, съ присоединеніемъ къ ней взаимной любви между родителями и дѣтьми, представляетъ, несомнѣнно, одно изъ могущественнѣйшихъ условий счастья. Но, съ другой стороны, опытъ ясно доказываетъ намъ, что та-же самая страсть является источникомъ бѣдствій, если она дурно направлена. Правда, въ общемъ эти бѣдствія ничтожны, сравнительно съ благотворнымъ вліяніемъ добродѣтельной любви, но рассматриваемыя безъотносительно — бѣдствія эти все таки довольно значительны. Впрочемъ, налагаемая правительствомъ наказанія показываютъ, что страсть, о которой идетъ рѣчь, не вызываетъ такихъ значительныхъ бѣдствій или, во всякомъ случаѣ, не причиняетъ такого непосредственнаго вреда, какъ нарушеніе правъ собственности и вообще противозаконное стремленіе къ удовлетворенію желанія обладать тѣмъ, что принадлежитъ другимъ. Тѣмъ не менѣе, если при изученіи этой страсти мы представимъ себѣ важныя послѣдствія ея необузданности, то почувствуемъ себя способными на большія жертвы, чтобы уменьшить или даже совсѣмъ заглушить ее. Но это значило-бы сдѣлать человѣческую жизнь непривлекательной и безцвѣтной или предоставить ее на произволь дикаго и неукротимаго звѣрства. Внимательное изученіе непосредственныхъ и самыхъ отдаленныхъ послѣдствій всѣхъ человѣческихъ страстей и есте-

ственныхъ законовъ доказываетъ намъ, что при настоящемъ положеніи вещей, ослабленіе дѣйствія любой изъ этихъ страстей можетъ быть достигнуто не иначе, какъ путемъ причиненія людямъ страданія несравненно болѣе значительнаго, чѣмъ то зло, которое мы желали устранить при помощи ослабленія страсти. Причина этого очевидна. Страсти представляютъ основу какъ нашихъ наслажденій, такъ и страданій, элементы, изъ которыхъ образуются людскія бѣдствія, счастье, добродѣтели и пороки. Поэтому страсти нужно направлять, а не разрушать или ослаблять.

Докторъ Палей *) справедливо утверждаетъ, что „страсти необходимы для нашего счастья и чаще всего по своей природѣ ведутъ насъ къ нему. Онѣ сильны и всеобщы; если-бы онѣ не были такими, то, быть можетъ, не могли бы выполнить своего назначенія. Но при нѣкоторыхъ условіяхъ та же сила и всеобщность страстей порождаетъ излишества и пороки, слѣдовательно является источникомъ бѣдствій. Здѣсь разомъ открываются—съ одной стороны причина пороковъ, съ другой—господство разума и добродѣтели“.

Такимъ образомъ, наша добродѣтель должна заключаться въ томъ, чтобы извлечь наибольшую сумму счастья изъ того матерьяла, который представленъ Богомъ въ наше распоряженіе. Присущія намъ склонности сами по себѣ всегда хороши, злоупотребленіе же ими распознается только въ послѣдствіяхъ, на которыя, вслѣдствіе этого, мы должны обращать постоянное вниманіе и сообразовать свои дѣйствія съ полученными выводами.

Плодовитость людей до извѣстной степени не-

*) Natural Theology, p. 547.

зависима отъ страсти и вызываетъ соображенія другого рода. Она зависитъ скорѣе отъ естественнаго сложенія женщины, позволяющаго ей имѣть большее или меньшее число дѣтей. Но законъ, которому подчиненъ въ этомъ отношеніи человѣкъ, тѣмъ не менѣе сходенъ съ другими, господствующими надъ его жизнью законами. Половая страсть сильна и свойственна всеѣмъ людямъ; причиняемая ею бѣдствія являются необходимымъ слѣдствіемъ ея энергіи и всеобщности. Но эти бѣдствія могутъ быть значительно смягчены и даже уменьшены противопоставляемою имъ силой и добродѣтелью. Все убѣждаетъ насъ въ томъ, что намѣреніе Творца состояло въ заселеніи земли; но эта цѣль, повидимому, могла быть достигнута лишь присвоеніемъ человѣчеству способности къ болѣе быстрому возрастанію сравнительно съ средствами существованія. И если эта способность къ размноженію не заселила съ чрезмѣрною быстротою всю поверхность земного шара, то, очевидно, изъ этого нельзя выводить заключенія, что она не соотвѣтствуетъ своей цѣли. Потребность въ средствахъ существованія не была бы достаточно настоятельна и не содѣйствовала бы развитію человѣческихъ способностей, если бы стремленіе людей къ быстрому и безграничному размноженію не усиливало напряженности этой потребности. Если бы обѣ эти величины—населеніе и средства существованія—возрастали въ одинаковой степени, я не знаю, какое побужденіе могло бы побѣдить естественную лѣность человѣка и что могло бы заставить его распространять обработку земли. Населеніе самой обширной и плодородной территоріи такъ-же легко остановилось бы на 500

жителяхъ, какъ и на 500 тысячахъ, 5 миллионѣхъ, 50 миллионѣхъ. Следовательно, одинаковая степень возрастанія населенія и средствъ существованія не могла соотвѣтствовать цѣли Провидѣнiя. Что-же касается точнаго опредѣленiя отношенiя между названными величинами, при которомъ эта цѣль могла бы быть достигнута съ возможно меньшими бѣдствiями, то мы должны признать свое безсилiе для разрѣшенiя подобнаго вопроса. При настоящемъ положенiи вещей мы должны управлять громадной силой, способной въ короткое время населить пустынную область; но эта сила можетъ быть сдержана превосходящею ее силой добродѣтели въ произвольныхъ границахъ и притомъ цѣною небольшого зла, сравнительно съ выгодами, приобретаемыми такою мудрою экономiей. Аналогiя между этимъ и всѣми остальными законами природы была-бы очевидно нарушена, если-бы въ одномъ только этомъ случаѣ мы желали-бы, чтобы онъ оказался достаточнымъ для исправленiя всѣхъ случайностей, пороковъ и частныхъ бѣдствiй, протекающихъ быть можетъ отъ влiянiя другого общаго закона. Чтобы дѣйствiе закона было достигнуто, не вызывая за собою никакого зла, для этого было-бы необходимо, чтобы законъ размноженiя способенъ былъ къ постояннымъ измѣненiямъ и чтобы онъ подчинялся всѣмъ случайнымъ обстоятельствамъ, имѣющимъ мѣсто въ различныхъ странахъ. Гораздо согласнѣе съ остальными явленiями природы, гораздо полезнѣе для насъ и болѣе соотвѣтственно условiямъ нашего совершенствованiя признать, что законъ этотъ единообразенъ и причиняемый имъ, вслѣдствiе различныхъ обстоятельствъ, бѣдствiя

должны быть предоставлены благоразумію людей, для того, чтобы они прилагали старанія къ ихъ смягченію и отстраненію. Такимъ путемъ люди пріучаются слѣдить за собою и предвидѣть послѣдствія своихъ поступковъ; ихъ способности развиваются и совершенствуются при помощи упражненія успѣшнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если-бы приспособленные ко всевозможнымъ обстоятельствамъ законы освобождали людей отъ бѣдствій и отъ необходимой для избѣжанія ихъ внимательности.

Еслибы страсти обуздывались безъ труда или еслибы, при возможности ихъ удовлетворенія недозволенными средствами, безбрачіе не составляло бы лишенія для людей, то стремленіе природы къ заселенію земли, вѣроятно, было-бы обойдено. Для счастья человѣчества, безъ сомнѣнія, имѣетъ громадное значеніе условіе, чтобы размноженіе не совершалось слишкомъ быстро, но, съ другой стороны, для достиженія цѣли природы необходимо, чтобы склонность къ брачной жизни сохранила свое теперешнее значеніе. Долгъ всякаго человѣка состоятъ въ томъ, чтобы рѣшиться на брачную жизнь лишь тогда, когда онъ можетъ обезпечить свое потомство средствами существованія; но въ то же время необходимо, чтобы склонность къ брачной жизни сохранила всю свою силу, чтобы она могла поддержать энергію и пробудить въ безбрачномъ человѣкѣ стремленіе достигнуть трудомъ необходимой степени благосостоянія.

И такъ, мы должны заботиться о направленіи закона возрастанія народонаселенія, а не объ ослабленіи и искаженіи его. Если-же нравственное обузданіе является единственнымъ законнымъ средствомъ

для избѣжанія сопровождающихъ его бѣдствій, мы столько-же обязаны исполнить эту добродѣтель, какъ и всякую другую, во всеобщей пользѣ которой мы убѣдились на опытѣ.

Не подлежитъ сомнѣнiю, что мы должны относиться снисходительно къ нарушенiю слишкомъ трудныхъ обязанностей, но, тѣмъ не менѣе, самыя обязанности должны быть всеми признаны. Обязанность воздерживаться отъ брака до тѣхъ поръ, пока нѣтъ возможности содержать семью, представляетъ предметъ, достойный вниманiя моралиста. Въ этомъ никто не станетъ сомнѣваться, если будетъ признано, что соблюденiе этой обязанности является однимъ изъ могущественныхъ средствъ къ предупрежденiю несчастiй и что, наоборотъ, неисполненiе ея или разрѣшенiе безразсудно слѣдовать естественнымъ побужденiямъ и вступать въ бракъ въ юномъ возрастѣ, достаточны для того, чтобы повергнуть общество въ бѣдствiя, и отдать его на произволь нищеты, болѣзней и голода, отъ которыхъ не въ силахъ спасти его никакая другая добродѣтель.

V.

О вліяніи на общество нравственного обузданія.

Многіе не хотятъ признать, что населеніе стремится къ болѣе быстрому возрастанію, чѣмъ средства существованія, лишь потому, что они не могутъ допустить, чтобы Провидѣніе установило законы, призывающіе къ жизни организмы, существованіе которыхъ, на основаніи тѣхъ-же законовъ, невозможно. Но если мы примемъ во вниманіе, что эти законы, независимо отъ ихъ вліянія и полезнаго направленія нашей промышленной дѣятельности, при помощи случайныхъ бѣдствій указываютъ намъ наиболѣе пригодное средство для противодѣйствія чрезмѣрному возрастанію населенія, и если, подчиняясь такому порядку, предписываемому разумомъ и самою природою, подтверждаемому и освящаемому даже откровеніемъ, мы можемъ избѣжать этихъ бѣдствій,—то, по моему мнѣнію, возраженіе падаетъ и божественная благодѣтельность восстанавливается.

Языческіе моралисты всегда разсматривали добродѣтель, какъ единственное средство для достиженія того счастья, которымъ человекъ можетъ пользоваться на землѣ. Среди добродѣтелей они ставили на первое мѣсто благоразуміе, къ кото-

рому нѣкоторые изъ этихъ моралистовъ даже сводили всѣ остальные добродѣтели. Христіанская религія ставитъ наше благополучіе, какъ въ земной, такъ и въ будущей жизни, въ зависимость отъ добродѣтелей, которыя могутъ намъ открыть болѣе высокія радости, и, поэтому, еще строже требуетъ подчиненія нашихъ страстей велѣніямъ разума, что составляетъ основное правило благоразумія.

Если бы, для примѣра, мы представили себѣ картину общества, каждый членъ котораго стремился-бы достигнуть счастья путемъ точнаго исполненія обязанностей, установленныхъ мудрѣйшими древними философами, предписываемыхъ законами природы и освященныхъ христіанской нравственностью, — то это общество, несомнѣнно, очень мало походило-бы на современное, членами котораго мы состоимъ. Всякій поступокъ, внушаемый стремленіемъ къ немедленному наслажденію, но влекущій затѣмъ къ значительному бѣдствію, разсматривался-бы въ этомъ предполагаемомъ обществѣ какъ нарушеніе обязанностей. Поэтому, человѣкъ, добывающій средства для прокормленія лишь двоихъ дѣтей, никогда не согласился-бы стать въ такое положеніе, при которомъ ему пришлось-бы кормить четверыхъ или пятерыхъ дѣтей, какъ-бы ни были сильны его побужденія къ удовлетворенію слѣпой страсти. Такая благоразумная воздержанность, если бы она всѣми соблюдалась, непременно вызвала-бы повышение заработной платы путемъ уменьшенія предложенія труда. Время, проводимое въ лишеніяхъ, было-бы употреблено на сбереженія; приобрѣтены были-бы привычки къ трезвости, труду и бережливости и по прошествіи нѣкотораго времени рабочій сталь-

бы въ положеніе, при которомъ онъ могъ-бы вступить въ бракъ, не опасаясь относительно его послѣдствій. Такое постоянное дѣйствіе предупреждающаго препятствія, ограничивая размноженіе населенія, сдерживая его въ предѣлахъ средствъ существованія и позволяя ему возрастать по мѣрѣ возрастанія послѣднихъ, придадо-бы дѣйствительное значеніе увеличенію заработной платы и сбереженіямъ, сдѣланнымъ рабочими до вступленія въ бракъ.

Такое увеличеніе дѣйствительной цѣны заработной платы значительно отличается отъ вынужденнаго повышенія ея нарицательной цѣны или отъ приходскихъ вспомошествованій, всегда и неизбѣжно влекущихъ за собою соотвѣтственное повышеніе цѣны предметовъ потребленія. Такъ какъ заработная плата была-бы достаточна для содержанія семьи и въ каждомъ хозяйствѣ оказалась-бы небольшая сумма прежнихъ сбереженій, то крайняя нищета была-бы изгнана, или постигла-бы небольшое число лицъ, ставшихъ жертвою такихъ случайныхъ несчастій, которыя не могутъ быть ни предусмотрѣны, ни предупреждены никакою человѣческою мудростію.

Періодъ возмужалости членовъ воображаемаго нами общества, вплоть до вступленія ихъ въ бракъ, проводился-бы въ строгомъ исполненіи требованій цѣломудрія, ибо эти требованія не могутъ быть нарушены безъ самыхъ пагубныхъ для общества послѣдствій. Распутная жизнь, нанося вредъ народонаселенію, очевидно, влечетъ къ ослабленію благороднѣйшихъ побужденій сердца и къ искаженію характера. При томъ, всякая незаконная связь

содѣйствуетъ не менѣ чѣмъ бракъ возрастанію населенія (если при этой связи не прибѣгаютъ къ средствамъ, противнымъ нравственности), и представляетъ несравненно большую вѣроятность, что родившіяся дѣти попадутъ на попеченіе того общества, членами котораго они будутъ.

Эти соображенія доказываютъ, что цѣломудріе не есть, какъ это многіе предполагаютъ, насильственная добродѣтель, установленная искусственнымъ устройствомъ общества, но что она имѣетъ дѣйствительное и прочное основаніе въ законахъ природы и требованіяхъ разума; и дѣйствительно, эта добродѣтель представляетъ единственное законное средство для устраненія пороковъ и бѣдствій, сопровождающихъ законъ возрастанія населенія.

Въ предполагаемомъ нами обществѣ, быть можетъ, оказалось-бы необходимымъ, чтобы лица обоего пола проживали довольно значительное число лѣтъ въ безбрачій, прежде чѣмъ наступитъ для нихъ возможность вступленія въ бракъ. Если - бы такой обычай сталъ всеобщимъ, то воздержаніе отъ браковъ въ данный моментъ повлекло-бы къ увеличенію ихъ числа въ послѣдствіи, такъ что въ общемъ выводѣ оказалось-бы меньше людей, вынужденныхъ отказаться навсегда отъ брачной жизни. Если-бы обычай вступать въ бракъ въ болѣе позднемъ возрастѣ, наконецъ, вполне установился, и если бы нарушеніе требованій цѣломудрія одинаково позорило мужчинъ и женщинъ, то между обоими полами могли-бы съ полною безопасностью установиться болѣе тѣсныя дружескія отношенія. Молодые друзья обоеихъ половъ, несмотря на свою юность, могли-бы, подъ защитою довѣрчивости, об-

ращаться другъ съ другомъ съ полною простотою, не вызывая этимъ никакихъ подозрѣній относительно ихъ супружескихъ намѣреній или возникшей между ними связи. Вслѣдствіе этого обѣ стороны могли-бы лучше изучить взаимныя склонности и представилось-бы больше случаевъ для возникновенія прочныхъ привязанностей, безъ которыхъ супружество приноситъ больше горестей, чѣмъ счастья. Такимъ образомъ молодые годы были-бы также согрѣты цѣломудренною и чистою любовью, которая не только не погасла-бы отъ пресыщенія, но постоянно горѣла-бы яркимъ пламенемъ и оканчивалась-бы вмѣстѣ съ жизнью. На бракъ перестали-бы смотрѣть какъ на средство совершенно свободно отдаваться своимъ влеченіямъ при посредствѣ взаимнаго соглашенія; онъ являлся-бы возмездіемъ за трудолюбіе и добродѣтель, наградою за неизмѣнную и искреннюю привязанность *).

Чувство любви вліяетъ на образованіе характера и нерѣдко побуждаетъ насъ къ благороднымъ и великодушнымъ поступкамъ; но оно ведетъ къ такимъ счастливымъ послѣдствіямъ лишь въ томъ

*) Д-ръ Курри въ своемъ интересномъ изслѣдованіи характера и положенія шотландскихъ крестьянъ, помѣщенномъ въ началѣ біографіи Бюрса, справедливо замѣчаетъ: «При оцѣнкѣ благосостоянія и уровня нравственности какого-либо общества, ни одно отдѣльное наблюденіе не заслуживаетъ, быть можетъ, такого вниманія, какъ отношеніе между полами. Если въ нихъ замѣчается горячая привязанность, сопровождаемая цѣломудренными правами, то значеніе и характеръ женщинъ подымается и слабая человѣческая природа достигаетъ наивысшей степени доступнаго ей совершенствованія. Одна эта привязанность является источникомъ благоденствія, которое, разливаясь по множеству каналовъ, украшаетъ и обогащаетъ всю жизнь. Тамъ же, гдѣ привязанность между полами вырождается въ слѣпой половой инстинктъ, — тамъ *человѣчскій родъ упадаетъ въ жалкое состояніе и приближается къ породѣ вырождающихся животныхъ*» Т. I. стр. 18. — Прим. автора.

случаѣ, когда сосредоточено на одномъ предметѣ и, обыкновенно, когда встрѣчаются препятствія, къ его удовлетворенію *). Никогда, быть можетъ, человѣкъ не бываетъ болѣе расположенъ къ добродѣтели, никогда онъ не бываетъ такъ цѣломудренъ и чистъ, какъ въ то время, когда онъ находится подъ вліяніемъ подобной страсти. Поздніе браки, являющіеся послѣдствіемъ такихъ привязанностей, конечно, мало походили-бы на тѣ супружества, которыя нерѣдко совершаются на нашихъ глазахъ подъ вліяніемъ матеріальныхъ расчетовъ и въ которыхъ съ обѣихъ сторонъ предлагаются поблѣкшія уже чувства. Въ современномъ обществѣ только мужчины женятся въ позднемъ возрастѣ и какъ-бы стары они ни были, они обыкновенно избираютъ себѣ очень молодыхъ женъ. Бѣдная дѣвушка, едва достигнувъ двадцатипятилѣтняго возраста, уже начинаетъ опасаться, что ей придется навсегда отказаться отъ замужества; нерѣдко такъ и бываетъ, что ей приходится состариться въ одиночествѣ, несмотря на то, что ея сердце было способно на самую глубокую и неизмѣнную привязанность, а по распространенному предрасудку, столько-же несправедливому, какъ и жестокому, ея положеніе вызываетъ въ обществѣ неодобреніе. Если-бы время вступленія въ бракъ

*) Д-ръ Курри утверждаетъ, что среди шотландскихъ крестьянъ любовь развиваетъ духъ предпріимчивости, достойный прежнихъ рыцарскихъ временъ (Burn's Works vol. I p. 16) Такого рода романическая страсть, присущая по словамъ Курри всему шотландскому народу и вырабатываемая въ высшихъ слояхъ общества возвышенными чувствами, являющимися послѣдствіемъ свободнаго воспитанія, — имѣла, безъ сомнѣнія, самое благотворное вліяніе на образованіе характера всего народа. Прим. автора.

у всѣхъ наступало позднѣе, то вмѣстѣ съ тѣмъ удлинился-бы періодъ молодости и надеждъ, а, слѣдовательно, оказалось-бы меньше несбывшихся ожиданій. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что такая перемѣна оказалась-бы весьма благотворной для наиболѣе добродѣтельной части человѣческаго рода. Если-бы отсрочка, о которой идетъ рѣчь, и вызвала нѣкоторое неудовольствіе среди мужчинъ, то во всякомъ случаѣ женщины подчинились-бы ей съ готовностью; при увѣренности, что онѣ выйдутъ замужъ въ 28 или 30 лѣтъ, женщины, безъ сомнѣнія, по собственному выбору скорѣе пожелали-бы дождаться этого возраста, чѣмъ къ двадцатипяти годамъ уже быть обремененными многочисленной семьей. Нельзя съ точностью установить возрастъ, болѣе всего соответствующій вступленію въ бракъ, такъ какъ возрастъ этотъ находится въ зависимости отъ многихъ случайныхъ условій и можетъ быть опредѣленъ только опытомъ. Наибольшее стремленіе ко вступленію въ бракъ проявляется съ особенною силою едва-ли не тотчасъ-же по наступленіи возмужалости. Но во всѣхъ обществахъ, вышедшихъ изъ состоянія той нищеты и униженія, которыя не только исключаютъ всякую предусмотрительность, но даже искажаютъ самый разумъ, во всѣхъ такихъ обществахъ оказалось необходимымъ установить препятствія для слишкомъ раннихъ браковъ. Поэтому, если даже въ настоящее время нашли необходимымъ сдерживать слѣпыя порывы инстинкта, то это ограниченіе относительно вступленія въ бракъ будетъ снято лишь въ то время, когда будетъ приобрѣтена увѣренность, что, независимо отъ возраста супруговъ, всѣ рождаю-

щіяся дѣти будутъ вскормлены тѣми людьми, которые дали имъ жизнь.

Быть можетъ, мнѣ приведутъ въ опроверженіе трудность исполненія такой добродѣтели, какъ нравственное обузданіе? Людямъ, непризнающимъ авторитета христіанской религіи, я могу привести только одинъ доводъ. Эта добродѣтель послѣ тщательнаго изслѣдованія оказывается необходимой для избѣжанія бѣдствій, которыя при отсутствіи нравственнаго обузданія, составляютъ неизбежное слѣдствіе законовъ природы. Мои противники должны согласиться, что, имѣя въ виду наибольшую сумму добра, достижимаго при этихъ законахъ, они въ тоже время не въ правѣ отказываться отъ своей цѣли и открывать неисчерпаемый источникъ бѣдствій путемъ подчиненія общества какимъ-то другимъ, второстепеннымъ и противорѣчивымъ законамъ. Путь добродѣтели, единственно ведущій къ счастью, всегда представлялся языческими моралистами крайне труднымъ.

Христіанину я отвѣчу, что Священное Писаніе самымъ яснымъ и положительнымъ образомъ вмѣняетъ намъ обязанность сдерживать наши страсти въ предѣлахъ, предписываемыхъ разумомъ. Поэтому, удовлетвореніе нашихъ страстей, когда разумокъ намъ говорить, что это повлечетъ къ несчастью, нельзя разсматривать иначе, какъ прямое нарушеніе велѣній Священнаго Писанія. Христіанинъ не въ правѣ принимать трудность нравственнаго обузданія за законное оправданіе, освобождающее его отъ исполненія обязанностей.

На каждой страницѣ Священнаго Писанія чело-
вѣкъ изображается окруженнымъ искушеніями, съ

которыми ему трудно бороться; и хотя оно не предписывает ни одной обязанности, соблюденіе которой не принесло-бы намъ счастья въ земной жизни и блаженства въ будущей, тѣмъ не менѣе полное и постоянное подчиненіе требованіямъ религіи ни разу не представлено въ немъ дѣломъ легкоисполнимымъ.

Молодость такъ расположена къ нѣжнымъ чувствамъ, что въ этомъ возрастѣ трудно отличить истинную и продолжительную страсть отъ мимолетной вспышки. Если-бы оба пола подчинялись въ молодости нравственному обузданію, позволяющему лишь тѣмъ страстямъ, которыя не влекутъ за собою бѣдствій, при чемъ для развитія такихъ страстей представлялось-бы больше случаевъ, то можно было-бы разсчитывать на такое-же, если не большее число счастливыхъ супружествъ, чѣмъ какое происходитъ при отсутствіи препятствій къ заключенію раннихъ браковъ, даже въ томъ случаѣ, когда это отсутствіе препятствій обусловлено такими частными причинами и обстоятельствами, какія имѣютъ мѣсто въ Америкѣ. Если-же сравнить предположенное выше идеальное общество съ существующими въ дѣйствительности, то, не принимая даже въ разсчетъ бѣдствій, отъ которыхъ современныя общества были-бы избавлены путемъ нравственнаго обузданія, не можетъ подлежать сомнѣнію, что члены идеальнаго общества пользовались-бы несравненно большими наслажденіями, порождаемыми любовью.

Если-бы мы еще могли надѣяться на повсемѣстное распространеніе такого порядка вещей, то во взаимныхъ отношеніяхъ между различными народами произошла-бы такая-же благотворная пере-

мѣна, какъ во внутреннемъ общественномъ устройствѣ каждаго государства въ частности. Мы въ правѣ были-бы разсчитывать на значительное уменьшеніе опустошеній, производимыхъ войнами и, быть можетъ, наступило-бы даже время, когда эти гибельныя занятія совершенно прекратились-бы.

Одною изъ главнѣйшихъ причинъ войнъ между древними народами былъ недостатокъ мѣста и пропитанія; хотя въ условіяхъ существованія современныхъ народовъ и произошли нѣкоторыя перемѣны, тѣмъ не менѣе та-же причина не переставала дѣйствовать, измѣнивъ лишь степень своего напряженія. Честолюбію правителей недоставало-бы орудія для разрушенія, если бы бѣдствія не побуждали низшіе классы общества становиться подъ ихъ знамена. Вербовщики мечтають о плохой жатвѣ; имъ выгодно, чтобы возможно большее число рукъ оставалось безъ работы, — другими словами, имъ выгоденъ излишекъ въ народонаселеніи.

Въ болѣе раннія времена, когда война была главнымъ занятіемъ людей и когда причиняемое ею уменьшеніе населенія было несравненно больше, чѣмъ въ наши дни, законодатели и государственные люди, постоянно озабоченные изысканіемъ средствъ для нападенія и обороны, считали своею обязанностью поощрять всякими мѣрами размноженіе населенія; для этого они старались опозорить безбрачіе и безплодіе и, наоборотъ, окружить почетомъ супружество. Народныя вѣрованія слагались подъ вліяніемъ этихъ правилъ. Во многихъ странахъ плодовитость была предметомъ поклоненія. Религія Магомета, основанная мечемъ и путемъ значительнаго истребленія своихъ право-

вѣрныхъ послѣдователей, установила для нихъ въ видѣ важнѣйшей обязанности, стремленіе къ народненію какъ можно большаго числа дѣтей, для прославленія ихъ бога. Такія правила служили могущественнымъ поощреніемъ супружествъ, а вызванное ими быстрое возрастаніе населенія являлось одновременно и слѣдствіемъ, и причиною постоянныхъ войнъ, отличающихъ этотъ періодъ чело-вѣчества. Мѣстности, опустошенныя предшествовавшею войною, заселялись новыми жителями, которые предназначались для образованія новыхъ армій, а быстрота, съ которою производились наборы, являлась причиною и средствомъ для новыхъ опустошеній. При господствѣ такихъ предразсудковъ, трудно предвидѣть конецъ войнамъ.

Христіанская нравственность предписываетъ намъ нѣкоторыя правила; въ ней проявляются черты божественной религіи, свойственной болѣе высокому состоянію чело-вѣческихъ обществъ. Ея отношеніе къ обязанностямъ брачной жизни заслуживаетъ нашего полнаго вниманія. Не входя здѣсь въ излишнія подробности, которыя далеко отвлекли-бы насъ, мы можемъ установить, на основаніи ученія ап. Павла; слѣдующее общее правило христіанской религіи: супружество, если оно не противорѣчитъ болѣе высокимъ обязанностямъ, заслуживаетъ нашего одобренія, но если оно противорѣчитъ имъ, то достойно порицанія. Правило это совершенно совпадаетъ также съ неоспоримыми требованіями самой высокой нравственности: „Чтобы познать разумомъ волю Божью, необходимо оцѣнить значеніе поступка относительно всеобщаго блага“ *).

*) Paley's *Moral philosophy*, т. I, стр. 65.

Между тѣмъ, найдется немного поступковъ, которые такъ непосредственно влекли-бы за собою уменьшеніе общественнаго благосостоянія, какъ вступленіе въ бракъ безъ возможности удовлетворить насущныя потребности рождающихся отъ этого брака дѣтей. Кто совершаетъ такой поступокъ, тотъ идетъ противъ воли Бога.

Онъ становится бременемъ для того общества, среди котораго живетъ. Онъ ставитъ себя и свою семью въ положеніе, наименѣе способное развивать добродѣтельныя привычки. Онъ нарушаетъ долгъ относительно своихъ ближнихъ и самого себя. Онъ повинуется побужденіямъ страсти и заглушаетъ голосъ самыхъ священныхъ обязанностей.

Въ предположенномъ выше идеальномъ обществѣ, гдѣ всѣ члены прилагали-бы старанія достигнуть счастья путемъ строгаго исполненія нравственныхъ требованій, указываемыхъ разумомъ и освященныхъ откровеніемъ, подобныя супружества, очевидно, были бы невозможны. Предупреждая такимъ путемъ избытокъ населенія, люди уничтожили-бы главную причину и важнѣйшее средство наступательной войны, а внутри государства предупредили-бы тиранію и возмущенія, т. е. политическія болѣзни, тѣмъ болѣе пагубныя, что онѣ взаимно поддерживаютъ другъ друга. Но безсильное для войны наступательной, подобное общество, въ случаѣ необходимости прибѣгнуть къ оборонѣ, представляло-бы силу, которую можно сравнить съ алмазною скалой. Тамъ, гдѣ каждая семья обладаетъ въ изобиліи всѣмъ необходимымъ для жизни и пользуется довольствомъ, тамъ не можетъ быть ни стремленія къ перемѣнамъ, ни того равнодушія и отчаянія, которыя побуждаютъ низшіе

классы населенія руководствоваться правиломъ: „Чтобы ни случилось, наше положеніе не можетъ быть хуже теперешняго“. Руки и сердца соединились-бы для отпора нападающему, такъ какъ каждый сознавалъ-бы, что онъ отъ этого выиграетъ и что всякая переменна будетъ для него равносильна потерѣ.

Такъ какъ отъ насъ самихъ зависитъ избѣгнуть бѣдствій, сопровождающихъ законъ возрастанія населенія; такъ какъ для этого достаточно примѣнять добродѣтель, внушаемую природою и освященную религіей; такъ какъ, наконецъ, мы имѣемъ основаніе надѣяться, что исполненіе этой добродѣтели не только не нанесетъ ущерба нашему счастью, но, наоборотъ, еще увеличить его,—то мы никакъ не можемъ обвинять божественную справедливость за установленіе общихъ законовъ, дѣлающихъ эту добродѣтель необходимою. Провидѣніе справедливо наказываетъ людей за нарушеніе этой добродѣтели, посылая имъ бѣдствія, неизбѣжно сопровождающія порокъ и различныя страданія, вызываемыя болѣзнями и преждевременною смертію. Добродѣтельное общество всегда избѣгнетъ такихъ бѣдствій. Творцу угодно отвратить насъ отъ порока сопровождающими его страданіями и побудить насъ къ добродѣтели — сопровождающимъ ее благополучіемъ. Такое намѣреніе, насколько это доступно нашему пониманію, соотвѣтствуетъ Его благости. Естественные законы возрастанія населенія, очевидно, имѣютъ такое значеніе. Поэтому всякій доводъ, который мы хотѣли-бы извлечь изъ нихъ противъ божественной благости, въ такой-же мѣрѣ окажется приложимымъ къ испытываемымъ нами бѣдствіямъ.

VI.

О единственномъ, находящемся въ нашемъ распоряженіи, средствѣ для улучшенія участи бѣдныхъ.

Авторъ нравственныхъ правилъ или теоріи нашихъ обязанностей, какъ-бы онъ ни былъ убѣжденъ въ неизмѣнной необходимости для людей подчиниться его ученію, врядъ-ли можетъ обольщать себя безумною надеждою, что это ученіе будетъ исполняться всѣми, или даже большинствомъ людей. Но, несмотря на это, ничего нельзя возразить противъ обнародованія такого ученія, такъ какъ въ противномъ случаѣ, нельзя было-бы предложить ни одного нравственного правила, къ которому не примѣнялось бы такое-же точно возраженіе, а, слѣдовательно, къ порокамъ, вызываемымъ въ насъ искушеніями, присоединилось-бы еще большее число пороковъ, порождаемыхъ невѣжествомъ.

Если нельзя сомнѣваться съ одной стороны въ бѣдствіяхъ, сопровождающихъ чрезмѣрное населеніе, съ другой стороны въ бѣдствіяхъ, вызываемыхъ развратомъ, то простой здоровый смыслъ говорить, что ни одинъ моралистъ, основывающій нравственность на принципѣ общей пользы, не долженъ отвергать необходимости нравственного обузданія до тѣхъ поръ, пока не добыты средства для

содержанія семьи. Это правило, какъ мы видѣли выше подтверждается также Священнымъ Писаніемъ. Тѣмъ не менѣе я не думаю, чтобы среди моихъ читателей нашлось много лицъ, которыя-бы менѣе, чѣмъ я, предавались надеждѣ, что люди вообще измѣнятъ свой образъ дѣйствій въ этомъ отношеніи. Поэтому, при изображеніи общества, среди котораго нравственное обузданіе всѣми исполнялось-бы, мое намѣреніе состояло въ отстраненіи всякихъ сѣтованій на божественную благодать указаніемъ на то, что бѣдствія, порождаемыя закономъ народонаселенія, ничѣмъ не отличаются отъ всякихъ другихъ бѣдствій, противъ которыхъ не раздастся подобныхъ сѣтованій; что наше невѣжество и безпечность усиливаютъ эти бѣдствія и, наоборотъ, что разумъ и добродѣтель могли-бы смягчить ихъ; что если-бы всѣ люди строго исполняли свои обязанности, то эти бѣдствія почти исчезли-бы; что такое важное преимущество произошло-бы безъ соотвѣтственнаго уменьшенія общей суммы наслажденій, доставляемыхъ намъ разумно направленными страстями, справедливо разсматриваемыми съ этой точки зрѣнія, какъ главная основа нашего счастья.

Если подобная картина можетъ уяснить изслѣдуемый вопросъ, я не вижу причины, по которой ее можно было-бы считать неудобною; точно также, по моему мнѣнію, едва-ли будетъ справедливо признавать писателя мечтателемъ за такія предположенія, если только, ради полученія практической выгоды изъ своей теоріи, онъ не настаиваетъ на всеобщемъ подчиненіи этой теоріи, а способенъ довольствоваться той средней и частной степенью

улучшеній, на которую только и можно рассчитывать отъ наиболѣе полнаго разъясненія нашихъ обязанностей.

Но между представленной мною картиной и другими подобнаго-же рода изображеніями, существуетъ большое различіе. Предположенное мною улучшение можетъ происходить тѣмъ-же способомъ, какъ и вообще всѣ пріобрѣтенныя уже улучшения, т. е. путемъ прямого объединенія общественнаго блага съ частными интересами и возрастающимъ благосостояніемъ каждаго отдѣльнаго лица. Никому не вмѣняется въ обязанность производить какія либо дѣйствія, несогласныя съ нашими привычками или основанныя на новыхъ побужденіяхъ; отъ насъ не требуютъ, чтобы мы имѣли постоянно въ виду общественное благо, представленіе о которомъ, быть можетъ, недоступно нашему пониманію. Общественное благосостояніе должно вытекать изъ благосостоянія отдѣльныхъ лицъ, и для достиженія перваго каждый долженъ заботиться о самомъ себѣ. Въ этомъ случаѣ даже нѣтъ необходимости во взаимномъ содѣйствіи. Каждый шагъ ведетъ къ цѣли. Кто исполняетъ свой долгъ, тотъ и получаетъ вознагражденіе за это, какъ-бы ни было велико число людей, уклоняющихся отъ своихъ обязанностей. Этотъ долгъ ясенъ и доступенъ всякому пониманію—онъ сводится къ тому, чтобы не производить на свѣтъ дѣтей до тѣхъ поръ, пока не имѣешь средствъ для ихъ прокормленія и воспитанія. Это правило, освобожденное отъ неясности, которою затемнили его различныя системы общественной и частной благотворительности, не можетъ не поразить своею очевидностью, и каждый чело-

вѣкъ, несомнѣнно, пойметъ налагаемое имъ обязательство. Если онъ не можетъ прокормить своихъ дѣтей — они должны умереть съ голоду; если онъ женится, не имѣя увѣренности въ томъ, что у него будутъ средства для содержанія семьи, то принимаетъ на себя вину за бѣдствія, причиняемые его поведѣніемъ самому себѣ, своей женѣ и дѣтямъ. Очевидно, его собственный интересъ и счастье требуютъ, чтобы онъ отсрочилъ вступленіе въ бракъ до тѣхъ поръ, пока трудолюбіемъ и бережливостью онъ не приобрѣтетъ средствъ для содержанія семьи. Поэтому, до наступленія этой поры, онъ не въ правѣ отдаваться своимъ страстямъ, не нарушая божескихъ законовъ и не причиняя вреда самому себѣ и своимъ ближнимъ. Такимъ образомъ, соображенія, вытекающія изъ личныхъ интересовъ и собственного блага, налагаютъ на него обязанность строгаго исполненія нравственнаго обузданія.

Какъ-бы ни была неотразима сила страстей, замѣчено, что онѣ всегда, до извѣстной степени, могутъ быть подчинены влиянію разума; поэтому, врядъ-ли можно назвать мечтателемъ человѣка, утверждающаго, что разъясненіе дѣйствительной и постоянной причины бѣдности, подтверждаемое очевидными доказательствами и примѣрами, способно оказать замѣтное влияніе на поведѣніе народа. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ предпринять попытку къ такому разъясненію, котораго до сихъ поръ еще никто не дѣлалъ.

Почти все, что предпринималось до настоящаго времени съ цѣлью улучшить участь бѣдныхъ, стремилось, путемъ изысканной заботливости, затемнить этотъ вопросъ и скрыть отъ несчастныхъ дѣйст-

вительную причину ихъ нищеты. Въ то время, когда заработной платы едва хватаетъ на прокормленіе двухъ дѣтей, человѣкъ женится и на его рукахъ ихъ оказывается пятеро или шестеро, въ слѣдствіе чего онъ испытываетъ безвыходную нужду. Онъ жалуется на заработную плату, которая ему кажется недостаточною для содержанія семьи; онъ обвиняетъ свое приходское попечительство въ томъ, что оно медлитъ своею помощію; онъ обвиняетъ богатыхъ въ томъ, что они отказываются подѣлиться съ нимъ своимъ избыткомъ; онъ обвиняетъ общественныя учрежденія въ несправедливости и пристрастїи; онъ, быть можетъ, обвиняетъ даже само Провидѣніе, которое предназначило ему такое зависимое положеніе и жизнь, окруженную лишеніями и страданіями. Находя повсюду поводъ для своихъ жалобъ и обвиненій, онъ не догадывается обратить взглядъ на дѣйствительную причину своихъ бѣдствій. Себя самого онъ обвиняетъ едва-ли не послѣ всѣхъ, а между тѣмъ, въ дѣйствительности, онъ одинъ только и заслуживаетъ порицанія. Единственнымъ его оправданіемъ можетъ служить лишь то, что онъ введенъ въ заблужденіе сужденіями, распространяемыми высшими классами общества. Быть можетъ, чувствуя тяжесть своего положенія, онъ и сожалеетъ, что женился, но ему не приходитъ въ голову, что, вступая въ бракъ, онъ совершилъ поступокъ, достойный осужденія. Наоборотъ, его всегда увѣряли, что, давая своему государю и странѣ новыхъ подданныхъ, онъ совершаетъ похвальный поступокъ; онъ руководствовался этимъ правиломъ и въ то же время страдаетъ — неудивительно, что въ его умѣ складывается мысль о томъ, что онъ страдаетъ за

правое дѣло, что со стороны государя и отечества несправедливо и жестоко оставлять его въ жалкомъ положеніи въ благодарность за благодѣяніе, оказанное имъ по ихъ-же приглашенію и вслѣдствіе ихъ неоднократныхъ заявленій о томъ, что подобныя услуги съ его стороны необходимы.

До тѣхъ поръ, пока не разсѣются подобныя ошибочныя воззрѣнія, пока разумныя и естественныя понятія относительно народонаселенія не будутъ повсюду распространены и не вытѣснятъ заблужденія и предразсудки въ этомъ вопросѣ, — до тѣхъ поръ нельзя будетъ утверждать, что сдѣланы какія либо попытки къ просвѣщенію народа. Чтобы имѣть право обвинять народъ, нужно прежде всего просвѣтить его. Можно жаловаться на его непредусмотрительность и лѣность только въ томъ случаѣ, если онъ не измѣнитъ своихъ поступковъ даже послѣ того, какъ ему будетъ доказано, что самъ онъ виновникъ своей бѣдности; что средства противъ этой бѣдности находятся въ его собственномъ распоряженіи; что общество, котораго онъ состоитъ членомъ, и правительство ничѣмъ не могутъ помочь ему; что какъ-бы то и другое ни желали облегчить его положеніе, какія-бы усилія они ни употребляли для этой цѣли, — ихъ великодушныя желанія и опрометчивыя обѣщанія окажутся неисполнимыми; что если заработная плата недостаточна для прокормленія семьи, то это служитъ очевиднымъ признакомъ, что ни правительство, ни общество не требуютъ новыхъ членовъ, или, по крайней мѣрѣ, что они не въ силахъ прокормить ихъ; что если при такомъ положеніи вещей бѣдный человекъ женится, онъ не только не исполняетъ сво-

его долга относительно общества, но даже бесполезно обременяетъ его и самъ впадаетъ въ жалкое положеніе; что поступать такимъ образомъ — значитъ дѣйствовать противъ божескихъ законовъ и добровольно навлекать на себя страданія и болѣзни, избѣгать которыхъ было-бы легко, если-бы народъ прислушивался къ неоднократнымъ предупрежденіямъ Провидѣнія.

Докторъ Палей въ „Нравственной Философіи“ говоритъ, что въ странѣ, въ которой проявился недостатокъ въ средствахъ существованія, правительству надлежитъ съ удвоенною бдительностію слѣдить за общественною нравственностію, ибо въ этомъ случаѣ лишь природный инстинктъ, подчиняясь воздержанію, предписываемому цѣломудріемъ, можетъ побудить людей къ усиленному труду и къ тѣмъ жертвамъ, какія вызываются заботами о сохраненіи семьи. Неоспоримо, что государство должно всегда дѣлать все зависящее отъ него для обузданія порока и поощренія добродѣтели, не отклоняясь отъ этой заботы никакими временными или случайными обстоятельствами. Поэтому нельзя не согласиться съ правиломъ и средствами, указываемыми Палеемъ. Но частный выводъ, къ которому онъ приходитъ, заслуживаетъ порицанія. Если понуждать населеніе къ супружеству въ ту эпоху, когда недостатокъ средствъ существованія вызываетъ опасенія, что населеніе не будетъ въ состояніи прокормить своихъ дѣтей, то это будетъ то-же, что бросать въ воду неумѣющихъ плавать людей. Въ обоихъ случаяхъ это значило-бы искушать Провидѣніе. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаяхъ мы не имѣемъ разумнаго основанія надѣяться,

что оно совершить чудо, чтобы избавить насъ отъ несчастя или смерти, къ которымъ влечетъ насъ собственное наше поведеніе.

Кто желаетъ дѣйствительнаго улучшенія положенія низшихъ классовъ народа, долженъ искать средства къ устанovenію наиболѣе выгоднаго отношенія между цѣною труда и продуктовъ потребленія, для того, чтобы дать возможность работнику покупать больше этихъ продуктовъ, необходимыхъ для жизни или способныхъ увеличить его благосостояніе. До настоящаго времени, для достиженія этой цѣли, бѣдныхъ понуждали къ браку, слѣдовательно, умножали число работниковъ и обременяли рынокъ тѣмъ самымъ товаромъ, цѣну котораго хотѣли поднять. Не нужно было, казалось-бы, особой проницательности для того, чтобы предвидѣть послѣдствія такого приема. Ничто не можетъ сравниться по своей убѣдительности съ опытомъ; такой опытъ производился въ различныхъ странахъ и въ теченіи многихъ вѣковъ, а успѣхъ его былъ именно такой, какой можно было предвидѣть. Безъ сомнѣнія, пора уже испробовать иныя средства.

Когда замѣчено было, что чистый кислородъ, т. е. необходимая для жизни составная часть воздуха, не только не излѣчиваетъ чахотки, какъ это ранѣе полагали, но скорѣе усиливаетъ симптомы этой болѣзни, обратились къ воздуху, обладающему противоположными свойствами. Я предлагаю приложить къ лѣченію бѣдности тотъ-же логическій приемъ: такъ какъ мы убѣдились, что, увеличивая число работниковъ, мы лишь усиливаемъ симптомы этой пагубной болѣзни, я желаю-бы, чтобы попытались теперь уменьшить число ихъ.

Въ старыхъ и густо-населенныхъ государствахъ это средство является единственнымъ, отъ котораго мы благоразумно въ правѣ ожидать существеннаго и постояннаго улучшенія въ положеніи низшихъ классовъ населенія.

На первый взглядъ казалось-бы, что для поднятія средствъ существованія до уровня, опредѣляемаго числомъ потребителей, намъ необходимо обратить вниманіе на способы увеличенія количества продуктовъ потребленія; но мы вскорѣ замѣтили-бы, что такое увеличеніе вызвало-бы лишь новое возрастаніе числа потребителей и что, такимъ образомъ, предпринятая нами мѣры нисколько не приблизили-бы насъ къ цѣли. Тогда намъ пришлось-бы отказаться отъ принятаго образа дѣйствій, который равносильнъ тому, что мы захотѣли-бы послать черепаху въ погоню за быстро убѣгающимъ зайцемъ. Убѣдившись однажды, что наши попытки противорѣчатъ законамъ природы и что намъ никогда не удастся поднять количество средствъ существованія до уровня потребностей населенія, мы, несомнѣнно, должны были-бы попытаться противоположную систему и постарались-бы понизить количество населенія до уровня средствъ существованія. Если-бы мы могли отвлечь вниманіе или усыпить бѣгущаго зайца, нельзя сомнѣваться въ томъ, что черепаха, наконецъ, обогнала-бы его.

Тѣмъ не менѣе изъ этого не слѣдуетъ, что мы должны уменьшить наши заботы объ увеличеніи средствъ потребленія; къ этой заботѣ необходимо лишь присоединить постоянныя усилія къ тому, чтобы сдерживать населеніе нѣсколько ниже уровня, представляемаго количествомъ продуктовъ по-

требленія. При помощи такого сочетанія мы могли-бы достигнуть двухъ предположенныхъ цѣлей: значительнаго населенія и такого состоянія общества, изъ котораго жестокая ницета и рабская зависимость были-бы изгнаны въ той мѣрѣ, какая можетъ быть допущена естественнымъ порядкомъ вещей—т.-е. двухъ цѣлей, не заключающихъ въ себѣ никакого противорѣчія.

Если наше желаніе достигнуть прочнаго улучшенія участи бѣдныхъ искренно, то мы не можемъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ представить этимъ бѣднымъ ихъ положеніе въ настоящемъ свѣтѣ и объяснить имъ, что единственное средство для дѣйствительнаго поднятія заработной платы заключается въ уменьшеніи числа работниковъ, чрезмѣрное размноженіе которыхъ только они сами могутъ предупредить. Это средство для уменьшенія бѣдности представляется мнѣ до такой степени теоретически яснымъ и до такой степени подтверждаемымъ аналогіей съ условіями установленія цѣны всякаго другого товара, что, по моему мнѣнію, все говоритъ въ пользу его испытанія, если только не будетъ доказано, что это средство влечетъ за собою болѣе серьезныя бѣдствія, чѣмъ тѣ, которыя оно можетъ предупредить.

Если, съ одной стороны, мы опасаемся, чтобы проповѣдь нравственнаго обузданія не оказала поощренія какому-либо порокамъ, а съ другой стороны, если бѣдствія, поражаемые чрезмѣрнымъ возрастаніемъ населенія, удерживаютъ насъ отъ поощренія браковъ, то мы должны придти къ заключенію, что лучше всего въ этомъ вопросѣ отказать отъ направленія людской совѣсти и предо-

ставить на усмотрѣніе каждаго человѣка тотъ путь, который онъ избереть, оставляя за собою отвѣтственность передъ Богомъ за сдѣланное имъ добро или зло. Такое разрѣшеніе вопроса совершенно совпадаетъ съ моимъ желаніемъ, но трудно разсчитывать на его осуществленіе.

Среди низшихъ классовъ населенія такой образъ дѣйствій имѣетъ наибольшее значеніе, а между тѣмъ законы о бѣдныхъ служатъ постояннымъ и систематическимъ средствомъ поощренія браковъ, такъ какъ эти законы освобождаютъ бѣдныхъ отъ отвѣтственности, налагаемой природою на каждаго человѣка, становящагося отцемъ семейства. Частная благотворительность, облегчая содержаніе семьи, уравниваетъ до извѣстной степени положеніе людей семейныхъ съ одинокими, а, слѣдовательно, оказываетъ такое-же дѣйствіе, какъ и законы о бѣдныхъ.

Вышіе классы общества побуждаются къ заключенію браковъ тѣмъ особымъ уваженіемъ и почетомъ, которымъ пользуется среди нихъ замужняя женщина. Наоборотъ, пренебреженіе, выказываемое къ женщинамъ безсемейнымъ, внушаетъ послѣднимъ отвращеніе къ своему положенію. Изъ этого вытекаетъ, что мужчины, необладающіе пріятными качествами ума или наружности, и даже достигшіе преклоннаго возраста, безъ труда находятъ себѣ молодыхъ супруговъ, хотя сама природа указываетъ, что они должны-бы искать себѣ подругъ среди женщинъ, болѣе подходящаго къ нимъ возраста. Не подлежитъ сомнѣнію, что многія женщины вышли замужъ только изъ боязни остаться старыми дѣвами; излишняя боязнь насмѣшекъ, порожден-

ныхъ нелѣпыми предрасудками, заставила ихъ избрать себѣ въ мужья людей, къ которымъ онѣ питали отвращеніе или, по меньшей мѣрѣ, полнѣйшее равнодушіе. *Такіе браки, съ точки зрѣнія людей, обладающихъ нѣскольکو развитымъ чувствомъ, представляются ничѣмъ инымъ, какъ развратомъ, облеченнымъ въ законныя формы.* Такіе браки не рѣдко обременяютъ страну дѣтьми, не принося, въ вознагражденіе за это зло, никакого увеличенія счастья тѣмъ людямъ, которые подарили дѣтямъ жизнь.

Во всѣхъ классахъ общества господствуетъ мнѣніе, что бракъ представляетъ нѣчто въ родѣ долга, и такое мнѣніе не можетъ остаться безъ вліянія. Человѣкъ, думающій, что онъ останется въ долгу передъ обществомъ, если не оставитъ ему вмѣсто себя дѣтей, конечно, не обратитъ вниманія на внушенія благоразумія и, безразсудно вступая въ бракъ, будетъ убѣжденъ, что имѣетъ право поручить себя и свою семью заботливости Провидѣнія.

Правда, въ цивилизованной странѣ, знакомой съ тѣми благами, которыя доставляетъ достатокъ, подобный предрасудокъ не можетъ вполне уничтожить естественныя понятія, но онъ можетъ значительно помрачить ихъ. До тѣхъ поръ этотъ мракъ не будетъ разсѣянъ, пока бѣдные не поймутъ причины ихъ страданій и пока имъ не будетъ внушено, что они сами себя должны винить за испытываемыя бѣдствія,—до тѣхъ поръ мы не въ правѣ утверждать, что въ дѣлѣ супружества каждому человѣку можетъ быть предоставленъ свободный выборъ.

VII.

Какое вліяніе на гражданскую свободу оказываетъ знакомство съ главной причиною бѣдности.

Изъ всего, сказаннаго выше вытекаетъ, *что самъ народъ является главнымъ виновникомъ своихъ страданій*. Быть можетъ, на первый взглядъ такое утвержденіе покажется неблагопріятнымъ для свободы. Мнѣ могутъ замѣтить, что это утвержденіе даетъ правительству основаніе для угнетенія подданныхъ и въ тоже время отнимаетъ у послѣднихъ право жаловаться на угнетенія, а правительству даетъ возможность сваливать пагубныя послѣдствія притѣсненія на естественные законы природы или неблагоразуміе бѣдныхъ. Однако, не слѣдуетъ судить по первому впечатлѣнію. Я увѣренъ, что при ближайшемъ знакомствѣ съ предметомъ не трудно убѣдиться, что лишь полное и всеобщеніе пониманіе главной причины бѣдности является самымъ вѣрнымъ средствомъ для утвержденія на прочныхъ основаніяхъ дѣйствительной и разумной свободы, и что, наоборотъ, главное препятствіе къ ея утвержденію заключается въ невѣдѣніи этой причины и въ естественныхъ послѣдствіяхъ, проистекающихъ отъ такого невѣдѣнія.

Бѣдствія низшихъ классовъ населенія и привычка винить въ этихъ бѣдствіяхъ правительство представляются мнѣ истинною опорою деспотизма. Эти бѣдствія и эта привычка создаютъ основаніе для злоупотребленія властью, практикуемаго якобы съ цѣлью сдерживать недовольныхъ. Вотъ почему свободному правительству нерѣдко грозитъ гибель отъ терпимости тѣхъ, кто обязанъ его поддерживать; вотъ истинная причина бесплодности самыхъ великодушныхъ усилій и гибели во время революцій возникавшей свободы. Пока всякій недовольный, обладающій талантами человѣкъ будетъ имѣть возможность волновать народъ, внушая ему, что нужно винить правительство въ своихъ бѣдствіяхъ, до тѣхъ поръ всегда будутъ отыскиваться новые способы и поводы для возбужденія неудовольствія. Свергнувъ правительство, народъ, оставаясь подъ гнетомъ прежней нищеты, обращаетъ свою ненависть на тѣхъ, кто занялъ мѣсто прежнихъ правителей. Не успѣетъ онъ погубить эти новыя жертвы, какъ уже требуетъ другихъ и нельзя предвидѣть конца мятежамъ, вызываемымъ все тою-же дѣятельною причиною. Не удивительно, поэтому, что большая часть благонамѣренныхъ людей обращается къ неограниченной власти. Они убѣдились, что правительство, придерживающееся благоразумныхъ границъ, неспособно обуздать революціонныя страсти; ихъ утомили безконечныя перемѣны; они утратили вѣру въ собственныя силы и ищутъ покровителя, способнаго оградить ихъ отъ неистовствъ анархіи.

Мятежная толпа есть слѣдствіе излишка населенія. Она возбуждается испытываемыми страда-

ніями, не зная того, что сама является виновницею этихъ страданій. Эта безумная мятежная толпа есть злѣйшій врагъ свободы; она порождаетъ поддерживаетъ тиранію. Иногда она яростно сокрушаетъ тиранію,—но для того лишь, чтобы тотчасъ же возстановить ее въ иной формѣ. Англія, быть можетъ, не замедлитъ представить примѣръ вліянія мятежа на возникновеніе тираніи. Какъ сторонникъ свободы и противникъ многочисленныхъ постоянныхъ армій, я долженъ съ глубокимъ прискорбіемъ сознаться, что лишь благодаря этой силѣ во время послѣднихъ неурожаевъ (1800 и 1801 г.) народъ, поощряемый невѣжествомъ и безразсудствомъ высшихъ классовъ, не покусился на самыя пагубныя насилія, которыя могли повергнуть страну во все ужасы голода. Если такія бѣдствія повторятся (а настоящее положеніе страны даетъ возможность это предвидѣть), то намъ предстоитъ мрачная будущность. Англійская конституція пойдетъ быстрыми шагами къ той медленной смерти, которую предсказала ей Юмъ, если только какое нибудь народное возмущеніе не остановитъ ее; но это будетъ печальное средство, способное лишь усилить наше ужасъ. Когда политическія неудовольствія присоединяются къ воплямъ, вызываемымъ голодомъ, когда революціи производятся народомъ изъ-за нужды и недостатка пропитанія, то слѣдуетъ ожидать постоянныхъ кровопролитій и всевозможныхъ насилій, которыя могутъ быть остановлены лишь безусловнымъ деспотизмомъ.

Трудно допустить, что-бы естественные защитники англійской свободы подчинились обнаружившимся въ послѣднее время постепеннымъ захватамъ

власти, если-бы они не надѣялись избѣжать этимъ путемъ еще большихъ бѣдствій. Какъ-бы сильно ни было вліяніе подкуповъ, изъ уваженія къ народнымъ представителямъ въ парламентѣ, я не могу допустить, что-бы они отказались отъ правъ, обусловливающихъ ихъ свободу, если-бы не находились подъ вліяніемъ непритворнаго страха, что со стороны народа угрожаетъ большая опасность, чѣмъ со стороны властей. Они перешли на сторону правительства, вѣроятно, подъ условіемъ, что-бы оно охраняло ихъ отъ черни; если-бы опасности не существовало въ дѣйствительности, или въ ихъ воображеніи, они никогда-бы не рѣшились-бы на такую печальную сдѣлку. Нельзя отрицать того, что подобныя опасенія искусственно преувеличивались и превысили предѣлы возможнаго; тѣмъ не менѣе я считаю несомнѣннымъ, что постоянные походы противъ несправедливыхъ общественныхъ учрежденій и лживые доводы въ защиту равенства, распространяемые среди низшихъ классовъ народа, вызывали справедливыя опасенія и заставляли предполагать, что если-бы народу въ этомъ вопросѣ былъ представленъ свободный голосъ, то это былъ-бы голосъ заблужденія и даже безумія.

Если-бы британская конституція окончательно выродилась въ деспотизмъ, какъ это ей пророчили, отвѣтственность за это, по моему мнѣнію, пала-бы на народныхъ представителей въ гораздо бо́льшей степени, чѣмъ на министровъ. Тѣмъ не менѣе, желая быть справедливымъ къ этимъ представителямъ, я готовъ признать, что оставленіе нѣкоторыми изъ нихъ поста защитниковъ британской свободы, было слѣдствіемъ скорѣе страха, чѣмъ под-

купа и что основаніемъ для этого страха служило невѣжество народа, могущество, которое ему приписывали, и ожиданіе ужасающихъ смуть въ томъ случаѣ, если-бы, при подобномъ состояніи умовъ, народъ захватилъ власть посредствомъ возстанія.

Полагають, что лекціи Пейна о правахъ челоувѣка причинили много вреда среди низшихъ и среднихъ классовъ общества. Это весьма вѣроятно и не потому, чтобы челоувѣкъ не имѣлъ правъ или чтобы онъ не долженъ былъ знать о нихъ, а потому, что Пейнъ впалъ въ важныя заблужденія относительно основаній правительственной власти и оказался несвѣдущимъ относительно сущности общественнаго устройства. Онъ заблуждается, между прочимъ, также относительно тѣхъ нравственныхъ вліяній, которыя оказываютъ различныя физическія условія Англій и Америки. Тотъ особый видъ черни, который всюду встрѣчается въ Европѣ, не имѣетъ ничего себѣ подобнаго въ Америкѣ. Физическія условія Соединенныхъ Штатовъ не допускаютъ существованія большого числа людей, неимѣющихъ собственности, поэтому въ этой странѣ нѣтъ надобности въ столь сильнономъ, какъ въ Европѣ, гражданскомъ управленіи, которое всегда имѣетъ цѣлью охраненіе собственности. Пейнъ совершенно справедливо утверждаетъ, что какова-бы ни была кажущаяся причина народныхъ возмущеній, — дѣйствительная ихъ причина всегда кроется въ бѣдствіяхъ народа. Но когда онъ прибавляетъ, что это служитъ признакомъ какого либо несовершенства правительства, когда онъ приходитъ къ заключенію, что послѣднее причиняетъ вредъ общественному благосостоянію, вмѣсто того, что-бы охранять его, — онъ впадаетъ въ весьма

распространенное заблужденіе, возлагающее на правительство отвѣтственность за всѣ народныя бѣдствія. Нетрудно замѣтить, что бѣдствія могутъ существовать и вызывать возмущенія при отсутствіи знакомства народа съ причиною бѣдствій и безъ всякой вины со стороны правительства. Избытокъ населенія въ старыхъ государствахъ представляетъ такую причину, совершенно невѣдомую въ Америкѣ. Если-бы для устраненія бѣдствій былъ установленъ, согласно предложенію Пейна, налогъ въ пользу неимущихъ, то этимъ значительно усилилось-бы зло, и общество вскорѣ было-бы поставлено въ невозможность собрать необходимыя для такого назначенія суммы.

Ничто не могло-бы въ такой степени ослабить вредныя послѣдствія провѣдуемыхъ Пейномъ „человѣческихъ правъ“, какъ всеобщее распространеніе знакомства съ дѣйствительными правами человѣка. Я не считаю себя призваннымъ перечислять ихъ, но среди этихъ правъ есть одно, которое обыкновенно присваиваютъ человѣку, но которое, по моему глубокому убѣжденію, не принадлежитъ и никогда въ послѣдствіи не будетъ ему принадлежать. Я разумѣю *воображаемое право человѣка на пропитаніе въ томъ случаѣ, когда его собственный трудъ не доставляетъ ему для этого средствъ*. Англійское законодательство, дѣйствительно, какъ будто признаетъ это право и принуждаетъ общество доставлять занятія и пропитаніе тѣмъ людямъ, которые не могутъ пріобрѣсти ихъ собственнымъ трудомъ при обыкновенныхъ условіяхъ купли-продажи; но такимъ признаніемъ законодательство возстаетъ противъ естественныхъ законовъ. Необходимо

ожидать, поэтому, что предписываемыя имъ мѣры не только не увѣнчаются успѣхомъ, но даже усилить бѣдствія неимущихъ, вмѣсто того, что-бы ослабить ихъ, и такимъ образомъ послужать лишь къ обольщенію неимущихъ несбыточными надеждами.

Аббать Рейналь говорить по этому поводу слѣдующее: „до возникновенія какихъ-бы то ни было общественныхъ законовъ, человѣкъ имѣлъ право на существованіе“. Онъ имѣлъ такое-же точно основаніе сказать, что до возникновенія общественныхъ законовъ человѣкъ имѣлъ право жить до ста лѣтъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что человѣкъ всегда пользовался и пользуется въ настоящее время этимъ правомъ; онъ имѣетъ право жить даже тысячу лѣтъ, *если можетъ* и если пользованіе этимъ правомъ не причиняетъ вреда ближнимъ; но въ обоихъ случаяхъ вопросъ заключается не столько въ *правѣ*, сколько въ *возможности*. Общественные законы усиливаютъ эту возможность; они доставляютъ возможность для существованія большому числу лицъ, чѣмъ то, которое могло-бы существовать безъ нихъ. Въ этомъ смыслѣ законы значительно расширяютъ *право на существованіе*. Но ни до установленія общественныхъ законовъ, ни послѣ этого установленія не могло пользоваться жизнью безграничное число людей; человѣкъ, не имѣвшій возможности жить, всегда былъ лишенъ права на жизнь. Если-бъ эти великія истины получили всеобщее распространеніе; если-бы низшіе классы народа сознавали, что собственность необходима для усиленія производства предметовъ потребленія и что, признавая собственность, человѣкъ, не имѣющій

возможности купить или заработать себѣ пропитаніе, не можетъ требовать его *по праву*; если-бы, наконецъ, народъ сознавалъ, что эти истины установлены самою природою и совершенно не зависятъ отъ человѣческихъ учреждений, — то всѣ опасныя и зловредныя ученія о несправедливости общественныхъ законовъ потеряли-бы свое значеніе и не заслуживали-бы ничего вниманія. Нельзя допустить, чтобы всѣ неимущіе были мечтателями. Ихъ бѣдствія всегда дѣйствительны, хотя они ошибаются относительно причины, которая порождаетъ эти бѣдствія. Если-бы, поэтому, неимущимъ объяснили обстоятельство, составляющее предметъ ихъ заблужденія, если-бы имъ указали, какъ ничтожна отвѣтственность правительства за ихъ бѣдствія и, наоборотъ, какъ велико въ этомъ отношеніе вліянія причинъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ правительству, — то недовольство и возбужденіе среди низшихъ классовъ обнаруживалось-бы несравненно рѣже, и проявлялось-бы не въ столь жестокихъ формахъ, какъ въ настоящее время, а усилія недовольныхъ и безпокойныхъ умовъ изъ среды среднихъ классовъ общества, направленные къ возбужденію народа, потерпѣли-бы неудачу. Какъ только неимущіе узнали-бы, что ихъ собственная выгода заключается въ томъ, чтобы не поддаваться опаснымъ оболещеніямъ; какъ только они поняли-бы, что, поддерживая проекты всеобщей ломки общественного строя, они оказываютъ услугу лишь честолюбивымъ замысламъ нѣсколькихъ вожаковъ, безъ всякой выгоды и преимуществъ для самихъ себя, — такъ тотчасъ-же можно было-бы смѣло пренебречь всякими попытками безпокойныхъ людей къ воз-

бужденію народа. Въ то же время народные представители и земельные собственники Англии могли-бы съ полною безопасностью вновь приняться за спасительное сопротивление незаконнымъ захватамъ власти; вмѣсто того, чтобы признавать себя вынужденными ежедневно приносить свободу гражданъ въ жертву общественной безопасности, они могли-бы, безъ всякихъ разумныхъ поводовъ къ опасеніямъ, нѣ только слѣдовать по своему прежнему пути, но и настаивать на постепенныхъ улучшенияхъ общественнаго строя, сообразно требованіямъ времени и во избѣжаніе политическихъ бурь, угрожавшихъ разрушеніемъ британскому государственному строю.

Всякія улучшения государственнаго управленія должны исходить отъ людей, получившихъ тщательное воспитаніе, а такихъ людей естественнѣ всего искать среди класса собственниковъ. Какого-бы мы ни были мнѣнія о нѣкоторыхъ лицахъ изъ этого класса, нельзя допустить, чтобы большинство ихъ находило свою выгоду въ злоупотребленіяхъ. Они совершаютъ злоупотребленія лишь изъ опасенія, чтобы преобразования не вызвали еще большаго зла. Если бы это опасеніе справедливо разсѣялось, улучшения и преобразования совершались-бы съ такою-же легкостью, съ какою удаляются нечистоты или освѣщаются улицы. Въ жизни не рѣдко представляется необходимость мириться со зломъ для избѣжанія болѣе крупнаго бѣдствія, и обязанности всякаго благоразумнаго человѣка заключаются въ томъ, чтобы подчиняться этой необходимости добровольно. Но то же благоразуміе предписываетъ не подчиняться злу, котораго можно избѣгнуть безъ всякой опас-

ности. Какъ только исчезнуть опасенія насилій и заблужденій со стороны народа — незачѣмъ будетъ страшиться правительственнаго деспотизма, ибо послѣдній не будетъ имѣть ни цѣли, ни основанія, ни оправданія. Я льщу себя надеждою, что въ этой книгѣ достаточно ясно доказана та истина, что при наиболѣе совершенномъ управленіи, порученномъ наиболѣе выдающимся и безкорыстнымъ людямъ, страданія и крайняя нищета могутъ распространиться и даже сдѣлаться всеобщими среди народа, который не установилъ обыкновенія противодѣйствовать благоразумными мѣрами чрезмѣрному размноженію населенія. Но такъ какъ до сихъ поръ сущность и дѣйствіе закона народонаселенія не были поняты, и старанія общества были направлены скорѣе къ усиленію, чѣмъ къ ослабленію послѣдствій этого закона, то мы имѣемъ разумное основаніе сдѣлать заключеніе, что при всякомъ данномъ порядкѣ управленія, вліянію именно этой причины необходимо приписать большую часть бѣдствій, постигающихъ низшіе классы народа.

Такимъ образомъ, возлагаемая Пейномъ и его единомышленниками на правительство отвѣтственность за народныя бѣдствія, — очевидно ошибочна. Хотя свободныя государственныя учрежденія и хоршее правительство содѣйствуютъ до нѣкоторой степени уменьшенію бѣдности, тѣмъ не менѣе ихъ вліяніе въ этомъ отношеніи оказывается лишь косвеннымъ и крайне медленнымъ. По своимъ послѣдствіямъ вліяніе это нисколько не соотвѣтствуетъ тому непосредственному и быстрому облегченію, которое народъ рассчитываетъ достигнуть при по^средствѣ революцій. Эти преувеличенныя надежды

и возбужденіе, вызываемое неисполненіемъ ихъ, даютъ ложное направленіе усиліямъ народа добиться свободы и препятствуютъ введенію возможныхъ преобразованій, хотя медленныхъ и постепенныхъ, но въ тоже время вѣрныхъ и несомнѣнно ведущихъ къ улучшенію участи народа.

Поэтому въ высшей степени важно упроченіе правильнаго мнѣнія о томъ, что можетъ сдѣлать правительство и что находится виѣ его власти. Если-бы былъ заданъ вопросъ: въ чемъ заключается дѣйствительная причина, замедлившая развитіе свободы? я отвѣтилъ-бы: въ невѣдѣніи причины народныхъ бѣдствій и его неудовольствій въ связи съ возможностью злоупотреблять этимъ невѣдѣніемъ для усиленія власти. Поэтому я считаю въ высшей степени полезнымъ распространеніе мнѣнія, что возникновеніе народныхъ бѣдствій лишь косвенно зависитъ отъ правительства, которое не можетъ бороться съ ними непосредственно и что главная причина этихъ бѣдствій кроется въ образѣ дѣйствій самого народа. Распространеніе подобной истины не только не содѣйствовало-бы укрѣпленію злоупотребленій, но, наоборотъ, предупредило-бы ихъ путемъ устраненія тѣхъ опасностей, которыя являются предлогомъ для поддержанія злоупотребленій. Такимъ образомъ эта истина послужила-бы прочной опорой для разумной свободы.

VIII.

Продолженіе о томъ-же*).

Приведенныя выше соображенія поразительнымъ образомъ подтвердились событіями послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ. Быть можетъ никогда еще низшіе классы народа не возлагали болѣе нелѣпыхъ надеждъ на послѣдствія правительственныхъ преобразованій и въ тоже время никогда еще эти надежды не обнаруживали болѣе очевиднымъ образомъ безусловное невѣдѣніе причины народныхъ бѣдствій и не вели столь непосредственно къ послѣдствіямъ, неблагопріятнымъ для свободы. Одна изъ главнѣйшихъ причинъ общаго недовольства правительствомъ заключалась въ томъ, что громадное число рабочихъ, способныхъ и готовыхъ трудиться, оставалось безъ работы, а потому безъ всякихъ средствъ существованія.

Такой порядокъ вещей, безъ сомнѣнія, представляется самымъ печальнымъ событіемъ, какое можетъ постигнуть цивилизованное общество. Изъ простаго человѣколюбія необходимо признать, что

*) Писано въ 1817 году. Прим. автора.

подобное бѣдствіе является совершенно естественнымъ и извинительнымъ поводомъ къ всеобщему недовольству и что на высшихъ классахъ общества лежитъ обязанность употребить всѣ усилія для уменьшенія этого бѣдствія. Но оно можетъ наступить и при наиболѣе совершенномъ и бережливомъ правительствѣ. Это также несомнѣнно, какъ несомнѣнно и то, что не во власти правительства предписать возрастаніе средствъ существованія въ странѣ, когда эти средства, въ слѣдствіе какихъ нибудь неизбѣжныхъ причинъ, должны убывать. Несомнѣнно, что въ хорошо управляемой странѣ можетъ наступить періодъ благосостоянія, впродолженіе котораго ея богатство и населеніе настолько возрастутъ, что дальнѣйшія непрерывныя улучшенія въ томъ же направленіи уже окажутся невозможными. Открытіе новыхъ рынковъ для торговли, приобрѣтеніе новыхъ колоній, возрастаніе производства при помощи вновь изобрѣтенныхъ машинъ, значительныя улучшенія въ способахъ обработки земли—все это такія условія, при которыхъ несомнѣнно произойдетъ возрастаніе богатства и населенія. И наоборотъ: закрытіе прежнихъ рынковъ въ слѣдствіе иностраннаго соперничества или другихъ причинъ, отпаденіе колоній или сокращеніе торговаго обмѣна съ ними, застой въ торговлѣ въ слѣдствіе переполненія рынковъ своими и иностранными товарами, замедленіе успѣховъ земледѣлія—все это такія условія, которыя, безъ всякой ошибки со стороны правительства, а по естественному порядку вещей, влекутъ за собою недостатокъ въ работѣ и продовольствіи, въ особенности, когда эти неблагоприятныя условія совпадаютъ съ возрастаніемъ

населенія, происходящимъ въ слѣдствіе предшествовавшихъ благопріятныхъ къ тому обстоятельствъ. Недостатокъ въ продовольствіи не замедлитъ повергнуть рабочихъ въ безысходную нищету, но, совершенно очевидно, что изъ этого вовсе не слѣдуетъ выводить заключенія относительно необходимости радикальныхъ перемѣнъ въ составѣ управленія. Всякая попытка въ этомъ направленіи только увеличила-бы народныя бѣдствія.

До сихъ поръ мы предполагали, что образъ дѣйствій правительства не оказывалъ никакого вліянія на возникновеніе народныхъ бѣдствій. Весьма вѣроятно, что такое предположеніе не всегда оправдывается. Правительство, несомнѣнно, можетъ причинить значительныя бѣдствія при посредствѣ войны или тяжелыхъ налоговъ, и нужна извѣстная проникаемость для того, чтобы отличить вытекающее отсюда зло отъ бѣдствій, происходящихъ въ слѣдствіе указанныхъ ранѣе причинъ. Что касается Англии, то нельзя отрицать того, что въ ней обѣ эти причины дѣйствовали одновременно, но независяція отъ правительства причины оказывали наибольшее вліяніе. Война и налоги непосредственно стремятся къ уничтоженію или замедленію возрастанія капиталовъ, производства и населенія; но во время послѣдней войны эти препятствія къ развитію благосостоянія болѣе чѣмъ уравнивались такимъ стеченіемъ обстоятельствъ, которое способствовало чрезвычайному возрастанію населенія. Конечно, не правительство вызвало тѣ благопріятныя обстоятельства, которыя вознаграждали за дѣйствіе разрушительныхъ условій. Необходимо признать, что въ продолженіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ правительство не

выказало ни особеннаго расположенія къ миру и свободѣ, ни особой бережливости въ расходованіи національныхъ средствъ. Оно смѣло расточало громадныя суммы для поддержанія войны и устанавливало обременительные налоги для полученія этихъ средствъ. И, несмотря на это, самые очевидные факты способны убѣдить безпристрастнаго наблюдателя, что въ 1814 году, къ концу войны, національныя средства не были истощены, что богатство и населеніе страны не только превысили тотъ размѣръ, который наблюдался до войны, но даже возрасли въ гораздо большей степени, чѣмъ въ какой-бы то ни было предшествовавшей періодъ.

Быть можетъ, это самый необычайный фактъ, представляемый намъ исторіей; онъ служитъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что послѣдующія бѣдствія, испытанная страной послѣ заключенія мира, были вызваны не столько обычными и естественными послѣдствіями войны и налоговъ, сколько внезапнымъ прекращеніемъ чрезвычайныхъ условій, благопріятствовавшихъ размноженію населенія. Вызванные этими причинами бѣдствія, хотя и усиливались дѣйствіемъ налоговъ, тѣмъ не менѣе не порождались непосредственно ими, а, слѣдовательно, упраздненіе налоговъ не могло-бы доставить народу прямого и немедленнаго облегченія.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что рабочіе классы не сознаютъ ясно важнѣйшую причину ихъ бѣдствій, а также того, что противъ этихъ бѣдствій нѣтъ никакихъ средствъ. Еще менѣе можно удивляться тому, что они благосклоннѣе выслушиваютъ тѣхъ, кто съ увѣренностью общается имъ

немедленное облегченіе, нежели людей, предлагающихъ имъ въ утѣшеніе лишь непріятныя истины. Но нельзя не согласиться, что ораторы и народные писатели черезъ мѣру воспользовались кризисомъ, передавшимъ въ ихъ руки власть. Отчасти по невѣдѣнію, отчасти преднамѣренно, все, что могло уяснить рабочимъ ихъ дѣйствительное положеніе, все, что могло побудить ихъ къ терпѣливому перенесенію неизбежныхъ бѣдствій—все это отъ нихъ тщательно скрывалось или высокомерно порицалось; наоборотъ, все, что обольщало ихъ, усиливало и возбуждало ихъ неудовольствіе, что порождало въ нихъ безумныя надежды на облегченіе при помощи однихъ только реформъ, — все это тщательно выставлялось на видъ. Если-бы, при подобныхъ обстоятельствахъ, предлагавшіяся преобразованія были приведены въ исполненіе, то народъ былъ-бы жестоко обманутъ въ своихъ надеждахъ. При системѣ всеобщаго голосованія и ежегодныхъ парламентскихъ выборахъ, народъ, подъ вліяніемъ обманутыхъ ожиданій, попытался-бы, вѣроятно, сдѣлать различные опыты преобразованія правительственной системы, пока, наконецъ, перешедши всѣ фазисы революціи, онъ не былъ бы сдержанъ военнымъ деспотизмомъ. Наиболѣе горячіе друзья истинной свободы справедливо могли опасаться такихъ послѣдствій, защищать которыя не позволяло имъ чувство долга.

Если-бы даже, послѣ большихъ усилій и вопреки желаніямъ большинства, эти сторонники благоумной свободы могли-бы надѣяться, что имъ удастся произвести умѣренныя, но болѣе достижимыя преобразованія, то и тогда они не могли-бы

скрыть отъ себя, что обманутый въ своихъ ожиданіяхъ народъ приписалъ-бы свои бѣдствія этимъ преобразованіямъ, которыя казались-бы ему полумѣрами; тогда эти самые сторонники свободы были-бы поставлены въ необходимость или произвести радикальныя преобразованія, или внезапно отказаться отъ своего вліянія и популярности, прежде чѣмъ народъ получитъ облегченіе, прежде чѣмъ уляжется его недовольство и прежде чѣмъ онъ получитъ возможность сдѣлать роковой опытъ примѣненія того сказочнаго лѣкарства, на которое его принудили возлагать несбыточные ожиданія.

Подобныя соображенія, естественно, должны были охладить попытки истинныхъ сторонниковъ свободы; вотъ почему осуществленіе благодѣтельныхъ преобразованій, признанныхъ необходимыми для исправленія ущербовъ, произведенныхъ временемъ въ общественномъ строѣ, и для такого улучшенія конституціи, на которое она способна, стало еще болѣе затруднительнымъ и маловѣроятнымъ.

Неосуществимыя ожиданія и безразсудныя требованія, внушенныя народу его вожаками, не только дали правительству легкую возможность отклонять всякія предложенія относительно введенія какихъ-бы то ни было преобразованій, но они передали въ его руки самое опасное оружіе для борьбы противъ конституціи. Подобныя внушенія всегда вызываютъ опасенія и противоудѣствуютъ введенію самыхъ умѣренныхъ преобразованій. Однажды возникшія опасенія не имѣютъ границъ, такъ какъ вызвавшія ихъ обстоятельства легко могутъ быть преувеличены. Весьма вѣроятно, что подъ вліяніемъ именно такихъ преувеличенныхъ обстоятельствъ и

излишнихъ опасеній проведено въ жизнь нѣсколь-
ко неблагопріятныхъ для свободы парламентскихъ
актовъ, не вызывавшихся крайней необходимостью.
Но самая возможность излишнихъ опасеній и обу-
словленныхъ ими парламентскихъ актовъ несомнѣнно
должна быть приписана безразсуднымъ ожиданіямъ
народа.

Итакъ, необходимо признать, что настоящее вре-
мя представляетъ разительное подтвержденіе нашей
теоріи и вполнѣ доказываетъ, что невѣдѣніе глав-
ной причины бѣдности весьма неблагопріятно для
развитія свободы и что знакомство съ этой причи-
ною должно повлечь къ противоположнымъ послѣд-
ствіямъ.

IX.

О постепенной отмінѣ законодательства о бѣдныхъ.

Если приведенныя выше положенія основательны и если признана обязательность согласовать съ ними нашъ образъ дѣйствій, остается изслѣдовать какимъ путемъ можно этого достигнуть. Первое и наиболѣе важное препятствіе въ этомъ отношеніи представляютъ англійскіе законы о бѣдныхъ*). Систему этихъ законовъ совершенно справедливо признавали болѣе вредной и убыточной, чѣмъ государственный долгъ**). Наблюдаемое въ послѣднее время быстрое увеличеніе налоговъ въ пользу бѣдныхъ доказываетъ такое чрезвычайное возрастаніе числа нищихъ, что это даже трудно представить себѣ среди благоденствующей и хорошо управляемой націи***).

*) Мальтусъ имѣетъ въ виду систему приходскихъ вспомоствованій, собираемыхъ посредствомъ налога, пропорціональнаго земельному доходу, который былъ за долго до того установленъ.

***) Отчетъ общества для улучшенія участи бѣдныхъ. Т. III. стр. 21. Прим. автора.

***) Если налогъ въ пользу бѣдныхъ будетъ и впредь возрастать такъ, какъ онъ возрасталъ по среднему выводу за послѣдніа десятиа лѣтъ, то будущее представляется намъ въ очень мрачномъ видѣ. Вотъ почему во Франціи система законовъ о бѣдныхъ совершенно справедливо признается „Самую оустошительную политическою извою Англіа“. (Отчеты комитета о нищихъ). Прим. автора.

Какъ-бы ни было тягостно чувство, вызываемое этою мыслью, какъ-бы горячо ни было наше желаніе устранить великое зло, необходимо признать, что оно пустило слишкомъ глубокіе корни и что выдаваемая бѣднымъ вспомошествованія возрасли, настолько что чувство челоуколюбія не можетъ примириться съ немедленною ихъ отмѣной. Пытались отыскать средство для предупрежденія ихъ возрастанія, для чего предложено было установить предѣльный размѣръ налога въ пользу бѣдныхъ. Но противъ такого предложенія можно возразить, что и при этомъ условіи собираемая сумма будетъ весьма значительна, а потому бѣдные не замѣтятъ происшедшей перемены и каждый изъ нихъ попрежнему будетъ увѣренъ, что, терпя нужду, онъ имѣетъ такое-же право на вспомошествованіе, какъ и другіе, а не получивъ помощи, которою другіе пользовались, онъ будетъ думать, что съ нимъ поступили жестоко и несправедливо. Если же собранный налогъ распределить небольшими суммами между всѣми нуждающимися, какъ-бы ни было велико ихъ число, то хотя-бы этимъ и можно было избѣжать упрековъ со стороны лицъ, обращающихся за вспомошествованіемъ послѣ установленія предѣла для налога, тѣмъ не менѣе новое распределеніе поставило-бы въ тягостное положеніе тѣхъ бѣдныхъ, которые раньше пользовались болѣе значительною помощію и которые ничѣмъ не заслужили такого наказанія, какъ уменьшеніе вспомошествованія. Въ обоихъ случаяхъ общество совершитъ несправедливость, ибо, признавая себя обязаннымъ кормить своихъ бѣдныхъ, оно окажетъ имъ такое незначительное вспомошествованіе, что они погибнутъ отъ голода и нищеты.

Я много размышлялъ по поводу англійскихъ законовъ о бѣдныхъ, а потому рѣшаюсь предложить планъ постепенной ихъ отмѣты, противъ котораго не вижу существенныхъ возраженій. Я почти увѣренъ даже, что если-бы когда-либо было признано, что существующіе законы о бѣдныхъ являются одновременно источникомъ злоупотребленій и постоянною причиною вырожденія, лѣности и несчастія, и если-бы, поэтому, серьезно захотѣли избавиться отъ этого отравленнаго источника и уничтожить эту постоянную причину нищеты, то изъ чувства справедливости слѣдовало-бы принять, если не предлагаемый мною планъ, то хотя-бы принципъ, служащій ему основаніемъ. Избавиться отъ современной системы широкаго вспомошествованія, не нарушая въ то же время чувства человѣколюбія, можно только путемъ прямого воздѣйствія на самую причину, породившую систему; эта, успѣвшая пустить глубокіе корни, причина содѣйствуетъ быстрому распространенію соответственныхъ учреждений, которыя все-же недостаточны для достиженія имѣющей въ виду цѣли. Поэтому необходимо сдѣлать одинъ, по моему мнѣнію неизбѣжный, шагъ, прежде чѣмъ предпринимать какія-либо важныя измѣненія въ существующей системѣ, будетъ-ли касаться вопросъ уменьшенія вспомошествованій или совершенной ихъ отмѣны. Этого требуетъ честь и справедливость. Необходимо *открыто отказать отъ признанія за бѣдными воображаемаго права содержаться на общественный счетъ.*

Для достиженія этой цѣли я предложилъ-бы издать законъ, по которому приходскія попечительства отказываютъ въ пособіяхъ дѣтямъ, рожден-

нымъ отъ браковъ, заключенныхъ черезъ годъ послѣ обнародованія закона и всѣмъ незаконнорожденнымъ, появившимся на свѣтъ черезъ два года послѣ его обнародованія. Для того, чтобы законъ сталъ всѣмъ извѣстенъ и глубоко запечатлѣлся въ сознаниіи народа, я предложилъ-бы вмѣнить въ обязанность священникамъ, непосредственно вслѣдъ за оглашеніемъ предстоящаго брака, произносить краткое внушеніе, въ которомъ настойчиво указывалась-бы несложная обязанность каждаго человѣка заботиться о существованіи своихъ дѣтей, и напоминалось-бы о безразсудствѣ и безнравственности тѣхъ, которые вступаютъ въ бракъ, не имѣя надежды выполнить эту священную обязанность, о бѣдствіяхъ, которыми подвергались немущіе каждый разъ, когда стремились къ бесплодной попыткѣ замѣнить попеченія, возложенныя природою на родителей, заботами общественныхъ учрежденій, и, наконецъ, о настойчивой необходимости отказаться отъ этихъ попытокъ, приведшихъ къ послѣдствіямъ, совершенно обратнымъ тѣмъ, которыя отъ нихъ ожидались.

Предложенная мною и выполненная указаннымъ образомъ мѣра ясно и открыто ознакомила-бы народъ съ его естественными обязанностями. Никого не оскорбляя, она поставила-бы нарождающееся поколѣніе въ меньшую зависимость отъ правительства и богатыхъ людей, а физическія и нравственныя послѣдствія такой независимости, несомнѣнно, имѣли-бы большое значеніе.

Если-бы послѣ обнародованія предложенной мѣры во всеобщее свѣдѣніе и послѣ упраздненія существующихъ теперь законовъ о бѣдныхъ, нашелся

человѣкъ, пожелавшій вступить въ бракъ, не имѣя надежды прокормить свою семью,—по моему мнѣнію, ему слѣдовало бы предоставить полную свободу дѣйствовать въ этомъ отношеніи по собственному усмотрѣнію. Хотя подобный бракъ представляетъ очевидно безнравственный поступокъ, тѣмъ не менѣе онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, наказывать или непосредственно пресѣкать которые лежить на обязанности общества, ибо наказаніе, сопровождающее по законамъ природы такой поступокъ и обрушивающееся всегда на самого виновнаго, и безъ того жестоко, обществу же этимъ наносится лишь косвенный и притомъ слабый и отдаленный вредъ. Когда сама природа принимаетъ на себя направленіе человѣческой дѣятельности и наказаніе за нарушенія, то желаніе замѣнить ее и принять на себя отвратительную заботу о наказаніяхъ, было-бы безуміемъ съ нашей стороны. Предоставимъ-же виновнаго наказанію, присужденному самою природою. Онъ поступилъ вопреки голосу разсудка, а потому не можетъ никого винить и долженъ жаловаться на самого себя, если его поступокъ сопровождается прискорбными для него послѣдствіями. Доступъ въ приходскія попечительства долженъ быть для него закрытъ, а если частная благотворительность окажетъ ему какую нибудь помощь, то интересъ челоѣколюбія настойчиво требуетъ, чтобы она не была чрезмѣрно щедрою. Необходимо чтобы виновный зналъ, что естественные, установленные самимъ Богомъ, законы обрекли его на лишенія, въ наказаніе за нарушеніе этихъ законовъ, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго права тре-

бовать отъ общества иного пропитанія, сверхъ того, которое соотвѣтствуетъ его личному труду, и что если онъ и его семья ограждены отъ мученій голода, то лишь благодаря состраданію благотворителей, которымъ онъ обязанъ за это своею признательностью.

При неуклонномъ исполненіи предложенной системы можно было-бы оставить опасенія, будто возрастаніе неимущихъ превзойдетъ предѣлы, удовлетворяемые благотворительною помощью. Наоборотъ, я убѣжденъ, что область частной благотворительности сузилась-бы, сравнительно съ теперешнимъ ея размѣромъ. Единственное затрудненіе, которое предстояло-бы побороть, вытекаетъ изъ нашей неразборчивости въ дѣлѣ благотворенія, ибо, раздавая помощь безъ всякаго разбора, мы поощряемъ безпечность и лѣность. Послѣ обнародованія предложеннаго закона незаконнорожденные дѣти должны быть лишены помощи со стороны приходскихъ попечительствъ и предоставлены частной благотворительности. Отказываясь отъ своихъ дѣтей, родители совершаютъ преступленіе, отвѣтственность за которое падаетъ на нихъ самихъ, общество-же несетъ въ этомъ случаѣ сравнительно небольшую потерю, ибо для него одинъ ребенокъ легко замѣняется другимъ. Если дѣти намъ дороги, то это въ слѣдствіе присущей намъ симпатичной страсти, именуемой родительскою любовью. Когда находятся люди, отказывающіеся отъ посылаемаго имъ самимъ небомъ дара, то общество вовсе не обязано занимать ихъ мѣсто. Его дѣло ограничивается наложеніемъ наказанія за преступленія родителей, попирающихъ свои священнѣйшія обязанности, отказывающихся

отъ попеченія о своихъ дѣтяхъ, или жестоко обращающихся съ ними.

Въ настоящее время незаконнорожденный ребенокъ отдается на попеченіе прихода и въ теченіи года обыкновенно умираетъ. Такъ, покрайней мѣрѣ, происходитъ въ Лондонѣ. Общество въ этомъ случаѣ несетъ отвѣтственность за такую потерю, но тяжесть преступленія какъ будто ослабляется въ слѣдствіе того, что въ совершеніи его участвовало множество лицъ. Смерть этихъ несчастныхъ созданий обыкновенно приписывается волѣ Божьей, при чемъ забывается, что ее необходимо разсматривать, какъ неизбѣжное слѣдствіе поистинѣ звѣрскаго поведенія родителей, за которое они должны дать отчетъ предъ Богомъ и людьми.

Необходимо признать, что рѣдко случается, чтобы дитя было покинуто одновременно обоими родителями. Когда у рабочаго или служителя родится ребенокъ отъ незаконной связи, онъ обыкновенно скрывается. Нерѣдко случается, что и женатый человекъ переселяется въ отдаленное мѣсто, оставляя жену и дѣтей на попеченіе прихода*). Возможность такихъ поступковъ должна вызвать въ иностранцѣ весьма неблагоприятное мнѣніе о характерѣ англичанъ; но, взглянувъ въ предметъ ближе, безпристрастный наблюдатель долженъ объяснить это преступленіе не столько характеромъ англичанъ, сколько существующими у нихъ учрежденіями.

*) По свидѣтельству сэра Ф. Эдена „многіе бѣдные стараются воспользоваться выгодами, доставляемыми законами и оставляютъ свои семьи на попеченіе приходовъ“; это подробно доказано авторомъ въ сочиненіи *State of the poor, t. I. p. 330.*

Прим. автора.

Законы природы установили, что ребенок находится на исключительном попечении родителей, а мать ребенка — на таком-же попечении мужа. Если-бы эти обязанности не извращались и законы природы проявлялись во всей своей непосредственности, если-бы человекъ всегда помнилъ, что отъ него одного зависитъ участь жены и рожденнаго отъ него ребенка, я увѣренъ, что безсердечное оставленіе жены и дѣтей оказалось-бы невозможнымъ и врядъ-ли нашлось десять отцовъ, способныхъ на такой звѣрскій поступокъ. Къ сожалѣнію англійскіе законы, вопреки законамъ природы, провозгласили, что если родители оставляютъ принадлежащаго имъ ребенка, то общество обязано занять ихъ мѣсто, и что жена, покинутая мужемъ, можетъ найти покровительство со стороны другихъ людей. Такимъ образомъ употреблены были всѣ средства для ослабленія и искорененія естественныхъ побужденій и извращенія естественныхъ законовъ, а послѣдствія этого были приписаны природѣ, въ то время, какъ отвѣтственность за послѣдствія въ этомъ случаѣ всецѣло падаетъ на общественныя учрежденія и политическое устройство, которыя создали законы, порождающіе подобныя явленія и предлагающіе награду тому, кто попираетъ наиболее полезныя и заслуживающія уваженіе чувства.

Когда отецъ незаконнорожденнаго ребенка извѣстенъ, во многихъ приходахъ принято за правило угрожать ему заключеніемъ въ тюрьму и употреблять всевозможныя мѣры къ тому, чтобы заставить его жениться на матери ребенка. Это правило заслуживаетъ всевозможнаго порицанія. Преслѣдованіе со стороны приходскаго попечительства

прежде всего неразумно, ибо, при достиженіи своей цѣли, оно, вмѣсто одного призрѣваемаго, вызываетъ трехъ или четырехъ дѣтей, которыя въ послѣдствіи будутъ обременять приходъ; кромѣ того оно безнравственно и оскорбительно по отношенію къ таинству брака. Воображать, что путемъ вынужденія и преслѣдованія можно спасти честь женщины и вернуть на путь добродѣтели человѣка,—это значитъ имѣть неправильныя представленія о нравственномъ долгѣ и чести. Человѣкъ, обольстившій женщину невыполненнымъ обѣщаніемъ жениться на ней, совершаетъ гнусный обманъ и заслуживаетъ строгаго осужденія, но я не думаю, чтобы его слѣдовало вынуждать ко второму обману, послѣдствіемъ котораго будетъ крайне печальная участь женщины, связанной съ нимъ неразрывными узами, и обремененіе общества новымъ нищенскимъ семействомъ.

Обязанность каждаго человѣка заботиться о своихъ дѣтяхъ, безразлично законныхъ или незаконнорожденныхъ, до такой степени очевидна и важна, что справедливость требуетъ, чтобы общество было вооружено всѣми возможными средствами для ея укрѣпленія. Но я увѣренъ, что для достиженія этой цѣли нѣтъ болѣе пригоднаго средства, какъ обнародованіе закона о томъ, что впредь попеченіе о дѣтяхъ возлагается исключительно на ихъ родителей, а если они пренебрегутъ своею естественною обязанностью и покинутъ своихъ дѣтей, то должны рассчитывать на то, что попеченіе объ этихъ дѣтяхъ будетъ зависѣть лишь отъ случайной помощи со стороны частной благотворительности.

Отвѣтственность покинутыхъ матери и дѣтей, повинныхъ въ дурномъ поведеніи главы семейства,

можетъ показаться слишкомъ жестокой. Но что дѣлать — это также законъ природы, надъ правомъ противодѣйствія которому нужно задуматься. Мнѣ не разъ приходилось слышать, что милосердіе Божіе не согласуется съ тѣми мѣстами Библии, въ которыхъ говорится о наказаніи дѣтей за преступленія родителей. Это противорѣчіе требуетъ разъясненія. Если дѣло идетъ не о коренномъ измѣненіи человѣческой природы, не о такомъ ея улучшеніи, которое сдѣлало-бы людей совершенно иными существами, то ихъ невозможно освободить отъ вліянія закона, вызывающаго жалобы. Для того, чтобы на дѣтей не оказало общественнаго или нравственнаго вліянія поведеніе родителей, необходимо чудо. Существуетъ-ли хоть одинъ человѣкъ, который, получивъ въ своей семьѣ воспитаніе, не несъ на себѣ отпечатка добродѣтелей и пороковъ своихъ родителей, на характеръ котораго не отразились-бы ихъ счастливыя свойства — благоразуміе, добродѣтель, справедливость, воздержанность и, наоборотъ, ихъ противоположныя качества? Существуетъ-ли человѣкъ, положеніе котораго въ обществѣ не обусловливалось отчасти ихъ доброй славою, какъ людей предусмотрительныхъ, трудолюбивыхъ, обеспеченныхъ, или не унижалось ихъ неблагоразуміемъ и лѣнностью? Мы знаемъ, до какой степени укрѣпляется добродѣтель и поддерживаются силы отца надеждою дать своимъ дѣтямъ хорошее воспитаніе, внушить добрыя правила и передать имъ свое благосостояніе. Если-бы можно было покинуть дѣтей, не подвергая ихъ никакой опасности, то какое громадное число лицъ, утомленныхъ супружескими узами или не питающихъ привязанности

къ женамъ, отказались-бы отъ заботъ и затрудненій, связанныхъ съ содержаніемъ семьи и вновь обратились-бы къ холостой жизни! Но сознаніе, что дѣти несутъ наказаніе за проступки родителей, оказываетъ вліяніе даже на порочныхъ людей. Найдется не мало людей, не заботящихся о томъ, какое вліяніе на ихъ жизнь окажутъ ихъ поступки, и въ тоже время боящихся, какъ-бы эти поступки не оказали вреднаго вліянія на жизнь дѣтей. И такъ управляющіе міромъ нравственные законы требуютъ, чтобы за проступки родителей наказывались дѣти, и если мы, въ слѣдствіе нашей гордости и самонадѣянности, думаемъ, что систематическое противодѣйствіе этимъ законамъ принесетъ лучшія послѣдствія, то проявляемъ стремленіе къ достиженію безумнаго дѣла.

Если-бы былъ принятъ предложенный мною проектъ, то чрезъ нѣсколько лѣтъ налогъ въ пользу бѣдныхъ сталъ-бы быстро уменьшаться и вскорѣ оказался-бы совершенно излишнимъ. Въ тоже время никто не былъ-бы обманутъ, никому не было-бы нанесено вреда, а, слѣдовательно, никто не имѣлъ-бы права жаловаться.

Тѣмъ не менѣе одного упраздненія законовъ о бѣдныхъ еще недостаточно для улучшенія ихъ участи. Если-бы мы придавали этой мѣрѣ исключительное значеніе, намъ могли-бы указать на положеніе бѣдныхъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ не существуютъ подобные законы. Но такое сравненіе потребовало-бы внимательнаго разсмотрѣнія многихъ обстоятельствъ и, во всякомъ случаѣ, не могло-бы послужить основаніемъ для признанія полезности существующихъ законовъ о бѣдности.

X.

Какими способами можно содѣйствовать разъясненію заблужденій относительно народонаселенія.

Для улучшения участи людей недостаточно одной отмѣны всѣхъ учреждений, поощряющихъ размноженіе населенія; необходимо кромѣ того стараться объ исправленіи господствующихъ мнѣній, производящихъ такое-же, и даже нерѣдко сильнѣйшее дѣйствіе. Это можетъ быть дѣломъ одного только времени, единственное-же средство для достиженія такой цѣли заключается въ распространеніи здравыхъ понятій путемъ печати и устныхъ бесѣдъ. Въ особенности необходимо настаивать на распространеніи той истины, что долгъ человѣка состоитъ не въ размноженіи породы, а въ распространеніи всѣми возможными способами счастья и добродѣтели, и что если человѣкъ не имѣетъ основательной надежды на достиженіе этой цѣли, то природа вовсе не предписываетъ ему оставлять послѣ себя потомковъ.

Среди высшихъ классовъ общества нѣтъ основанія опасаться заключенія чрезмѣрнаго числа браковъ. Распространеніе здравыхъ понятій въ этомъ вопросѣ, конечно, могло-бы и этому классу оказать пользу и предупредить значительное число несчастныхъ супружествъ; но будемъ ли мы стараться объ

этомъ или нѣтъ, болѣе возвышенныя чувства, внушаемыя въ этомъ классѣ положеніемъ и воспитаніемъ, всегда будутъ служить значительнымъ препятствіемъ къ заключенію браковъ, хотя-бы въ слѣдствіе внушаемой ими осторожности. Общество вправѣ предписать своимъ членамъ одно лишь правило, налагаемое на нихъ въ видѣ положительной обязанности — это, чтобы никто не заводилъ семьи, не имѣя средствъ для ея содержанія. Всякое дальнѣйшее стѣсненіе должно быть предоставлено выбору и усмотрѣнію того, кто налагаетъ его на себя. Что же касается высшихъ классовъ общества, то остается желать, чтобы въ ихъ средѣ оказывалось больше уваженія и предоставлялось больше свободы незамужнимъ дѣвушкамъ, которымъ необходимо въ тоже время предоставить такія же права, какъ и женщинамъ замужнимъ. Это было-бы дѣломъ столь же благоразумнымъ, какъ и согласнымъ съ основными требованіями справедливости и равноправности.

Но если среди высшихъ классовъ такъ легко достижима степень благоразумія, необходимая для удержанія въ должныхъ границахъ числа браковъ, то, желая получить тѣ же результаты среди низшихъ классовъ общества, необходимо распространять между ними то просвѣщеніе и ту предусмотрительность, которыми отличаются первые. Я полагаю, что лучшимъ для этого средствомъ могло бы быть введеніе той системы приходскаго образованія, которую предложилъ Адамъ Смитъ*). Кроме обычныхъ предметовъ образованія и тѣхъ, которые присоединяетъ къ нимъ Смитъ, я хотѣлъ-бы,

*) Богатство народовъ, т. III. кн. V.

чтобы въ этихъ школахъ возможно чаще разъяснялось положеніе низшихъ классовъ общества относительно закона народонаселенія и вліяніе, которое они могутъ оказать на возрастаніе собственнаго благополучія. При этомъ я не имѣю въ виду, чтобы въ этихъ разъясненіяхъ въ какомъ-бы то ни было отношеніи умалялось значеніе брака или чтобы онъ изображался въ менѣе привлекательномъ видѣ, чѣмъ это есть въ дѣйствительности. Напротивъ, его слѣдуетъ представлять, согласно съ истиной, какъ состояніе, преимущественно свойственное человѣческой природѣ, способное водворить счастье и предохранить отъ порока. Но при этомъ должно быть разъяснено, что преимуществами брака, также какъ богатства и другихъ благъ, необходимо пользоваться лишь подѣ известными условіями. Твердое убѣжденіе, что супружество весьма желательно, но что для достиженія его необходимо имѣть средства для содержанія семьи, послужить всякому молодому человѣку наиболѣе сильнымъ побужденіемъ къ труду и благоразумной бережливости, до той поры, пока онъ не осуществитъ своихъ намѣреній относительно вступленія въ бракъ. Ничто иное неспособно въ большей степени побудить къ сбереженію небольшихъ излишковъ, всегда имѣющихся въ распоряженіи холостыхъ работниковъ, и къ разумному употребленію этихъ сбереженій на созиданіе будущаго благополучія, вмѣсто того, чтобы растративать ихъ въ праздности и порокахъ.

Если-бы въ послѣдствіи оказалось возможнымъ въ этихъ школахъ къ различнымъ предметамъ преподаванія присоединить еще нѣкоторыя простѣйшія основанія политической экономіи, то этимъ обще-

ству была-бы оказана неисчислимая выгода*). Но, необходимо признаться, что нѣсколько бесѣдъ, которыя мнѣ случилось вести во время послѣднихъ неурожаевъ (1800—1801 гг.) съ лицами, принадлежащими къ рабочему классу, значительно разочаровали меня. Я былъ до того пораженъ упорствомъ ихъ предразсудковъ относительно хлѣбо-торговцевъ и скупщиковъ зерна, что мнѣ показалось рѣшительно невозможнымъ согласовать подобное невѣжество съ истинно свободнымъ правительствомъ. Я убѣдился, что среди народа сло-

*) Адамъ Смитъ предлагаетъ преподавать въ приходскихъ школахъ элементарныя основанія геометріи и механики; я не вижу причины, почему нельзя было-бы точно также разъяснить народу общіе принципы, управляющіе такими явленіями, какъ кушала и продажа. Этотъ предметъ непосредственно касается народа и не можетъ не привлечь его вниманія. Не слѣдуетъ, впрочемъ, оболгать себя въ этомъ отношеніи чрезмѣрными надеждами, если припомнить полнѣйшее невѣжество въ этомъ вопросѣ, господствующее среди болѣе развитаго класса общества. Но если политическая экономія не можетъ быть предметомъ преподаванія въ народныхъ школахъ, то ее необходимо ввести по крайней мѣрѣ въ программу университетовъ. Шотландія подала въ этомъ отношеніи примѣръ, которому Англія должна-бы послѣдовать. Весьма важно, чтобы крупныя земельныя собственники, и въ особенности духовенство, не усиливали своимъ невѣжествомъ бѣдствій, причиняемыхъ постигшими страну неурожаями. Во время послѣдней дороговизны, имѣвшей мѣсто въ Англіи, половина крупныхъ поземельныхъ собственниковъ и членовъ англійскаго духовенства заслуживали преслѣдованія, въ качествѣ виновныхъ въ подстрекательствѣ. Своими бесѣдами и даже проповѣдями они возбудили народъ противъ фермеровъ и хлѣботорговцевъ; послѣ этого трудно было-бы уже ожидать, что причиненное ими зло можетъ быть ослаблено спокойнымъ разъясненіемъ, что если-бы даже народъ дѣйствительно терпѣлъ отъ притѣсненій и барышничества, то и тогда его нравственная обязанность заключалась-бы въ поддержаніи мира и спокойствія. Точно также у Шекспира Маркъ-Антоній не переставалъ увѣрять, что заговорщики честныя люди, но это не помѣшало возмущенному имъ народу съ яростію истребить ихъ. Политическая экономія, быть можетъ, единственная наука, относительно которой необходимо сказать, что незнакомство съ нею причиняетъ не только лишенія, но даже положительное и тяжкое зло. Прим. автора.

жились въ этомъ отношеніи такія заблужденія, что если-бы дѣло коснулось приложенія къ жизни его мнѣній, то пришлось-бы неизбежно и во что-бы то ни стало противодѣйствовать этому вооруженною силою. Но весьма трудно предоставить правительству необходимую для этой цѣли силу, не подвергая въ тоже время опасности свободу.

Въ Англіи на вспомошествованія истрачены были громадныя суммы, а между тѣмъ есть основаніе предполагать, что онѣ послужили лишь къ усилению бѣдствій тѣхъ самыхъ лицъ, которыя воспользовались ими. Въ тоже время было слишкомъ мало сдѣлано для образованія народа. Его не позаботились ознакомить съ нѣкоторыми политическими истинами, имѣющими близкое отношеніе къ его благосостоянію, представляющими, быть можетъ, единственное средство, при помощи котораго онъ могъ-бы улучшить свое положеніе, способными превратить людей этого класса общества въ мирныхъ гражданъ и значительно увеличить ихъ счастье. Къ стыду Англіи необходимо отнести то обстоятельство, что образованіе народа въ ней производится при посредствѣ лишь нѣсколькихъ воскресныхъ школъ, содержимыхъ на счетъ частныхъ пожертвованій и открытыхъ при томъ лишь въ самое послѣднее время*).

Оправданія, которыми успокоиваютъ себя тѣ, на комъ лежитъ забота о народномъ образованіи, представляются мнѣ не только несоотвѣтствующими свободѣ, но и крайне неосновательными, а между тѣмъ, лишая народъ способовъ къ улучшенію

*) Писано въ 1805 г. Прим. автора.

своего положенія, нужно было-бы руководствоваться неопровержимыми соображеніями, основанными на очевидной необходимости. Даже тотъ, кто не желаетъ видѣть, что его доводы опровергаются самыми простыми соображеніями, не рѣшится, я думаю, отвергать свидѣтельство опыта; поэтому я спрошу: замѣчено-ли, чтобы преимущества, доставляемые шотландскому народу образованіемъ, располагали его къ мятежу или неудовольствіямъ? При этомъ необходимо замѣтить, что нужда въ этой странѣ даетъ себя чувствовать постоянно, что урожаи бываютъ въ ней чаще и что, благодаря менѣе благоприятному климату и худшей почвѣ, она испытываетъ больше лишеній, чѣмъ Англія. Конечно, просвѣщеніе низшихъ классовъ шотландскаго народа еще не столь значительно, чтобы оно могло улучшить положеніе бѣдныхъ, путемъ распространенія между ними необходимаго благоразумія и предусмотрительности; но и это незначительное просвѣщеніе побуждаетъ шотландскій народъ къ терпѣливому перенесенію многихъ бѣдствій изъ за сознанія, что возмущеніе способно лишь усилить ихъ. Сравнивъ миролюбивые нравы шотландскихъ крестьянъ, получающихъ кое-какое образованіе, съ буйствомъ невѣжественнаго населенія Ирландіи, всякій безпристрастный челоуѣкъ долженъ будетъ признать благотворное вліяніе просвѣщенія и народнаго образованія.

Главный аргументъ, приводимый противъ введенія въ Англію системы народнаго образованія, заключается въ томъ, что образованіе дастъ возможность народу читать сочиненія въ родѣ книги Пейна, а это могло-бы имѣть гибельныя послѣд-

ствія для правительства. Но я вполнѣ раздѣляю высказанное по этому поводу Ад. Смитомъ мнѣніе, что образованный и хорошо воспитанный народъ труднѣе обольстить возмутительными сочиненіями, такъ какъ онъ лучше можетъ разпознать и оцѣнить вздорное краснорѣчіе демагоговъ, увлекаемыхъ честолюбіемъ или личными выгодами. Для возмущенія цѣлаго прихода достаточно одного или двухъ грамотныхъ людей; если-же они подкуплены партией демагоговъ, то, выбирая подходящія мѣста изъ этихъ сочиненій, могутъ принести гораздо больше вреда, сравнительно съ тѣмъ, который произошелъ-бы въ томъ случаѣ, если-бы всякій членъ прихода прочелъ въ свободную минуту все сочиненіе и взвѣсилъ противоположные доводы.

Но и помимо этихъ соображеній, замѣчаніе Смита получило-бы еще большее значеніе, если-бы предлагаемая имъ школа знакомили народъ съ его истиннымъ положеніемъ и если-бы ему чаще разъясняли, что его участь не можетъ быть замѣтно улучшена перемѣною правительства, такъ какъ это улучшеніе зависитъ отъ его собственнаго трудолюбія и благоразумія; что если нѣкоторыя желанія народа и могутъ быть удовлетворены, то все-же въ такомъ вопросѣ, какъ содержаніе семействъ; большинство населенія не можетъ рассчитывать на какое нибудь облегченіе; что никакое возмущеніе не можетъ измѣнить въ пользу народа отношеніе между спросомъ и предложеніемъ труда или между количествомъ пищи и числомъ потребителей; что если предложеніе труда пересиливаетъ спросъ, а требованіе пищи превышаетъ его предложеніе, то народъ не можетъ избѣжать

страданій, причиняемыхъ нуждой, даже при самомъ либеральномъ и совершенномъ правительствѣ.

Ознакомленіе съ подобными истинами такъ очевидно должно способствовать поддержанію мира и спокойствія, ослабленію значенія возмутительныхъ сочиненій и предупрежденію легкомысленнаго сопротивленія конституціоннымъ учрежденіямъ, что невольно приходится заподозрить поборниковъ народнаго невѣжества въ какихъ-то своекорыстныхъ видахъ.

Приходскія школы не только могли-бы содѣйствовать разъясненію низшимъ классамъ населенія ихъ дѣйствительнаго положенія, а также того, что отъ нихъ самихъ зависитъ ихъ благосостояніе или нищета, эти школы могли-бы еще, при посредствѣ преподаванія, начатаго съ раннихъ лѣтъ, и разумно распредѣляемыхъ наградъ, развить въ подрастающемъ поколѣніи привычку къ трезвости, трудолюбію, независимости, благоразумію и внушить ему исполненіе обязанностей, предписываемыхъ религіею. Такимъ образомъ приходскія школы явились-бы дѣйствительнымъ средствомъ для развитія низшихъ классовъ народа и поднятія ихъ до уровня средняго сословія, склонности котораго имѣють значительное преимущество.

Почти во всѣхъ странахъ для низшаго класса народа существуетъ предѣлъ нищеты, за которымъ прекращаются браки и продолженіе рода. Этотъ предѣлъ крайней нищеты въ различныхъ странахъ весьма неодинаковъ и зависитъ отъ различныхъ условій, какъ напр.: почвы, климата, образа правленія, распространенія просвѣщенія, степени цивилизаціи и пр. Главнѣйшими условіями, повыша-

ющими этотъ предѣлъ и уменьшающими нищету наиболѣе нуждающихся классовъ населенія, являются—свобода, обезпеченіе собственности, распространеніе среди народа знаній, стремленіе къ приобрѣтенію преимуществъ и наслажденій, доставляемыхъ довольствомъ. Деспотизмъ и невѣжество, наоборотъ, понижаютъ этотъ предѣлъ.

При всякихъ попыткахъ, предпринимаемыхъ для улучшенія положенія низшихъ классовъ населенія, необходимо неизмѣнно стремиться къ поднятію возможно выше этого предѣла нищеты, или, другими словами, стремиться къ тому, чтобы нужда, признаваемая въ данной странѣ въ крайней степени бѣдственной, все-же была-бы еще сносною. Достигнуть этого можно, развивая въ народѣ стремленіе къ независимости, чувство собственнаго достоинства, привычку къ довольству и обладанію собственностью. Я уже имѣлъ случай указать, какое вліяніе оказываетъ хорошее управленіе на развитіе въ народѣ привычекъ къ благоразумію, а также на воспитаніе въ немъ самоуваженія. Но это вліяніе никогда не будетъ достаточно безъ содѣйствія хорошей системы народнаго образованія. Въ этомъ смыслѣ можно утверждать, что правительство, незаботящееся о народномъ образованіи, еще очень далеко отъ совершенства. Благодѣяніями, доставляемыми хорошимъ образованіемъ, всѣ могутъ пользоваться, а такъ какъ отъ правительства зависитъ сдѣлать образованіе общедоступнымъ, то, внѣ всякаго сомнѣнія, оно и обязано это сдѣлать.

XI.

О направленіи нашей благотворительности.

Намъ остается разсмотрѣть, какимъ образомъ можно направить нашу благотворительность, чтобы она не причиняла вреда тѣмъ самымъ лицамъ, для облегченія участи которыхъ предпринята, и предупредила излишекъ населенія, превышающей средства существованія и ложащейся тяжелымъ бременемъ на низшіе классы народа.

Чувство состраданія, побуждающее насъ помогать ближнимъ, когда они испытываютъ страданія, сходно со всякими другими волнующими насъ страстями: оно до извѣстной степени слѣпо и безотчетно. Состраданіе иногда можетъ быть сильнѣе возбуждено патетическимъ театральнымъ дѣйствіемъ или изображеніемъ въ романѣ, чѣмъ какимъ-бы то ни было дѣйствительнымъ происшествіемъ. Если-бы мы отдались первому впечатлѣнію безъ всякихъ дальнѣйшихъ соображеній, то изъ числа многихъ лицъ, просящихъ о помощи, мы, несомнѣнно, избрали бы тѣхъ, которыя лучше умѣютъ разыграть свою роль. Очевидно, что склонность къ благотворительности, такъ-же какъ и другія побужденія—любовь, гнѣвъ, честолюбіе, голодъ, жажда,—должна управляться указаніями опыта и, наравнѣ съ про-

чими страстями, подчиняться требованіямъ общей пользы, ибо иначе она не удовлетворитъ тому назначенію, для котораго помѣщена въ нашемъ сердцѣ.

Назначеніе страсти, соединяющей оба пола, заключается въ продолженіи рода и установленіи между мужемъ и женою общихъ воззрѣній и интересовъ, т. е. такой связи, которая для нихъ самихъ является наиболѣе вѣрнымъ средствомъ къ достиженію счастья, а для ихъ дѣтей—залогомъ неусыпнаго попеченія въ раннемъ возрастѣ и заботливаго образованія въ позднѣйшемъ. Но если-бы всякій считалъ себя въ правѣ постоянно слѣдовать своимъ инстинктивнымъ побужденіямъ, не заботясь о послѣдствіяхъ, то существенное назначеніе этой страсти не было-бы достигнуто и даже продолженіе рода не было бы вполнѣ обезпечено.

Очевидная цѣль вложеннаго природою въ чело-вѣческое сердце инстинкта милосердія заключается въ установленіи близкой связи между людьми, въ особенности принадлежащими къ одному роду или семейству. Вызывая въ насъ участіе къ довольству и нуждамъ ближнихъ, этотъ инстинктъ побуждаетъ насъ помогать людямъ въ ихъ частныхъ бѣдствіяхъ, составляющихъ результатъ общихъ законовъ; такимъ образомъ онъ способствуетъ увеличенію всей суммы чело-вѣческаго счастья. Но если чувство милосердія безотчетно, если степень кажущагося несчастья будетъ единственнымъ мѣриломъ нашей благотворительности, то она, очевидно, будетъ примѣняться исключительно къ профессиональнымъ нищимъ, между тѣмъ какъ скромное несчастье, борющееся съ непобѣдимыми трудностями, но и въ нищетѣ сохранившее любовь къ опрятности и бла-

гопристойному виду, будетъ оставлено въ пренебреженіи. Такимъ образомъ, мы окажемъ помощь тому, кто менѣе всего заслуживаетъ ее, мы станемъ поощрять тунеядство и дадимъ погибнуть человѣку дѣятельному и трудолюбивому, словомъ, мы пойдемъ совершенно наперекоръ стремленію природы и уменьшимъ сумму человѣческаго счастья. Впрочемъ, необходимо признать, что инстинктивное стремленіе къ благодѣянію проявляется съ меньшею силою, чѣмъ страсть, соединяющая оба пола; опытъ показываетъ, что вообще гораздо менѣе опасно отдаваться первому изъ этихъ побужденій, чѣмъ второму. Но, дѣлая общій выводъ изъ указаній опыта и выведенныхъ изъ нихъ нравственныхъ правилъ, трудно сказать что нибудь въ пользу того, кто безгранично предается одному изъ этихъ стремленій, чего нельзя было бы также сказать въ пользу того, кто отдается другому. Обѣ эти страсти одинаково естественны, каждая изъ нихъ возбуждается соотвѣтственнымъ образомъ, и насъ одинаково неодолимо влечетъ къ удовлетворенію той и другой. Разсматривая одну только нашу животную природу или допуская предположеніе, что послѣдствія нашихъ поступковъ, вытекающія изъ обоихъ побужденій, не могутъ быть предусмотрѣны,—намъ, конечно, ничего больше не остается, какъ слѣпо повиноваться инстинкту. Но, принявъ въ соображеніе то обстоятельство, что мы одарены разумомъ, мы тѣмъ самымъ устанавливаемъ для себя обязанность предусматривать послѣдствія нашихъ поступковъ; а такъ какъ мы знаемъ, что эти послѣдствія иногда бываютъ гибельны для насъ или для нашихъ ближнихъ, то мы должны быть увѣрены,

что слѣпое повиновеніе инстинкту недостойно насъ, или, другими словами, несогласно съ волею Бога. Въ качествѣ нравственныхъ существъ мы обязаны подавлять наши страсти, насколько это необходимо для того, чтобы онѣ не приняли порочнаго направленія, а также тщательно взвѣшивать послѣдствія нашихъ естественныхъ склонностей и постоянно подчинять ихъ великому закону всеобщей пользы для того, чтобы незамѣтно приобрѣсти привычку удовлетворять эти склонности, никому не причиняя вреда. Въ этомъ, очевидно, заключается средство для увеличенія суммы человѣческаго счастья, а, слѣдовательно, для исполненія воли Творца, по скольку это зависитъ отъ насъ.

И такъ, хотя польза и не можетъ вполнѣ сдѣлаться побудительною причиною нашихъ поступковъ въ то время, когда мы находимся подъ вліяніемъ страсти, тѣмъ не менѣе она является единственнымъ средствомъ для разумнаго пониманія вещей. Она одна устанавливаетъ правильное отношеніе между нашими обязанностями и законами природы, а потому мы должны подчиняться ей внушеніямъ. Всѣ моралисты, требовавшіе подчиненія страстей разуму, основывали это требованіе на изложенныхъ мною принципахъ, независимо отъ того, въ какой степени эти принципы были имъ извѣстны и ясны. Я напоминаю эти истины для того, чтобы приложить ихъ къ направленію нашей обычной благотворительности. Если мы всегда будемъ имѣть въ виду великій законъ общей пользы, то наша благотворительность получитъ широкое приложеніе, нисколько не вредя той главной цѣли, которую мы должны преслѣдовать.

Одно изъ полезнѣйшихъ дѣйствій благотворительности заключается въ ея полезномъ вліяніи на самого благотворителя. Гораздо пріятнѣе дѣлать добро, чѣмъ получать его. Если-бы мы даже замѣтили, что благотворительность не приноситъ пользы тѣмъ лицамъ, которымъ мы ее оказываемъ, то и тогда мы не могли-бы оправдать усилий, направляемыхъ къ тому, чтобы освободить наше сердце отъ чувства, которое побуждаетъ насъ оказывать благодѣяніе. Это чувство очищаетъ и возвышаетъ нашу собственную душу. Приложивъ же въ настоящемъ случаѣ законъ полезности, мы съ удовольствіемъ замѣтимъ, что самый выгодный для бѣдныхъ способъ благотворительности есть именно тотъ, который болѣе всего способенъ усовершенствовать характеръ благотворителя.

О благотворительности, точно также какъ и о страданіи, можно сказать, что она распространяется по землѣ, какъ благодатная роса *). Совершенно несправедливо называютъ благотворительностью раздачу тѣхъ громадныхъ суммъ, которыя собираются въ Англіи при посредствѣ спеціальнаго налога, ибо этой раздачѣ недостаетъ отличительной черты истинной благотворительности. Такъ какъ въ этомъ случаѣ происходитъ принужденіе къ такимъ дѣйствіямъ, которыя по своей сущности должны быть свободны, то это смѣшеніе понятій неминуемо должно унижить какъ тѣхъ, съ кого налогъ собирается, такъ и тѣхъ, для кого онъ наз-

*) Is not strained;
Is droppeth, as the gentle rain from Heav'n,
Upon the earth beneath. Прим. автора.

начается. Въмѣсто дѣйствительнаго облегченія этотъ способъ распредѣленія налога съ одной стороны усиливаетъ и распространяетъ нищету, а съ другой стороны, взамѣнъ пріятнаго ощущенія, доставляемаго истинною благотворительностью, онъ вызываетъ только неудовольствіе и постоянное негодованіе.

Среди благотворительныхъ учреждений, содержи-мыхъ на счетъ добровольныхъ приношеній, существуютъ прямо предосудительныя; мало того, самыя пожертвованія, вѣроятно, даются иногда не-хотя и не столько изъ искренняго побужденія къ благотворительности, сколько изъ необходимости сдѣлать то, къ чему обязываютъ извѣстное общественное положеніе или богатство. Большинство жертвователей не вмѣшивается въ распредѣленіе пособій и не беспокоится о судьбѣ тѣхъ, кому они раздаются. Поэтому-то нельзя рассчитывать на то, чтобы подобные способы благотворительности оказали то полезное вліяніе на жертвователей, какое обыкновенно приписывается этой добродѣтели и которое при другихъ условіяхъ проявляется такимъ очевиднымъ образомъ.

Необходимо признаться, что даже въ самомъ способѣ раздачи милостыни профессиональнымъ нищимъ мы проявляемъ скорѣе желаніе отвязаться отъ ихъ назойливости и избавиться отъ непріятнаго зрѣлища, чѣмъ стремленіе къ облегченію страданія несчастнаго существа. Въмѣсто того, чтобы радоваться тому, что намъ представляется случай помочь ближнему, мы чаще предпочли-бы совсѣмъ не встрѣчать людей, вызывающихъ состраданіе. Ихъ нищета поражаетъ насъ и вызываетъ тягостное ощущеніе, а между тѣмъ мы сознаемъ, что

подаваемая имъ ничтожная помощь недостаточна для облегченія ихъ страданій. Мы вполне понимаемъ, что милостыня совершенно не соотвѣтствуетъ ихъ нуждамъ. Мало того, мы увѣрены, что на слѣдующемъ поворотѣ улицы услышимъ точно-такія-же просьбы о помощи и, быть можетъ, будемъ даже обмануты. Мы спѣшимъ избѣгнуть встрѣчи съ неимущими и нерѣдко стараемся не слышать ихъ назойливыхъ выпрашиваній. Мы подаемъ милостыню лишь въ томъ случаѣ, когда ее, такъ сказать, вырываютъ у насъ насильственно, помимо нашей воли, и эта вынужденная благотворительность не оставляетъ въ нашей душѣ никакого пріятнаго воспоминанія, никакого возвышающаго душу ощущенія.

Такой способъ оказанія помощи совершенно противоположенъ добровольной и истинной благотворительности, стремящейся близко познакомиться съ нуждами тѣхъ несчастныхъ, которые требуютъ ея помощи. Люди, побуждаемые къ такой благотворительности, чувствуютъ какими тѣсными узами связанъ богатый съ бѣднымъ и гордятся этими узами; они посѣщаютъ неимущаго въ его лачугѣ и разузнаютъ не только объ его нуждахъ, но и объ его привычкахъ и нравственныхъ наклонностяхъ. Отъ такой благотворительности уклоняется безстыдный попрошайка, старающійся обратить на себя вниманіе своими рубищами и, наоборотъ, она ободряетъ, поддерживаетъ и утѣшаетъ того, кто молча переноситъ незаслуженныя страданія. Для того, чтобы болѣе наглядно выставить преимущества такого способа благотворительности и его противоположность способу раздачи вспомоствованій въ

приходскихъ попечительствахъ, я не могу сдѣлать ничего лучше, какъ привести слова Тоунзенда, которыми онъ заключаетъ свой прекрасный трактатъ по поводу закона о бѣдныхъ: „Нельзя себѣ представить что либо отвратительнѣе стола, за которымъ производится раздача пособій въ приходскихъ попечительствахъ. Здѣсь не рѣдко можно встрѣтить въ одномъ лицѣ соединеніе всего, что дѣлаетъ нищету отталкивающею: табакъ, водка, лохмотья, насѣкомья, грубость и нахальство. Наоборотъ, ничего не можетъ быть благороднѣе и трогательнѣе благотворительности, посѣщающей лачугу неимущаго, съ цѣлью ободрить трудолюбіе и добродѣтель, протягивающей руку помощи голодному, и облегчающей участь вдовъ и сиротъ. Что можетъ быть прекраснѣе и трогательнѣе отрадныхъ слезъ благодарности, блистающихъ чистою радостью очей, поднятыхъ къ небу рукъ, безхитростнаго выраженія чувствъ, порождаемыхъ неожиданнымъ, но разборчивымъ благодѣяніемъ? Мы часто были-бы свидѣтелями подобныхъ трогательныхъ сценъ, если-бы люди могли вполнѣ располагать собою и правомъ, принадлежащимъ имъ въ дѣлѣ благотворительности“.

Я думаю, что невозможно быть часто дѣйствующимъ лицомъ въ подобныхъ сценахъ и не совершенствоваться ежедневно въ добродѣтели. Подобные случаи не только удовлетворяютъ врожденное чувство милосердія, но и наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ способствуютъ улучшенію нашего сердца. Это, несомнѣнно, единственный видъ милосердія, относительно котораго можно сказать, что онъ доставляетъ счастье и тому, кто его оказываетъ, и тому, кто имъ пользуется. Во всякомъ

случаѣ, навѣрное не легко было бы найти какой-либо иной способъ благотворенія, который, распредѣляя столь громадныя суммы, не угрожалъ бы причинить больше вреда, чѣмъ пользы.

Предоставленная въ извѣстныхъ границахъ мировымъ судьямъ и приходскому начальству произвольная власть въ дѣлѣ назначенія пособій и отказа въ нихъ, по своему существу и послѣдствіямъ весьма отличается отъ разборчивости и осмотрительности, съ которою распредѣляетъ свою помощь добровольная благотворительность.

Въ Англіи всякое лицо, находящееся въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ закономъ условіяхъ, имѣетъ право требовать пособія отъ своего прихода, а если его лишать этого права безъ достаточныхъ къ тому оснований, онъ можетъ подать жалобу. Необходимыя для разъясненія подобныхъ жалобъ справки весьма часто побуждаютъ просителей извращать истину и всетаки огромное число лицъ, просящихъ о пособіи, обвиняетъ приходскія власти въ пристрастіи и жестокосердіи. Выданное пособіе принимается какъ должное, безъ всякой признательности, а отказъ признается несправедливостью и всегда вызываетъ негодованіе и озлобленіе.

Ничего подобнаго не можетъ быть при раздачѣ добровольныхъ пожертвованій. Получающій ихъ предается теплomu чувству признательности, а тотъ, которому они не достались, не жалуется на несправедливость. Всякій человекъ имѣетъ право дать своему имуществу то употребленіе, какое ему заблагоразсудится, слѣдовательно, не нарушая справедливости, у него нельзя требовать отчета относительно его побужденій, по которымъ онъ оказы-

ваетъ въ одномъ случаѣ помощь, а въ другомъ— не желаетъ этого сдѣлать. Это безграничное право выбора, составляющее отличительное свойство добровольной благотворительности, даетъ ей возможность обращать свою помощь на облегченіе лишь той нужды, которая заслуживаетъ этого, не вызывая при этомъ прискорбныхъ послѣдствій. Къ тому-же, эта форма благотворительности обладаетъ тѣмъ преимуществомъ, что она сохраняетъ въ тайнѣ расточаемыя благодѣянія. Для самихъ неимущихъ весьма важно, чтобы на благотворительность не смотрѣли, какъ на источникъ, на который всякій имѣетъ право рассчитывать. Бѣдный долженъ научиться пользованію собственными силами, долженъ развивать свою энергію и предусмотрительность и рассчитывать только на свои добродѣтели, а если всего этого окажется недостаточно, то на постороннія пособія онъ долженъ смотрѣть, какъ на надежду, а не какъ на право, не забывая при этомъ, что осуществленіе этой надежды обусловливается его добрымъ поведеніемъ и собственнымъ сознаніемъ, что нищета его не есть слѣдствіе безпечности и неблагоразумія. Не должно подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что при распредѣленіи пособій мы обязаны разяснять бѣднымъ эти истины. Если-бы всѣ страданія могли быть облегчены, если-бы бѣдность могла быть искоренена цѣною пожертвованія хотя-бы трехъ четвертей имущества богатыхъ, я послѣдній воспротивился-бы такой мѣрѣ и не продолжалъ-бы настаивать на томъ, что необходимо установить границы для нашей щедрости. Но такъ какъ опытъ показалъ, что несчастья и нищета всегда и безъ исключенія соотвѣтствуютъ количе-

ству раздаваемого безъ разбора подаванія, то, при-мѣняясь къ приѣмамъ, употребляемымъ при изслѣ-дованіи естественныхъ законовъ, мы должны за-ключить, что эти подаванія не составляютъ истин-ной благотворительности и не заслуживаютъ на-званія добродѣтели.

Законы природы говорятъ намъ то-же, что сказано было ап. Павломъ: — если человѣкъ не желаетъ трудиться, онъ не имѣетъ права на пропитаніе. Они-же говорятъ намъ, что не слѣдуетъ дерзко отдавать себя на попеченіе Провидѣнія и что чело-вѣкъ, вступающій въ бракъ, не имѣя средствъ для содержанія семьи, долженъ разсчитывать на бѣд-ственное положеніе. Эти предостереженія со сто-роны природы необходимы и имѣютъ очевидную цѣль оказать на насъ полезное и благотворное вліяніе. Если частная и общественная благотво-рительность получить такое направленіе, благодаря которому бездѣльникъ не потеряетъ права требо-вать вспомошествованія, а человѣку, вступившему въ бракъ безъ всякихъ средствъ для содержанія семьи, постоянно будетъ оказываться помощь, то подобными мѣрами мы будемъ постоянно и система-тически противодѣйствовать той благой цѣли, ради которой установлены указанные выше законы. Нель-зя допустить, чтобы Творецъ, даруя намъ оду-шевляющія насъ чувства, имѣлъ въ виду подобное противодѣйствіе естественнымъ законамъ.

Среди условій человѣческой жизни, рассматри-ваемыхъ даже съ самой благопріятной точки зрѣнія, нерѣдко бываетъ, что наши самыя справедливыя надежды оказываются обманутыми: трудолюбіе, бла-горазуміе, добродѣтели не только остаются безъ

заслуженной награды, но даже иногда сопровождаются неожиданными бѣдствіями. Вотъ именно тѣ, которые находятся въ такомъ бѣдственномъ положеніи, несмотря на усилія выйти изъ него, тѣ, которые изнемогаютъ подъ тяжестью незаслуженнаго бремени — должны разсматриваться, какъ истинный объектъ нашей благотворительности. Облегченіемъ ихъ страданій мы исполняемъ самый священный долгъ милосердія. Долгъ этотъ заключается въ смягченіи частнаго зла, порождаемаго общими законами. Давъ ему такое благотворное направленіе, мы не должны опасаться дурныхъ послѣдствій. Несчастные, справедливо вызывающіе наше состраданіе, вполне заслуживаютъ нашей наибольшей поддержки и столь значительной щедрости, которая способна была-бы совершенно освободить ихъ отъ гнетущей нужды, если-бы для этого даже пришлось предоставить собственной участи тѣхъ, которые не имѣютъ права ни на наше уваженіе, ни на нашу помощь.

Когда исполнены эти важнѣйшія обязанности въ дѣлѣ милосердія, ничто не возбраняетъ намъ взглянуть съ состраданіемъ также на лѣниваго и безпечнаго человѣка; но и въ этомъ даже случаѣ общее благо требуетъ, чтобы наша помощь рачеталась бережливо. Мы можемъ принять на себя заботу о благоразумномъ смягченіи наказанія, налагаемаго природою за нарушеніе ея законовъ, но при этомъ мы должны остерегаться того, чтобы наказаніе не стало совсѣмъ невѣдомо виновному. Тотъ, кто подвергся ему, совершенно справедливо низводится на послѣднюю ступень общественнаго положенія; намѣреваясь поставить его на болѣе вы-

сокую ступень, мы нарушаемъ требованія благотворительности и совершаемъ несправедливость по отношенію къ тѣмъ, которые окажутся ниже его. Необходимо, чтобы при распредѣленіи предметовъ первой необходимости, онъ ни въ какомъ случаѣ не воспользовался одинаковою долею съ трудолюбивымъ работникомъ.

Эти соображенія не должны прилагаться къ тѣмъ случаямъ крайней нужды, которые произошли не вслѣдствіе безпечности или лѣни, а по какому-либо неблагоприятному стеченію обстоятельствъ. Если челоѣкъ переломить себѣ руку или ногу, то мы обязаны немедленно помочь ему, а не наводить справки о томъ, заслуживаетъ-ли онъ нашей помощи. Это совершенно согласуется съ требованіями общей пользы. Подавая въ подобныхъ случаяхъ безъ разбора нашу великодушную помощь, мы можемъ не предаваться опасеніямъ, что нашъ поступокъ поощритъ людей ломать себѣ руки, съ цѣлью воспользоваться помощью. На основаніи неизмѣннаго принципа общей пользы, одобреніе, выраженное Христомъ поступку Самаритянина, нисколько не противорѣчитъ правилу ап. Павла:—кто не хочетъ трудиться, тотъ не имѣетъ права на пропитаніе,

Тѣмъ не менѣе, *мы никогда не должны упускать случая сдѣлать доброе дѣло*, на основаніи предположенія, что встрѣтимъ другой случай, болѣе заслуживающій нашихъ благодѣяній. При всякомъ сомнѣніи необходимо принять за правило, что мы обязаны повиноваться инстинктивному чувству состраданія. Но если мы можемъ выполнить налагаемую на насъ разумомъ обязанность тщательно взвѣшивать послѣдствія нашихъ поступковъ, если

собственный нашъ опытъ и опытъ другихъ людей указываетъ для нашей благотворительности два пути, изъ которыхъ одинъ достигаетъ лучшихъ результатовъ, то, въ качествѣ нравственныхъ существъ, мы обязаны направлять наши склонности по лучшему пути, для того, чтобы воспитать въ себѣ привычку къ такимъ поступкамъ, которые мы признаемъ болѣе полезными, какъ для нашихъ ближнихъ, такъ и для насъ самихъ.

XII.

Ислѣдованіе проектовъ, предложенныхъ для улучшенія участи бѣдныхъ *).

Предпринимая какія-либо мѣры для улучшенія положенія низшихъ классовъ населенія, необходимо обращать особенное вниманіе на слѣдующее правило, тѣсно связанное съ установленными въ этомъ сочиненіи положеніями: никакое побужденіе не можетъ оправдать прямого поощренія брака или сознательнаго, систематическаго отстраненія различія, существующаго между женатымъ и холостымъ человѣкомъ относительно средствъ къ жизни. Это различіе непремѣнно и постоянно должно поддерживаться. Писатели, не исключая даже тѣхъ, которые лучше другихъ понимали значеніе и вліяніе закона народонаселенія, проявили въ этомъ отношеніи ошибочныя воззрѣнія.

Такъ, напримѣръ, Тоунсендъ, изслѣдовавшій законъ народонаселенія съ необыкновенною глубиною и ясностью, оканчиваетъ свое разсужденіе о законодательствѣ по отношенію къ бѣднымъ предложені-

*) Глава изложена съ сокращеніями. Пер.

емъ, которое, по моему мнѣнію, противорѣчитъ такъ удачно развитымъ принципамъ. Онъ предлагаетъ обратить существующія свободныя частныя благотворительныя учрежденія каждаго прихода въ обязательныя и вынужденныя и совѣтуетъ издать законъ, вмѣняющій взыскивать въ пользу бѣдныхъ съ каждаго холостого человѣка четвертую часть его заработка, а съ женатаго, имѣющаго четырехъ дѣтей—лишь одну тридцатую часть*).

Я думаю, что если добровольныя пожертвованія будутъ обращены въ обязательныя, то они тотчасъ пріобрѣтутъ значеніе налога на трудъ, а такой налогъ, какъ это ясно доказалъ Ад. Смитъ, неизбежно упадетъ на потребителей и притомъ вниманіе его будетъ сопряжено съ большими трудностями и расходами. Изъ этого необходимо заключить, что предложенная Тоунзендомъ мѣра не доставитъ никакого облегченія земельнымъ собственникамъ, какъ онъ того желалъ. Земельные собственники будутъ платить столько-же, какъ и теперь, съ тѣмъ лишь различіемъ, что вмѣсто прямой передачи въ приходъ слѣдуемаго съ нихъ налога въ пользу бѣдныхъ, они выплачатъ эту сумму въ видѣ повышенной заработной платы и цѣны всѣхъ пріобрѣтаемыхъ товаровъ. Слѣдовательно предложенные обязательные сборы въ пользу бѣдныхъ сохранять всѣ дурныя стороны существующей системы; измѣнится лишь названіе, сущность-же всего учрежденія останется та-же.

Взима съ холостыхъ четвертую часть ихъ заработка, а съ людей, обремененныхъ семьею, только

*) Dissertation on the poor laws.

тридцатую, мы, въ сущности, наложили-бы на первыхъ большой штрафъ за безбрачіе, а вторымъ выдали-бы премію за рожденіе дѣтей. Такой результатъ совершенно противорѣчить цѣли, съ которою Тоунсендъ писалъ свое превосходное сочиненіе. Онъ самъ устанавливаетъ положеніе, что законы въ пользу бѣдныхъ могутъ быть признаны удовлетворительными лишь въ томъ случаѣ, когда они управляютъ размноженіемъ населенія соотвѣтственно спросу на трудъ, а между тѣмъ предлагаемый имъ законъ поощряетъ размноженіе населенія совершенно независимо отъ этого спроса. Онъ наказываетъ молодого человѣка за его благоразумное воздержаніе отъ вступленія въ бракъ, быть можетъ, именно въ то самое время, когда спросъ на трудъ, а слѣдовательно и заработная плата такъ низка, что ее не достало-бы на содержаніе семьи. Если при этомъ имѣлось въ виду, что холостые люди должны дѣлать взносы для того, чтобы пріобрѣсти право на пособіе, когда они женятся, то справедливость требуетъ, чтобы это пособіе соразмѣрялось со сдѣланными ранѣе взносами, чтобы человѣкъ, вносившій четвертую часть своего заработка въ теченіе одного только года, не пользовался одинаковыми правами съ тѣмъ, который вносилъ ту же часть въ продолженіи десяти лѣтъ.

Артуръ Юнгъ въ своихъ сочиненіяхъ также обнаружилъ знакомство съ закономъ народонаселенія; онъ обладалъ вѣрнымъ взглядомъ на бѣдствія, причиняемыя чрезмѣрнымъ размноженіемъ населенія, переходящимъ границы, обусловливаемыя спросомъ на трудъ и достаточными средствами существованія. Такъ, въ своемъ „Путешествіи во Францію“, онъ

указываетъ на пагубныя послѣдствія чрезмѣрнаго населенія, вызваннаго раздробленіемъ земельной собственности и при этомъ прибавляетъ: „Люди женятся и рожаютъ дѣтей въ надеждѣ воспитать ихъ, но безъ всякаго разумнаго основанія для этой надежды. Такимъ образомъ они размножаются сверхъ того, что требуется городами и фабриками, а послѣдствіемъ этого является крайняя нищета и смертность огромнаго числа людей, погибающихъ отъ болѣзней, причиняемыхъ дурною и недостаточною пищей“. Въ другомъ мѣстѣ того-же сочиненія по поводу поощренія браковъ онъ говоритъ: „Главное несчастье Франціи заключается въ томъ, что она обладаетъ слишкомъ многочисленнымъ населеніемъ, которое она не можетъ ни употребить въ дѣло, ни прокормить. Но, для чего-же въ такомъ случаѣ поощрять браки? Неужели Франція желаетъ умножить свое населеніе именно потому, что она и теперь не можетъ употребить въ дѣло излишекъ своего населенія? Соперничество изъ за необходимыхъ средствъ существованія и теперь уже таково, что вашъ народъ умираетъ съ голоду, а вы поощряете размноженіе людей, которое еще болѣе усилитъ это соперничество! Мы имѣемъ законное основаніе спросить — не полезнѣе-ли было-бы дать совершенно противоположное направленіе законодательству, не лучше-ли было-бы запретить вступленіе въ бракъ тѣмъ лицамъ, которыя не докажутъ, что обладаютъ средствами для содержанія семьи? Къ чему поощрять заключеніе браковъ, когда и безъ всякаго поощренія они будутъ несомнѣнно заключены всюду, гдѣ только это окажется возможнымъ? Нѣтъ ни одного примѣра, чтобы страна,

въ которой замѣчается значительный спросъ на трудъ, не представляла въ тоже время полной возможности для заключенія браковъ; поэтому всѣ заботы объ ихъ поощреніи бесполезны и способны лишь причинить вредъ“. Но если Юнгъ доказалъ свое пониманіе закона народонаселенія и высказалъ по этому вопросу столь вѣрныя замѣчанія, то тѣмъ большее удивленіе вызываютъ его мысли, высказанныя въ сочиненіи „Положеніе вопроса о неурожаѣ и изслѣдованіе средствъ для облегченія этого бѣдствія“.

„Лучшимъ средствомъ, говоритъ Юнгъ, для предупрежденія періодическаго возвращенія неурожаевъ, столь гибельныхъ для неимущихъ, было-бы надѣленіе каждаго работника, имѣющаго свыше двухъ дѣтей, однимъ акромъ земли для посѣва картофеля и пастбищемъ для одной или двухъ коровъ. Если-бы каждый изъ такихъ работниковъ владѣлъ картофельнымъ полемъ и коровой, то онъ также мало заботился-бы о цѣнѣ хлѣба, какъ ирландскіе работники. Всѣ одобряютъ эту систему, но затрудненіе заключается лишь въ томъ, какими средствами провести ее въ исполненіе“. Я сомнѣваюсь, чтобы эта система всѣми одобрялась. Во всякомъ случаѣ, лично я несогласенъ съ нею и не желалъ-бы, чтобы меня также причислили къ разряду *встлзъ*. Я думаю, что эта система способна нанести благосостоянію низшихъ классовъ населенія самый роковой и непоправимый ущербъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что мѣра, предлагаемая Юнгомъ, поощрила-бы размноженіе населенія, превышающее спросъ на трудъ въ гораздо большей степени, нежели существующіе теперь законы

о бѣдныхъ. Въ настоящее время неимущіе отказываются отъ супружества, предвидя, что имъ неизбежно придется прибѣгнуть къ приходскимъ вспомоществованіямъ. Они испытываютъ отвращеніе при мысли о необходимости явиться за подаваніемъ, не только изъ присущаго имъ благороднаго чувства независимости, но и въ слѣдствіе оскорбительной формы, въ которую облакается выдача пособій. Совсѣмъ иное произошло-бы, если-бы въ умѣ молодого работника, задумавшаго жениться, вмѣсто тягостнаго представленія о рабочемъ домѣ и приходскихъ властяхъ, явились обаятельныя мечтанія о клочкѣ земли и пасущейся на немъ коровѣ. Юнгъ много разъ повторяетъ, что одного желанія быть собственникомъ достаточно для того, чтобы побудить человѣка къ дѣятельному достиженію этого желанія. Было-бы странно, если-бы такого желанія оказалось недостаточно для вступленія въ супружество, т.-е. для такого предпріятія, къ которому, какъ показываетъ опытъ, люди не имѣютъ ни малѣйшаго отвращенія.

Вызванное усиленными браками населеніе подерживало-бы свою численность болѣе значительнымъ воздѣльваніемъ картофеля, а потому продолжало-бы возрастать независимо отъ спроса на трудъ. Не смотря на современное процвѣтаніе фабрикъ въ Англии и на многочисленныя препятствія для размноженія ея населенія, нѣтъ болѣе труднаго дѣла, какъ пріисканіе занятій для англійскихъ бѣдныхъ; при осуществленіи же проекта Юнга, это затрудненіе было-бы неизмѣримо больше.

Всюду, гдѣ, какъ въ Ирландіи, картофель со-

ставляетъ главную пищу народа и гдѣ каждый, желающій вступить въ бракъ, надѣляется небольшимъ полемъ, засѣявъ которое картофелемъ, онъ въ силахъ уже прокормить семью, во всѣхъ такихъ странахъ можно безплодно истратить все государственное достояніе на преміи за указаніе лучшаго способа для доставленія бѣднымъ работы: пока какое либо могущественное препятствіе не остановитъ быстрого размноженія населенія, вызываемаго указаннымъ порядкомъ вещей, можно быть увѣреннымъ, что физически невозможная разгадка не будетъ найдена.

Юнгъ полагаетъ, что при питаніи картофелемъ и молокомъ населеніе будетъ менѣ страдать отъ неурожаевъ. Я не понимаю, на чемъ основано такое мнѣніе. Конечно, люди, питающіеся исключительно картофелемъ, не могутъ страдать отъ неурожая хлѣба; но развѣ существуетъ какая нибудь несообразность въ предположеніи неурожая картофеля? Картофельное поле даетъ большее количество питательныхъ веществъ, чѣмъ всякое другое, поэтому, если картофель вдругъ сдѣлается преимущественною пищей народа, то въ первое время его производство будетъ превышать потребленіе и народъ будетъ имѣть этотъ продуктъ въ изобиліи. Но когда всѣ общинныя земли будутъ розданы, распространившійся обычай вступать въ бракъ въ молодыхъ годахъ вызоветъ самыя тягостныя и сложныя бѣдствія. Тогда, вслѣдствіе чрезвычайнаго размноженія населенія и истощенія источниковъ, доставляющихъ пропитаніе, среднее производство картофеля уже не будетъ превышать средній размѣръ потребленія и неурожай карто-

феля будетъ также возможенъ, какъ современный неурожай хлѣба. Но если онъ проявится, то причинить неизмѣримо большее бѣдствіе. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ, подобно Англии, народъ питается преимущественно такимъ цѣннымъ продуктомъ, какъ пшеница, въ случаѣ неурожая можно найти значительное подспорье въ другихъ продуктахъ. Ячмень, овесъ, рисъ, овощи и картофель въ такихъ случаяхъ оказываются менѣе дорогими, но все-же весьма здоровыми продуктами. Но когда народъ питается самыми дешевыми продуктами, то, въ случаѣ неурожая, ему остается одно только средство— питаться древесною корою, при чемъ огромное число людей, доведенныхъ до такой крайности, несомнѣнно, погибаетъ отъ голода и болѣзней.

Размѣръ заработной платы всегда будетъ управляться отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ труда. Во время преобладанія картофельной пицци предложеніе рабочихъ рукъ вскорѣ превыситъ спросъ на нихъ, а цѣна труда значительно понизится, въ слѣдствіе дешевизны продовольствія, которымъ онъ содержится. Въ результатъ получится лишь то, что обычный размѣръ заработной платы будетъ опредѣляться цѣною картофеля, вмѣсто цѣны пшеницы, которою онъ опредѣляется теперь, и страна покроется ирландскими лачугами и рубищами.

Когда спросъ на трудъ временно превосходитъ его предложеніе и когда заработная плата опредѣляется цѣною самаго дорогого питательнаго продукта, то, за удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей, у рабочихъ остается нѣкоторый излишекъ, который даетъ имъ возможность пріобрѣсти

приличныя помѣщенія и лучшую одежду. При измѣненіи-же этихъ условій въ томъ смыслѣ, что главною пищею населенія станетъ молоко и картофель, предложеніе труда постоянно будетъ превышать спросъ на него, а заработная плата будетъ опредѣляться цѣною этой дешевой пищи и всѣ преимущества, которыми раньше пользовались рабочіе, будутъ навсегда утрачены. Тогда никакія усилія благотворительности не въ силахъ уже будутъ предотвратить самой крайней, всеобщей нищеты.

И такъ, благо народа требуетъ, чтобы его обычная пища была дорогая и чтобы ею опредѣлялся размѣръ заработной платы, а на случай неурожая, чтобы онъ имѣлъ возможность замѣнить свою обычную пищу менѣе дорогимъ, но вполне здоровымъ продуктомъ. Для облегченія перехода отъ одной пищи къ другой, а также для отличія тѣхъ, которые прибѣгаютъ къ общественной благотворительности, по моему мнѣнію, было-бы весьма полезно примѣнить одну изъ предлагаемыхъ Юнгомъ мѣръ. Онъ совѣтуетъ „издать законъ, запрещающій выдавать въ пособіе иную пищу, кромѣ картофеля, рису и похлебки, при чемъ законъ этотъ объявить въ видѣ постоянной, а не временной мѣры“. Я не думаю, чтобы подобный законъ могъ обратить перечисленные продукты въ обычную пищу всей массы низшихъ классовъ народа. Но если-бы такой законъ облегчилъ, въ случаѣ неурожая, замѣну одного продукта другимъ, въ особенности-же, если-бы онъ способствовалъ установленію различія между вспомоствуемымъ и самостоятельнымъ работниками, полезное значеніе его не подлежало-бы сомнѣнію.

Такъ какъ употребленіе молока, картофеля и хлебки, какъ главной пищи народа, вызоветъ пониженіе заработной платы, то, быть можетъ, найдется такой безсердечный политикъ, который посоветуетъ принять подобную мѣру для того, чтобы имѣть возможность производить въ Англии и поставлять на европейскіе рынки товары по самой низкой, недопускающей конкуренціи, цѣнѣ. Я не могу одобрить подобныхъ побужденій. Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ болѣе отвратительнаго поступка, ккъ осужденіе рабочихъ классовъ своего отечества на крайнюю нищету изъ за желанія болѣе выгодно продать партію сукна и бумажныхъ матерій. Богатство и могущество націи имѣютъ какое либо значеніе лишь въ томъ случаѣ, если они содѣйствуютъ умноженію счастья всѣхъ людей, составляющихъ эту націю. Говоря это, я не имѣю въ виду уменьшить ихъ значеніе; напротивъ, я смотрю на нихъ, какъ на необходимое средство для достиженія такой цѣли. Но если-бы въ какомъ нибудь частномъ случаѣ подобная цѣль и подобныя средства для ея достиженія оказались въ совершенномъ противорѣчій, то разумъ не допускаетъ сомнѣнія въ томъ, какой выборъ необходимо сдѣлать *).

Изъ всѣхъ предложенныхъ и извѣстныхъ мнѣ проектовъ, сберегательныя кассы, въ тѣхъ размѣрахъ, которые для нихъ возможны, достигаютъ, по моему мнѣнію, лучше всего упроченія благосостоянія низшихъ классовъ населенія, ибо отъ такого рода учреждений, если они когда нибудь

*) Далѣе слѣдуетъ разсмотрѣніе проектовъ Овена непосредственно примыкающее къ разсужденію о сберегательныхъ кассахъ, написанному Мальтусомъ въ 1817 году.

распространятся во всей странѣ, мы въ правѣ ожидать дѣйствительнаго улучшенія положенія этихъ классовъ. Давая возможность каждому воспользоваться выгодами, вытекающими изъ его благоразумія и трудолюбія, эти учрежденія придаютъ особенное значеніе указаніямъ природы. Молодой человѣкъ, съ четырнадцати или пятнадцати лѣтъ сберегавшій часть своего заработка, въ надеждѣ жениться въ двадцать четыре года, несомнѣнно согласится отложить исполненіе своего намѣренія еще на два или на три года, въ томъ случаѣ, если этого потребуютъ обстоятельства—если хлѣбъ будетъ дорогъ, заработная плата низка или, наконецъ, если, на основаніи опыта, сбереженная имъ сумма будетъ представлять недостаточное обезпеченіе противъ нужды. Усвоеніе привычки къ сбереженію части заработка почти всегда сопровождается привычкою къ благоразумію и предусмотрительности.

Если-бы въ то-же время благотворительныя учрежденія, дающія возможность наивыгоднѣйшимъ образомъ употребить эти сбереженія, оказали содѣйствіе усвоеннымъ населеніемъ привычкамъ, то мы въ правѣ были-бы надѣяться, что среди колебаній, испытываемыхъ странюю относительно снабженія предметами потребленія, населеніе ея стало-бы согласоваться съ дѣйствительнымъ спросомъ на трудъ, что повлекло-бы къ уменьшенію страданій и бѣдности. Поэтому, средство это дѣйствуетъ на самый корень бѣдствій, конечно, соразмѣрно со степенью его распространенія.

Сберегательныя кассы, доставляя бѣднымъ возможность обходиться собственными силами въ случаѣ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, имѣютъ цѣ-

лю предупреденіе нищеты и зависимости. Эти учрежденія, въ связи съ хорошо направленной благотворительностью, при обычныхъ условіяхъ, вѣроятно, доставили-бы возможность достигнуть значительныхъ улучшеній. Но тамъ, гдѣ, какъ въ Англии, существуетъ громадное число бѣдныхъ, находящихся въ зависимости отъ одной лишь общественной благотворительности, — на сберегательныя кассы нельзя смотрѣть, какъ на учрежденія, могущія замѣнить налогъ въ пользу бѣдныхъ. Эти учрежденія бессильны разрѣшить задачу: *какимъ образомъ поддерживать существованіе неимущихъ, не увеличивая постоянно отношенія ихъ числа ко всему населенію*. Но если бы имѣлось въ виду совершенно отмѣнить или постепенно уменьшить налогъ въ пользу бѣдныхъ и другіе подобныя сборы, то сберегательныя кассы оказали-бы такому предпріятію существенное содѣйствіе и, въ свою очередь, сами получили-бы отъ него толчекъ къ дальнѣйшему развитію.

Учрежденія эти возникли въ эпоху всеобщихъ бѣдствій и самыхъ широкихъ приходскихъ вспомоствованій, слѣдовательно имъ пришлось бороться съ весьма неблагоприятными условіями. Но несмотря на эти препятствія, достигнутый ими успѣхъ можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ того, что въ эпоху большого благосостоянія и высокой заработной платы, а также при содѣйствіи сокращенія приходскихъ вспомоствованій, они должны значительно распространиться и оказать благотворное вліяніе на привычки населенія.

Для поощренія этихъ учрежденій недавно изданъ былъ парламентскій актъ, которымъ разрѣшается

выдача приходскаго пособія даже лицамъ, имѣющимъ вклады въ сберегательную кассу, если вклады эти не превышаютъ опредѣленной суммы и если на выдачу пособія послѣдуетъ согласіе мирового судьи. Этотъ законъ является плодомъ крайне узкой политики; временнымъ и ничтожнымъ выгодамъ онъ приноситъ въ жертву самый принципъ, служащій основаніемъ при учрежденіи сберегательныхъ кассъ. Мы хотимъ приучить работника полагаться исключительно на собственные силы и средства въ случаѣ нужды и въ тоже время мы награждаемъ его за сбереженія и ставимъ въ зависимость отъ пособій, прекратить которыя мы не можемъ рѣшиться. Подъ вліяніемъ названнаго закона успѣхъ сберегательныхъ кассъ служить только сомнительнымъ признакомъ доставляемой ими пользы; безъ него—каждый вкладъ въ эти учрежденія служилъ-бы доказательствомъ возрастающаго стремленія со стороны населенія выйти изъ подъ зависимости приходскихъ попечительствъ.

ХІІІ.

**О необходимости установить общіе принципы въ вопросѣ
объ улучшеніи участи бѣдныхъ.**

Юмъ замѣтилъ, что въ политикѣ, болѣе чѣмъ въ какой-либо иной наукѣ, внѣшніе признаки являются наиболѣе обманчивыми. Это въ особенности справедливо относительно той части политики, которая занимается улучшеніемъ участи низшихъ классовъ населенія.

Намъ прожужжали уши пустыми обвиненіями противъ теорій и ихъ авторовъ. Люди, ратующіе противъ теорій, кичатся своею приверженностью къ практикѣ и опыту. Необходимо согласиться, что плохая теорія—очень нехорошая вещь и что авторы такихъ теорій не только не приносятъ пользы, но нерѣдко даже причиняютъ обществу вредъ. Тѣмъ не менѣе крайніе защитники практическихъ методовъ не замѣчаютъ, что сами попадаютъ въ ловушку, отъ которой стараются предостеречь другихъ и большинство ихъ можетъ быть причислено къ авторамъ самыхъ зловредныхъ теорій. Когда человѣкъ передаетъ то, что онъ имѣлъ случай наблюдать, онъ тѣмъ самымъ

увеличиваетъ общую массу свѣдѣній и приноситъ пользу обществу. Но когда онъ дѣлаетъ общіе выводы или строитъ теорію на основаніи ограниченнаго наблюденія надъ фактами, имѣвшими мѣсто на его фермѣ или въ его мастерской, то онъ оказывается тѣмъ болѣе опаснымъ теоретикомъ, что опирается на наблюденіе, такъ какъ въ такихъ случаяхъ часто упускается изъ виду, что разумная теорія должна основываться на общихъ, а не на частныхъ фактахъ.

Быть можетъ, мало найдется вопросовъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ такъ много трудились, какъ надъ вопросомъ о средствахъ для улучшенія участи бѣдныхъ, и навѣрное не найдется ни одного, разрѣшеніе котораго было-бы столь-же неудачно. Разногласіе между теоретиками, именующими себя практиками и истинными теоретиками, заключается въ слѣдующихъ вопросахъ: для успѣшнаго разрѣшенія нашей задачи должно-ли ограничиться мелочнымъ надзоромъ за рабочими домами, наблюденіемъ за приходскими властями, строгимъ взысканіемъ за ихъ нерадѣніе, увеличеніемъ числа раздаваемыхъ порцій похлебки и картофеля? Или слѣдуетъ обратиться къ общимъ принципамъ, которые указали-бы намъ причины, почему всѣ наши попытки до сихъ поръ оказывались безуспѣшными и убѣдили-бы насъ, что вся принятая нами система въ самомъ своемъ основаніи ложна. Нѣтъ другого вопроса, къ которому-бы также рѣдко прилагались общіе принципы, а между тѣмъ сомнительно, чтобы нашелся другой, въ которомъ было-бы опаснѣе упустить ихъ изъ виду. Мое мнѣніе основывается на томъ, что нерѣдко частное

ли непосредственное слѣдствіе какой нибудь благотворительной мѣры находится въ противорѣчій съ общимъ и постояннымъ ея дѣйствиємъ.

Въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ округахъ сельскіе работники владѣютъ небольшими участками земли и имѣютъ обыкновеніе держать коровъ; замѣчено было, что во время послѣднихъ неурожаевъ нѣкоторые изъ этихъ работниковъ обошлись безъ приходскихъ вспомошествованій, а другіе получили ихъ въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ это нужно было ожидать. Согласно установившемуся обыкновенію разсматривать такіе вопросы съ узкой точки зрѣнія, изъ этого частнаго факта выведено было общее заключеніе, что если поставить всѣхъ работниковъ въ такія-же условія, они будутъ также благоденствовать и обойдутся безъ помощи со стороны своихъ приходовъ. Но такое заключеніе неправильно. Выгода, которую доставляютъ теперь нѣсколькимъ работникамъ содержаніе коровъ, зависитъ главнымъ образомъ именно отъ того, что этотъ обычай установился лишь въ нѣкоторыхъ округахъ, а какъ только онъ распространился-бы повсюду, такъ тотчасъ-же исчезла-бы обусловленная имъ выгода.

Положимъ, что фермеръ или землевладелецъ имѣетъ на своемъ участкѣ нѣсколько домовъ для рабочихъ. Если это человѣкъ добрый, любящій видѣть вокругъ себя счастливыхъ людей, онъ отвѣдетъ для каждаго дома клочекъ земли, достаточный для содержанія одной или двухъ коровъ и станетъ платить своимъ работникамъ высокую заработную плату. Въ слѣдствіе этого его работники будутъ жить въ довольствѣ и получать возможность воспитывать многочисленныя семейства. Но

может случиться, что участок этого землевладельца не требует столь значительнаго количества работниковъ. Если-бы этотъ великодушный чело-вѣкъ даже находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы щедро вознаграждать своихъ работниковъ, тѣмъ не менѣе онъ, вѣроятно, остерегся-бы содержать большее число ихъ, противъ того, сколько ему необходимо. Поэтому онъ не построилъ-бы домовъ для новаго поколѣнія рабочихъ, которые вынуждены были-бы оставить ферму и поселиться въ другомъ мѣстѣ. Пока это будетъ касаться лишь нѣсколькихъ семействъ, они легко найдутъ себѣ работу на сторонѣ, а оставшіеся на фермѣ работники будутъ находиться въ такомъ завидномъ положеніи, въ которомъ каждый желалъ-бы видѣть все населеніе страны. Но слишкомъ очевидно, что положеніе это не могло-бы сохранить своихъ выгодныхъ сторонъ, если-бы оно стало всеобщимъ, ибо въ такомъ случаѣ выселившіяся дѣти этихъ благоденствующихъ работниковъ нигдѣ не нашли-бы себѣ пріюта. Населеніе, очевидно, возрасло-бы свыше того количества, которое требуется городами и фабриками, а заработная плата всюду понизилась-бы. Необходимо обратить вниманіе еще на одно обстоятельство, содѣйствующее благосостоянію тѣхъ работниковъ, которые теперь содержатъ коровъ; это—выгоды, пріобрѣтаемыя ими продажею остающагося отъ собственнаго потребленія молока. Ясно, что эти выгоды значительно сократятся, если у всѣхъ работниковъ будутъ свои коровы. Хотя во время послѣднихъ неурожаевъ владельцы коровъ могли бороться съ нуждой при меньшемъ пособіи со стороны своихъ сосѣдей,

такъ какъ ихъ средства пропитанія не зависѣли отъ урожая хлѣба, но нѣтъ основанія думать, что, при всеобщемъ распространеніи подобной системы, неурожай кормовыхъ средствъ для скота или эпизоотія*), не привели-бы ихъ въ такое-же бѣдственное положеніе, какое испытали ихъ сосѣди отъ неурожая хлѣба. Это показываетъ съ какою осторожностью необходимо относиться къ подобнаго рода внѣшнимъ условіямъ и какъ нужно избѣгать въ подобныхъ вопросахъ общихъ заключеній изъ частныхъ наблюденій.

Существуетъ общество, имѣющее цѣлью вспоможеніе бѣднымъ и улучшеніе ихъ положенія. Принятый въ основаніе его дѣятельности принципъ, несомнѣнно, превосходенъ. Пробуждать стремленіе къ улучшенію своего положенія (стремленіе, которое является главнымъ стимуломъ промышленности), — это безспорно вѣрнѣйшій путь для улучшенія участи низшихъ классовъ населенія. Нельзя не согласиться съ Бернардомъ, доказывающимъ, что все, что создаетъ и укрѣпляетъ среди бѣдныхъ привычку къ трудолюбію, благоумію, предусмотрительности, добродѣтели, чистоплотности, — полезно, какъ для нихъ самихъ, такъ и для всей страны, и, наоборотъ, все, что ослабляетъ эти склонности, одинаково вредно, какъ для общества, такъ и для частнаго лица.

*) Въ настоящее время, если бѣдный поселянинъ потеряетъ корову, ему стараются помочь путемъ подписки въ его пользу, а такъ какъ потеря для него весьма чувствительна, то подписка, обыкновенно, сопровождается усѣхомъ. Но если обладаніе коровой станетъ повсемѣстнымъ явленіемъ, то такого рода потери будутъ происходить столь часто, что ихъ уже нельзя будетъ вознаграждать чрезъ подшаску и многія достаточныя семейства будутъ впадать въ бѣдность.

Прим. автора.

Бернардъ вообще, кажется, вполне сознаетъ затрудненія, которыя общество призвано побѣдить, и, однако-же, онъ, повидимому, не могъ остеречься отъ общей опасности и сдѣлалъ общій выводъ изъ частныхъ и недостаточныхъ наблюденій. Я не буду останавливаться на разсмотрѣнннхъ различныхъ проектовъ, въ которыхъ предложены были продажа по дешевымъ цѣнамъ съѣстныхъ припасовъ, устройство приходскихъ магазиновъ, учрежденіе мастерскихъ. Успѣхъ подобныхъ предпріятій обуславливается тѣмъ, что они являются частными явленіями, кругъ дѣйствій которыхъ ограничивается нѣсколькими семьями или нѣсколькими приходами. Но какъ только эти предпріятія получили-бы всеобщее распространеніе, такъ тотчасъ-же доставляемыя ими выгоды исчезли-бы, такъ какъ они вызвали-бы пониженіе заработной платы. Я ограничусь однимъ только замѣчаніемъ, имѣющимъ болѣе широкое значеніе. На основаніи опыта утверждаютъ, что наиболѣе вѣрное средство улучшить положеніе бѣдныхъ, это—доставить имъ помощь на дому и взять отъ родителей дѣтей, чтобы какъ можно ранѣе отдать ихъ въ обученіе, или вообще доставить имъ какое нибудь подходящее занятіе. Я думаю, что это, дѣйствительно, лучшая мѣра и вѣрнѣйшее средство оказать помощь надлежащую и согласную съ требованіями обстоятельствъ. Но не трудно замѣтить, что эта мѣра требуетъ особеннаго благоразумія, которое не можетъ быть общимъ правиломъ и не можетъ служить основаніемъ всякой дѣятельности. Кромѣ того она вызываетъ тоже возраженіе, какое мы сдѣлали по поводу системы снабженія коровами и

постановленія 43 года царствованія Елисаветы, предписывающаго приходамъ доставлять занятіе дѣтямъ бѣдныхъ и заботиться объ ихъ нуждахъ. Отдѣльный приходъ, въ которомъ всѣ дѣти будутъ взяты отъ родителей и устроены подходящимъ для ихъ возраста образомъ, воспользуется благосостояніемъ; но если-бы подобная мѣра стала всеобщей, и всѣ бѣдные получили-бы право рассчитывать на нее, то вскорѣ всѣ роды дѣятельности были-бы заняты дѣтьми и осаждались-бы вновь пришедшими. Нѣтъ надобности указывать неизбѣжныя послѣдствія такого порядка вещей.

Очевидно, что при содѣйствіи денегъ и великодушныхъ усилій со стороны богатыхъ, можно достигнуть существеннаго улучшенія положенія всѣхъ семей прихода, даже отдѣльнаго округа. Но стоитъ вдуматься, чтобы убѣдиться, что средство это окажется безсильнымъ, когда мы захотимъ приложить его ко всей странѣ, если при этомъ не будетъ учреждено правильное выселеніе избытка населенія, или если не рассчитывать встрѣтить среди бѣдныхъ особую добродѣтель, которая обыкновенно уничтожается именно такими пособіями. О технической предприимчивости и ловкости можно сказать почти тоже, что и о деньгахъ. Человѣкъ, обладающій этими качествами въ большей степени, чѣмъ окружающіе его люди, обезпеченъ въ средствахъ существованія; но если-бы всѣ развили эти качества въ такой-же степени, какъ онъ, то его преимущество утратилось-бы, и онъ уже не былъ-бы предохраненъ отъ нужды. Юмъ впадаетъ въ крупную ошибку, утверждая, что „почти всѣ физическія и нравственныя бѣдствія человѣческой жизни порож-

даются лѣнностью“, и что для облегченія этихъ бѣдствій было-бы достаточно, если-бы всѣ люди были одарены тою степенью технического мастерства, которая приобрѣтена нѣкоторыми изъ нихъ путемъ упражненія и размышленія*). Такая высокая степень мастерства и предприимчивости, если-бы она была удѣломъ всего человѣческаго рода, но не была-бы соединена съ другою добродѣтелью, о которой Юмъ и не упоминаеть, не могла-бы освободить общество отъ гнетущей его бѣдности и тягостнаго чувства нужды. Въ числѣ всѣхъ физическихъ и нравственныхъ бѣдствій, едва-ли отыскалось-бы хоть одно, которое могло-бы быть отстранено тѣмъ новымъ даромъ, который Юмъ желалъ-бы присвоить людямъ.

Я понимаю, что противъ моихъ разсужденій можно привести возраженіе, подкупающее своею кажущеюся справедливостію. Мнѣ могутъ сказать, что подобныя разсужденія являются нападкомъ вообще на всѣ виды благотворительности, ибо, по самой сущности вещей, нельзя оказать частнаго вспоможенія нѣсколькимъ немущимъ, не измѣняя въ тоже время ихъ относительнаго положенія въ обществѣ, т.-е. не унижая настолько-же другихъ. Мнѣ могутъ сказать, далѣе, что наибольшую бѣдность совершенно естественно можно встрѣтить среди людей, обремененныхъ семействомъ; а такъ какъ мы должны помогать не богатымъ, а находящимся въ нуждѣ людямъ, то, желая исполнить обязанности милосердія, мы естественно будемъ помогать людямъ, обремененнымъ семействами и тѣмъ самымъ станемъ поощрять браки и размноженіе населенія.

*) Dialogues on natural religion. XI. p. 212.

Я уже имѣлъ случай замѣтить и вынужденъ вновь повторить, что въ такого рода вопросахъ общіе принципы не должны вести за предѣлы, указываемые благоразуміемъ, хотя эти предѣлы никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду. Нерѣдко можетъ случиться, что польза, проистекающая отъ достигнутаго нами облегченія положенія бѣднаго, превышаетъ то зло, которое можетъ быть вызвано въ послѣдствіи нашимъ поступкомъ. Сюда, очевидно, относится и тотъ случай, когда бѣдствія, испытываемыя человѣкомъ, которому мы оказываемъ помощь, произошли не въ слѣдствіе его лѣности или непредусмотрительности. Вообще существуетъ одинъ только видъ благотворительности, относительно котораго необходимо сказать, что онъ до такой степени нарушаетъ общіе принципы, что вызываемыя имъ послѣдствія приносятъ еще большій вредъ, чѣмъ частное зло, устраненіе котораго имѣлось въ виду. Такую искаженную благотворительность, несомнѣнно, представляютъ вспомошествованія, выдаваемыя *систематически и въ определенныхъ размѣрахъ*, на которыя всякій бѣдный, каково-бы ни было его поведеніе, имѣетъ право разсчитывать.

Я уже имѣлъ случай упоминать, что помимо благотворнаго вліянія неожиданнаго, благоразумнаго вспомошествованія, можно принести значительную помощь введеніемъ системы общаго образованія; я особенно настаиваю на этой мысли и намѣренъ постоянно подтверждать ее, ибо все, что будетъ сдѣлано въ этомъ направленіи, принесетъ громадную пользу. *Образованіе принадлежитъ къ числу тѣхъ благъ, которыми можетъ поль-*

зваться каждый, не только не причиняя этимъ вреда другимъ, но, наоборотъ, доставляя имъ пользу. Я полагаю, что путемъ образованія челоуѣкъ пріобрѣтаетъ ту благородную гордость, тотъ здравый смыслъ и честный образъ мыслей, которые способны удержатъ его отъ обремененія общества семьей, если нѣтъ средствъ для ея прокормленія; поведеніе такого челоуѣка служить примѣромъ для всѣхъ окружающихъ и содѣйствуетъ улучшенію ихъ положенія, на сколько это достижимо при посредствѣ индивидуальнаго воздѣйствія. Противоположное поведеніе, обусловливаемое дурнымъ воспитаніемъ и невѣжествомъ, оказываетъ обратное дѣйствіе.

Возвращаясь къ разсмотрѣнію различныхъ проектовъ, предложенныхъ съ цѣлью улучшенія участи бѣдныхъ, я не могу представить себѣ, чтобы можно было этого достигнуть путемъ заведенія для неимущихъ особыхъ помѣщеній или котѣджей. Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы эти помѣщенія не превышали по своимъ размѣрамъ потребностей одной лишь семьи, а по числу—требующагося въ данный моментъ количества работниковъ. Одно изъ благодѣтельныхъ и менѣе всего вредныхъ препятствій къ заключенію раннихъ браковъ въ Англии, состоитъ въ затрудненіяхъ пріобрѣсти себѣ котѣджъ, а также въ похвальной привычкѣ работниковъ воздерживаться нѣсколько лѣтъ отъ браковъ и ожидать пока не освободится такой котѣджъ, вмѣсто того, чтобы удовлетворяться грязной землянкой, какъ это дѣлаютъ ирландцы^{*)}.

*) Опасенія прихода, какъ-бы не увеличилось число его бѣдныхъ, нѣрѣдко мѣшаетъ работникамъ свободно выбирать себѣ мѣ-

Противъ системы надѣленія бѣдныхъ коровами въ сущности нельзя было - бы ничего возразить, если-бы она примѣнялась въ ограниченныхъ размѣрахъ. Но если ея желаютъ замѣнить налогъ въ пользу бѣдныхъ, если хотять, чтобы каждый работникъ пользовался правомъ на получение такого количества земли и коровъ, которое соотвѣтствовало-бы численности его семейства, или если намѣреваются при помощи этой системы отклонить населеніе отъ потребления пшеницы и заставить его замѣнить этотъ продуктъ молокомъ и картофелемъ, — то я нахожу, что эта система противорѣчитъ цѣли, для которой она предназначается. Если-бы она имѣла въ виду ограниченную цѣль — улучшить положеніе наиболѣе трудолюбивыхъ и честныхъ работниковъ, или удовлетворить такія неотложныя требованія неимущихъ, какъ снабженіе дѣтей молокомъ, то она могла-бы оказать несомнѣнную пользу и явиться могущественнымъ средствомъ для поощренія трудолюбія, бережливости и благоразумія. Но для достиженія столь благотворной цѣли, подобное вспомошествованіе должно примѣняться лишь къ опредѣленному числу бѣдныхъ, избранныхъ изъ различныхъ приходоу, при чемъ самый выборъ долженъ производиться соотвѣтственно доброму поведенію, а не исключительно во вниманіе къ бѣдственному положенію или большо-

стожительству. Такимъ образомъ, англійскіе законы о бѣдныхъ различными способами стараются ослабить свое собственное стремленіе къ поощренію размноженія населенія. Приведенное обстоятельство служитъ нагляднымъ примѣромъ. Несомнѣнно, только такими стѣснительными условіями можно объяснить продолжительное существованіе англійскаго законодательства о бѣдныхъ и меньшее, чѣмъ это можно было ожидать, количество призываемыхъ имъ бѣдствій.

му числу дѣтей. Кромѣ того желательно установить правило, по которому бережливый работникъ, съумѣвшій приобрести корову на собственные средства, пользовался-бы преимуществами передъ тѣмъ, который получилъ ее безвозмездно отъ прихода.

Желаніе обладать участкомъ земли представляется такимъ побужденіемъ къ трудолюбію и бережливости, что мы были-бы неправы, если-бы не воспользовались имъ, на сколько это возможно. Но не слѣдуетъ при этомъ забывать, что полезное дѣйствіе этого побужденія зависитъ главнымъ образомъ отъ усилій, употребленныхъ для приобретения и сохраненія подобной собственности. При отсутствіи усилій и самое дѣйствіе уже не столь благотворно. Если-бы всякій лѣнливый, обремененный семьею человекъ, былъ увѣренъ, что по первому требованію получить корову и участокъ земли, то я увѣренъ, что къ подобной собственности относились-бы съ крайнимъ пренебреженіемъ.

Утверждаютъ, что сельскіе работники, имѣющіе коровъ, болѣе трудолюбивы и ведутъ болѣе правильную жизнь, чѣмъ тѣ, которые не имѣютъ ихъ. Это весьма вѣроятно и соответствуетъ справедливымъ ожиданіямъ. Но дѣлаемое изъ этого заключеніе, что надѣленіе работниковъ коровами является лучшимъ средствомъ сдѣлать ихъ трудолюбивыми, далеко не обладаетъ тою-же вѣроятностью. Большинство работниковъ, владѣющихъ въ настоящее время коровами, приобрѣло ихъ цѣною своего трудолюбія. Справедливѣе поэтому сказать, что трудолюбіе доставило имъ коровъ, чѣмъ утверждать обратное—что коровы развили въ нихъ стремленіе къ трудолюбію. Впрочемъ, дѣ-

лая это замѣчаніе, я вовсе не желаю отрицать того обстоятельства, что внезапное надѣленіе земельною собственностью способно иногда пробудить наклонности къ трудолюбію.

Благотворные результаты усвоенной нѣкоторыми работниками привычки держать коровъ, въ дѣйствительности вызваны ограниченнымъ распространеніемъ этой привычки. Даже въ тѣхъ округахъ, гдѣ больше всего такихъ работниковъ, число ихъ все-же незначительно, сравнительно съ общимъ населеніемъ каждаго прихода. Чаще всего это—лучшіе работники, имѣвшіе возможность приобрести коровъ на собственные деньги. Къ тому-же выгоды ихъ положенія скорѣе относительны, чѣмъ положительны. Поэтому, замѣченное среди нихъ трудолюбіе и нѣкоторое довольство не дасть еще основанія для поспѣшнаго вывода, что мы можемъ внушить такое-же трудолюбіе и довольство всему населенію, путемъ надѣленія его коровами. Ничто такъ не способствуетъ распространенію заблужденій, какъ привычка смѣшивать относительное съ безусловнымъ или принимать слѣдствіе за причину.

Быть можетъ, мнѣ возразятъ, что всякая мѣра, направленная къ улучшенію положенія бѣдныхъ сельскихъ работниковъ, всякая попытка поставить ихъ въ возможность держать коровъ, не замедлитъ дать имъ средства для содержанія большаго числа дѣтей и что, слѣдовательно, эти мѣры окажутъ поощреніе размноженію населенія, или, иными словами, нарушатъ тотъ самый принципъ, который мы старались установить.

Но, если мнѣ удалось разъяснить моимъ читателямъ главную цѣль этого сочиненія, они безъ

труда поймутъ, что, совѣтуя не рождать большаго числа дѣтей, чѣмъ какое можетъ быть прокормлено страной, я желаю достигнуть именно того, чтобы всѣ рождающіяся дѣти были накормлены и воспитаны. По самой сущности вещей невозможно оказать бѣднымъ какое-бы то ни было вспоможеніе, не поставивъ ихъ тѣмъ самымъ въ возможность сохранить лучше своихъ дѣтей и большее ихъ число довести до зрѣлаго возраста. Но это-то именно и желательно болѣе всего, какъ для всего общества, такъ и для отдѣльныхъ людей. Потеря ребенка, въ слѣдствіе нищеты, неизбежно сопровождается глубокими страданіями родителей. Разсматривая-же вопросъ съ точки зрѣнія общественнаго интереса, необходимо признать, что всякій ребенокъ, умирающій ранѣе десятилѣтняго возраста, причиняетъ обществу потерю всего потребленнаго имъ продовольствія. Поэтому наша главная цѣль во всякомъ случаѣ должна заключаться въ уменьшеніи смертности во всѣхъ возрастахъ, а достиженіе подобной цѣли невозможно безъ увеличенія населенія путемъ доведенія до зрѣлаго возраста тѣхъ дѣтей, которые прежде погибали, не достигнувъ его. Съ этою цѣлью мы прежде всего должны глубоко запечатлѣть въ памяти нарождающагося поколѣнія слѣдующее правило: если оно желаетъ воспользоваться тѣми-же удобствами, которыми пользовались его родители, оно обязано отложить время своего вступленія въ бракъ до той поры, пока не приобрѣтетъ возможность содержать семью. Если-же намъ не удастся достигнуть этого, то нужно сознаться, что всякія другія усилія наши въ этомъ направленіи будутъ на-

прасною потерей времени. Было-бы противно законамъ природы, если-бы происходило общее и непрерывное улучшение положенія бѣдныхъ, безъ того, чтобы предупредительныя препятствія для размноженія населенія не приобрѣли большей противъ прежняго силы. До тѣхъ поръ, пока это препятствіе не станетъ дѣйствовать съ большей силою, всѣ наши великодушныя усилія въ пользу бѣдныхъ не будутъ въ состояніи принести имъ ничего иного, кромѣ частнаго и временнаго облегченія. Уменьшеніе смертности въ данную минуту будетъ искуплено возрастаніемъ смертности въ будущемъ; улучшение положенія бѣдныхъ въ одномъ мѣстѣ будетъ сопровождаться соотвѣтственнымъ ухудшеніемъ въ другомъ. Эта важная, но плохо усвоенная истина, требуетъ безпрестаннаго повторенія.

Докторъ Палей, говоря въ своей „Нравственной Философіи“ о народонаселеніи и продовольствіи, замѣчаетъ, что самое благопріятное условіе для размноженія населенія страны, и въ тоже время для увеличенія его благосостоянія, состоитъ въ томъ, „чтобы бережливый и трудолюбивый народъ посвящалъ свою дѣятельность на удовлетвореніе требованій богатаго и пристрастнаго къ роскоши народа“^{*)}). Такое положеніе народа, нужно сознаться,

*) Нѣкоторые мѣста „Естественной Теологіи“, изданной позднѣе тѣмъ-же авторомъ, указываютъ на то, что послѣдующія размышленія, повидимому, побудили его измѣнить свои первоначальныя воззрѣнія. Въ этомъ сочиненіи онъ весьма основательно замѣчаетъ, что человѣчскій родъ всюду размножается до той поры, пока не дойдетъ до извѣстной степени нужды. Но, принявъ такое положеніе, необходимо заключить, что наибольшимъ счастьемъ пользуется та страна, въ которой менѣе всего чувствуется эта нужда. Такимъ

не представляет ничего привлекательнаго. Если существует подобный порядокъ вещей, то только безусловная необходимость можетъ принудить переносить его. Десять миллионовъ людей, обреченныхъ на безустанный трудъ и лишеніе всего, что переходитъ предѣлы крайней необходимости, ради доставленія миллиону другихъ людей всѣхъ излишествъ роскоши — какая поистинѣ печальная картина совершенствованія, котораго можетъ достигнуть человѣческое общество! Къ счастью такая будущность ему не предназначена. Нѣтъ никакой необходимости въ томъ, чтобы богатые предавались чрезмѣрной роскоши для поддержанія фабрикъ и чтобы бѣдные лишали себя всякихъ удобствъ для поддержанія населенія. Наиболье полезныя во всѣхъ отношеніяхъ фабрики, это тѣ, которыя служатъ для удовлетворенія потребностей всей массы населенія. Наоборотъ, тѣ, которыя удовлетворяютъ потребности богатыхъ, не только имѣютъ меньшее значеніе, въ слѣдствіе ограниченнаго спроса ихъ издѣлій, но представляютъ еще то неудобство, что часто обусловливаютъ большія бѣдствія, благодаря измѣнчивости моды, которою онѣ управляются. Умѣренная роскошь, равномерно распространенная между всѣми классами общества, а не чрезмѣрная роскошь небольшой группы людей, необходима для счастья и благоденствія народа. То, что докторъ Палей принимаетъ за настоящее зло, порождаемое роскошью, за дѣйствительную опасность, которою она грозитъ, то именно я считаю

образомъ, если роскошь, распространяясь и ускоряя дѣйствіе пренія, вызываетъ нѣкоторое уменьшеніе нужды, то она съ этой точки зрѣнія оказывается полезною. Прим. автора.

доставляемымъ роскошью благомъ и особенными, связанными съ нею выгодами. Если согласиться, что во всякомъ обществѣ, ненаходящемся въ положеніи новой колоніи, населеніе неизбѣжно должно сдерживаться какимъ нибудь могущественнымъ препятствіемъ; если, съ другой стороны, наблюденіе намъ показало, что стремленіе къ довольству и жизненнымъ удобствамъ удерживаетъ многихъ людей отъ брака, изъ опасенія лишиться этихъ удобствъ, то необходимо признать, что повсемѣстное распространеніе такого стремленія къ жизненнымъ удобствамъ, является менѣе всего предосудительнымъ для счастья и добродѣтели препятствіемъ къ заключенію браковъ. Поэтому всеобщее распространеніе умѣренной роскоши весьма желательно, какъ лучшее средство для ограниченія бѣдствій и нищеты, о которыхъ упоминалось ранѣе.

Вообще замѣчено, что среднее положеніе въ обществѣ наиболѣе благопріятно для развитія добродѣтели, промышленности и всякаго рода дарованій. Но, очевидно, всѣ люди не могутъ принадлежать къ среднему классу. Высшіе и низшіе классы неизбѣжны и притомъ весьма полезны. Если-бы въ обществѣ не было надежды на повышение и опасенія понизиться, если-бы за трудолюбіемъ не слѣдовало вознагражденіе, а за лѣнностью—наказаніе, то не было-бы той дѣятельности и усердія, которыя побуждаютъ каждого человѣка къ улучшенію своего положенія и которыя являются главнымъ двигателемъ общественнаго благополучія. Но, разсматривая положеніе европейскихъ государствъ, мы найдемъ въ нихъ значительное различіе въ относительной численности высшихъ,

среднихъ и низшихъ классовъ общества; а если судить по послѣдствіямъ, вытекающимъ изъ этого различія, то мы увидимъ, что благосостояніе ихъ усиливается по мѣрѣ увеличенія численности средняго класса. Если-бы низшіе классы населенія приобрѣли привычку соразмѣрять количество труда, предлагаемаго ими въ то время, когда заработная плата остается неподвижной или даже понижается, не вызывая, какъ теперь, увеличенія нищеты и смертности, то можно было-бы надѣяться, что въ будущемъ техническія усовершенствованія, послужившія къ сбереженію труда и уже сдѣлавшія такіе быстрые успѣхи, могли-бы удовлетворить потребностямъ самаго благоденствующаго общества, и при томъ, при меньшихъ усиліяхъ личнаго труда, чѣмъ какія необходимы въ настоящее время для достиженія той-же цѣли; и если работникъ не будетъ и тогда вполне освобожденъ отъ тяжелаго труда, на который онъ обреченъ теперь, то, по крайней мѣрѣ, число людей, обремененныхъ такимъ трудомъ, будетъ меньше. При такомъ замѣщеніи низшихъ классовъ средними, всякій работникъ имѣлъ-бы право надѣяться на улучшеніе своего положенія собственными силами и прилежаніемъ. Трудолюбіе и добродѣтель чаще получали-бы вознагражденіе. Въ громадной общественной лотереѣ оказалось-бы больше выигрышей и меньше пустыхъ билетовъ. Словомъ, общая сумма счастья, очевидно, возрасла-бы.

Однако-же, для того, чтобы надежды эти не оказались напрасными, чтобы бѣдствія, обыкновенно сопровождающія неподвижный или уменьшающійся спросъ на трудъ, не разбили нашихъ ожиданій,

необходимо, чтобы бѣдный обладалъ благоразуміемъ, которое удерживало-бы его отъ вступленія въ бракъ до той поры, пока заработная плата, вмѣстѣ съ его сбереженіями, не дастъ ему возможности содержать жену и шестерыхъ дѣтей, не прибѣгая для этого къ вспомошествованіямъ. Такое благоразуміе оказалось - бы во всѣхъ отношеніяхъ благотворнымъ и самымъ поразительнымъ образомъ улучшило-бы положеніе низшихъ классовъ народа.

Мнѣ могутъ возразить, что все это благоразуміе можетъ оказаться бесполезнымъ, такъ какъ вступающій въ бракъ не можетъ предвидѣть, сколько у него будетъ дѣтей и не будетъ-ли ихъ больше шести. Это справедливо и въ такомъ случаѣ, я полагаю, не было-бы никакого неудобства въ томъ, чтобы выдавать пособіе на каждаго ребенка сверхъ этого числа, но не въ видѣ вознагражденія за многочисленное семейство, а для облегченія бремени, которое онъ не могъ предвидѣть при своемъ вступленіи въ бракъ. Слѣдовательно, и размѣръ пособія долженъ быть таковъ, чтобы поставить его въ одинаковое положеніе съ тѣмъ, который имѣетъ шесть члoвѣкъ дѣтей. По поводу указа Людовика XIV, предоставлявшаго нѣкоторыя преимущества тѣмъ, у кого будетъ десять или двѣнадцать дѣтей, Монтескье замѣчаетъ, что подобныя постановленія безсильны поощрить возрастаніе населенія. Та самая причина, которая заставляетъ его порицать законъ Людовика XIV, побуждаетъ меня утверждать, что его можно было-бы принять безъ всякой опасности. Вѣроятно, этотъ законъ помогъ нѣсколькимъ лицамъ, заслуживающимъ поддержки, но и въ то же время несомнѣнно, что онъ никоимъ образомъ не могъ поощрить браки.

Если въ отдаленномъ будущемъ бѣдные приобретутъ привычку благоразумно относиться къ вопросу о бракѣ, что оказывается единственнымъ средствомъ для общаго и непрерывнаго улучшенія ихъ участи, я не думаю, чтобы даже самый ограниченный политикъ нашелъ поводъ бить тревогу о томъ, что, благодаря высокой заработной платѣ, наши соперники будутъ производить товары дешевле насъ и могутъ вытѣснить насъ съ заграничныхъ рынковъ. Четыре обстоятельства предупредили-бы, или уравновѣсили бы такое послѣдствіе: 1) болѣе низкая и равномерная цѣна продовольствія, спросъ на которое рѣже превышалъ-бы предложеніе; 2) уничтоженіе налога въ пользу бѣдныхъ освободило-бы земледѣліе отъ бремени, а заработную плату отъ бесполезной прибавки; 3) общество сберегло-бы громадныя суммы, бесполезно расходуемыя на дѣтей, умирающихъ преждевременною смертью отъ нищеты, и 4) всеобщее распространеніе привычки къ труду и бережливости, въ особенности между холостыми людьми, предупредило-бы лѣность, пьянство и расточительность, которыя въ настоящее время нерѣдко являются послѣдствіемъ высокой заработной платы.

XIV.

**О надеждахъ, которыя мы можемъ питать относительно
улучшенія общественнаго устройства.**

Желая бросить послѣдній общій взглядъ на будущее и опредѣлить наши надежды относительно уменьшенія страданій, порождаемыхъ закономъ народонасенія, намъ прежде всего предстоитъ остановиться на слѣдующемъ соображеніи: хотя размноженіе населенія въ геометрической прогрессіи представляетъ неоспоримый законъ, хотя періодъ удвоенія, обусловливаемый такимъ размноженіемъ, въ случаѣ, если ничто не препятствуетъ ему, принять въ этомъ сочиненіи весьма умѣренный, необходимо признать, что возрастаніе населенія задерживалось успѣхами цивилизаціи. Число городовъ и фабрикъ возрастаетъ, а на измѣненіе условій существованія въ нихъ, трудно разсчитывать. Конечно, мы обязаны стараться, насколько это отъ насъ зависитъ, чтобы они не сокращали продолжительности жизни, но врядь-ли мы будемъ въ состояніи достигнуть когда нибудь того, чтобы пребываніе въ городахъ и работа на фабрикахъ были такъ-же здоровы, какъ жизнь въ деревняхъ и сельскія занятія. Дѣйствуя, какъ силы разрушительныя, города и фабрики, тѣмъ самымъ умень-

шаютъ необходимость препятствій, предупреждающихъ размноженіе населенія. Во всѣхъ старыхъ государствахъ значительное число возмужалыхъ лицъ проводитъ нѣсколько лѣтъ внѣ брачной жизни. Обязанность подчиняться въ теченіи этого времени общественнымъ законамъ нравственности никогда не оспаривалась, хотя на практикѣ она нерѣдко нарушалась. Въ этомъ сочиненіи мнѣ почти не представлялось случая настаивать на этой именно части той обязанности, которую я называлъ нравственнымъ обузданіемъ и на которую старался обратить вниманіе. Въ этомъ отношеніи основанія этой обязанности тѣ-же, какія были раньше, — я ничего не прибавилъ къ ней и ничѣмъ ее не ослабилъ. Зная, какъ мало она обращала до сихъ поръ на себя вниманіе, я заслуживалъ-бы названіе мечтателя, если-бы надѣялся въ этомъ отношеніи на какое нибудь значительное улучшеніе.

Часть обязанностей, налагаемыхъ нравственнымъ обузданіемъ, которая составляла главный предметъ нашихъ предъидущихъ разсужденій, не имѣетъ отношенія къ нашему поведенію во время внѣбрачной жизни; мы говорили лишь о продолжительности внѣбрачной жизни и настаивали на томъ, что послѣдняя должна быть каждымъ продлена до той поры, пока не явится полная возможность содержать семью. Нимало не увлекаясь, мы въ правѣ высказать надежду на нѣкоторое улучшеніе въ этомъ отношеніи человѣческаго общества, ибо опытъ показываетъ, что благоразуміе, предписываемое подъ именемъ нравственнаго обузданія, болѣе или менѣе соблюдалось въ различныхъ странахъ, измѣняясь сообразно времени и обстоятельствамъ.

Въ Европѣ и въ особенности въ сѣверныхъ ея государствахъ, въ этомъ отношеніи, несомнѣнно, произошла замѣтная перемѣна съ тѣхъ поръ, какъ въ нихъ прекратились выселенія, воинственные наклонности и духъ предприимчивости, которымъ они были охвачены. Постепенное ослабленіе, можно сказать даже совершенное прекращеніе чумы, такъ часто посѣщавшей Европу въ продолженіе семнадцатаго и въ началѣ восемнадцатаго вѣка, произвело такую-же перемѣну. Въ Англіи отношеніе браковъ къ количеству населенія несомнѣнно уменьшилось съ тѣхъ поръ, какъ улучшились города, эпидеміи стали менѣе часты, и привычка къ чистоплотности сдѣлалась всеобщею. Во время послѣднихъ неурожаевъ, испытанныхъ этою страной въ 1800 и 1801 гг., заключено было наименьшее число браковъ. Тѣ-же причины, которыя удерживали въ эти годы многихъ людей отъ вступленія въ бракъ, могутъ оказать такое-же дѣйствіе въ будущемъ, если, благодаря оспопрививанію, число дѣтей, достигающихъ зрѣлаго возраста, увеличится настолько, что вполне удовлетворитъ требованія производства, понизитъ заработную плату и затруднитъ содержаніе семьи. Говоря вообще, поведение людей въ вопросѣ о бракѣ всегда было лучше ихъ теорій. Не смотря на то, что много говорилось въ пользу мнимой обязанности жениться, и что на обычай вступать въ бракъ въ раннемъ возрастѣ часто указывали, какъ на средство для предупрежденія порока и по этой причинѣ считали этотъ обычай полезнымъ,—каждый человекъ, тѣмъ не менѣе, признавалъ для себя необходимымъ, прежде чѣмъ рѣшиться на этотъ важный шагъ, подумать

о томъ, будетъ-ли онъ имѣть достаточно средствъ для прокормленія своего будущаго семейства.

Жизненная сила (*vis medicatrix reipublica*). одушевляющая и поддерживающая здоровье всего государственнаго организма, или, другими словами, стремленіе улучшить свою судьбу и опасеніе ухудшить ее, не переставали направлять людей по вѣрному пути, указываемому природою, вопреки пустымъ разглагольствованіямъ тѣхъ, которые пытались сбить людей съ этого вѣрнаго пути. Могушественное начало политической силы и здоровья, которое представляетъ собою ничто иное, какъ бессознательное предчувствіе законовъ природы и послѣдствій ихъ нарушенія, имѣло во всей Европѣ большое вліяніе на усиленіе побужденій, противопоставляемыхъ благоразуміемъ браку. Нѣтъ разумныхъ основаній не вѣрить тому, что это вліяніе будетъ возрастать и распространяться, а если при этомъ оно не усилитъ пороковъ, нарушающихъ цѣломудріе, то въ результатѣ получится возрастаніе всеобщаго счастья. Что-же касается опасеній, чтобы эти пороки не усилились, то въ этомъ отношеніи мы можемъ утѣшать себя мыслью, что европейскія страны, въ которыхъ браки наименѣе часты, въ тоже самое время не отличаются большею порочностью. Норвегія, Швейцарія, Англія и Шотландія, насколько мнѣ извѣстно, принадлежать къ числу странъ, въ которыхъ предупредительныя препятствія дѣйствуютъ съ особенной силою. Не настаивая на особенно добродѣтельныхъ нравахъ этихъ странъ, я сомнѣваюсь, чтобы кто нибудь сталъ приводить ихъ въ примѣръ исключительной порочности. На основаніи моихъ немногочислен-

ныхъ свѣденій о континентѣ, я скорѣе готовъ признать эти страны примѣромъ противнаго и предположить, что женщины въ нихъ обладаютъ большимъ самоуваженіемъ, а потому мужчины менѣе порочны. Опытъ доказываетъ, что физическія и нравственныя причины сглаживаютъ пагубное дѣйствіе, которое мы естественно готовы ожидать отъ препятствій, противопоставляемыхъ благоразуміемъ браку. Но, допуская даже существованіе такого пагубнаго дѣйствія, какъ это, вѣроятно, и есть въ дѣйствительности, мы все-таки готовы повторить, что уменьшеніе пороковъ, порождаемыхъ нищетою, явится достаточнымъ вознагражденіемъ за зло, которое мы имѣли основаніе предвидѣть. Въ этомъ случаѣ выгоды, доставляемыя наименьшею смертною и наибольшимъ всеобщимъ довольствомъ (которыя явятся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ возрастающаго дѣйствія предупредительныхъ препятствій), будутъ чистымъ приобрѣтеніемъ для счастья и добродѣтели.

Цѣль настоящаго сочиненія заключается не столько въ предложеніи проектовъ улучшенія, сколько въ томъ, чтобы указать необходимость довольствоваться способомъ улучшенія, предписываемымъ намъ природою, и не противодѣйствовать успѣхамъ, которые явятся слѣдствіемъ этого способа, если ничто не будетъ препятствовать его дѣйствію.

Безъ сомнѣнія, было-бы весьма полезно, чтобы всѣ наши учрежденія и нашъ образъ дѣйствій относительно неимущихъ соотвѣтствовали урокамъ благоразумія, внушаемымъ каждому изъ насъ обыкновеннымъ ходомъ вещей. Поэтому, если съ одной стороны мы иногда принимаемъ на себя обязан-

ность облегчать страданія, назначенныя природою въ видѣ наказанія за неблагоразуміе, то, для установленія справедливаго равновѣсія, намъ слѣдовало-бы, съ другой стороны, усиливать вознагражденіе, посылаемое ею тѣмъ, которые руководствуются въ своихъ поступкахъ благоразуміемъ. Мы много сдѣлали-бы въ этомъ отношеніи, если-бы приступили къ постепенному измѣненію учреждений, прямо поощряющихъ браки и воздержались отъ распространенія учений, находящихся въ прямомъ противорѣчьи съ указапіями природы. Небольшая польза, которую мы можемъ принести, нерѣдко пропадаетъ напрасно, въ слѣдствіе нашихъ честолюбивыхъ желаній оказать большее благо и въ слѣдствіе нашего пристрастія къ какому нибудь плану, который мы считаемъ необходимымъ для достиженія хотя - бы частнаго успѣха. Я льщу себя надеждой, что въ своихъ предложеніяхъ относительно практическаго примѣненія заключающихся въ этомъ сочиненіи рассужденій, я избѣжалъ такой ошибки. Я долженъ напомнить, что, хотя я представилъ только старые факты, освѣтивъ ихъ лишь съ новой точки зрѣнія, хотя я и высказалъ нѣкоторыя надежды на *возможное* улучшеніе, тѣмъ не менѣе я тщательно держался въ сторонѣ отъ *втроятныхъ* улучшеній и способовъ ихъ достиженія.

Уже много разъ въ Англіи предлагалось постепенно отмѣнить существующіе законы о бѣдныхъ, въ слѣдствіе вызываемыхъ ими бѣдствій и боязни чрезъ мѣру обременить ими поземельныхъ собственниковъ. Мысль объ учрежденіи всеобщаго народнаго образованія далеко не нова. Шотландія давно уже испытываетъ благотѣльныя послѣд-

ствія заботливаго образованія. Компетентныя лица согласны въ томъ, что образованіе представляетъ могущественное средство для предупрежденія преступленій*), усовершенствованія производительной промышленности, улучшенія нравовъ и приученія людей къ благоразумному и порядочному поведенію. Вотъ единственная мѣра, которую я рѣшилъ предложить, и я полагаю, что если-бы она была принята въ указанномъ мною видѣ, то принесла-бы бѣднымъ большую пользу. Но если-бы даже ничего подобнаго и не было сдѣлано, то я все-таки не потерялъ-бы надежды на нѣкоторыя частныя улучшенія, которыя явились-бы послѣдствіемъ одного только распространенія здравыхъ понятій по этому вопросу. Если защищаемыя мною воззрѣнія ошибочны, то я искренно желалъ-бы, чтобы они были вполне отвергнуты; но если они справедливы — ихъ значеніе такъ велико, они такъ близко затрагиваютъ счастье всего человѣческаго рода, что невозможно, чтобы рано или поздно они не пробились на свѣтъ, и не получили всеобщаго преобладанія, независимо отъ того, будутъ-ли приложены усилія къ ихъ распространенію.

Среди высшихъ и среднихъ классовъ вліяніе этихъ воззрѣній, я надѣюсь, выразится въ направленіи по вѣрному пути ихъ неослабныхъ усилій къ улучшенію участи неимущихъ и въ указаніи

*) Говардъ нашелъ меньше заключенныхъ въ тюрьмахъ Шотландіи и Швейцаріи, чѣмъ гдѣ либо, и объясняетъ это явленіе лучшимъ образованіемъ въ этихъ странахъ. За все время многолѣтней службы покойнаго Фильдинга въ качествѣ судьи Боустрита, предъ нимъ приведено было всего шесть шотландцевъ. Онъ нерѣдко говорилъ, что большую часть обвиненныхъ въ то же время составляли ирландцы. Прим. автора.

того, что могутъ они сдѣлать и что находится внѣ ихъ власти. Тѣ-же воззрѣнія убѣдятъ высшіе и средніе классы въ томъ, что можно принести много добра, путемъ распространенія здравыхъ понятій, прочнаго образованія и привычекъ къ порядочности, путемъ случайныхъ, разборчивыхъ вспомошествованій, словомъ, путемъ всѣхъ тѣхъ благотворительныхъ мѣръ, которыя благопріятствуютъ усиленію предупредительныхъ препятствій; но безъ этого послѣдняго условія, всякая надежда принести пользу окажется напрасною и всѣ усилія къ тому будутъ безплодны. Въ старыхъ и густонаселенныхъ государствахъ физически невозможно оказать бѣднымъ такое вспомошествованіе, чтобы они могли вступать въ бракъ, когда имъ вздумается, и содержать безбѣдно громадныя семьи. Знакомство съ этими истинами удержитъ богатыхъ людей отъ разрушенія благихъ результатовъ собственныхъ усилій и отъ направленія своей дѣятельности къ безусловно недоступной цѣли; этимъ путемъ оно привлечетъ все ихъ вниманіе къ предметамъ, наиболѣе достойнымъ ихъ милосердія и дастъ имъ возможность принести наибольшую пользу.

Среди бѣдныхъ эти истины окажутъ еще болѣе благотворное вліяніе. *Главная и постоянная причина бѣдности мало или вовсе не зависитъ отъ образа правленія или отъ неравномѣрнаго распредѣленія имущества; не во власти богатыхъ доставить бѣднымъ работу и пропитаніе, поэтому бѣдные, по самой сущности вещей, не имѣютъ права требовать отъ нихъ того и другого.* Эти важныя истины вытекаютъ изъ закона народонаселенія, который, при ясномъ изложеніи, доступенъ самому слабому пониманію.

Поэтому, разъ убѣдившись въ нихъ, низшіе классы выказывали-бы больше терпѣнія въ перенесеніи тягостнаго положенія, въ которомъ они могутъ оказаться. Нужда не вызывала-бы въ нихъ такого негодованія противъ правительства и богатыхъ людей; они не выражали-бы постоянной готовности къ неповиновенію и мятежу, а, получая вспомошествованіе отъ общественнаго учрежденія или частнаго лица, они чувствовали-бы больше признательности и лучше цѣнили-бы его.

Если эти истины современемъ получаютъ всеобщее распространеніе, что вовсе не представляется невѣроятнымъ—низшіе классы народа станутъ болѣе миролюбивы и склонны къ порядку; они не такъ легко будутъ готовы на возмущеніе въ неурожайные годы; ихъ труднѣе будетъ волновать возмутительными книженками, ибо они будутъ понимать, какъ мало зависятъ отъ революціи высота заработной платы и средства для содержанія семьи. Простое знакомство съ этими истинами, хотя-бы онѣ не измѣнили привычки бѣдныхъ рано вступать въ бракъ, можетъ оказать благотворныя послѣдствія также съ политической точки зрѣнія. Однимъ изъ нихъ будетъ то, что высшіе и средніе классы получаютъ возможность постепенно улучшать порядокъ управленія, не боясь больше тѣхъ революціонныхъ насилій, опасеніе которыхъ въ настоящее время грозитъ лишить Европу даже той степени свободы, которая по опыту оказалась возможной и которая давно уже проявляетъ свое благотворное дѣйствіе.

Оглядываясь на положеніе общества въ предшествовавшія намъ эпохи, я съ увѣренностью могу

утверждать, что бѣдствія, причиняемая закономъ народонаселенія, скорѣе уменьшаются, чѣмъ увеличиваются, хотя причина этихъ бѣдствій и не была весьма извѣстна. Слѣдовательно, если мы предаемся надеждѣ, что причина эта разъяснится, то мы въ правѣ ожидать, что и порождаемая ею бѣдствія станутъ все болѣе и болѣе уменьшаться. Возрастаніе населенія, которое будетъ вызвано улучшеніемъ общественныхъ условій, не окажетъ угнетающаго вліянія на прогрессъ, ибо вліяніе это опредѣляется отношеніемъ между численностью населенія и средствами существованія, а никакъ не абсолютнымъ числомъ людей. Мы имѣли уже случай упоминать въ первой части этого сочиненія, что *нерѣдко менѣе всего населенныя страны оказываются болѣе всего обремененными своимъ населеніемъ и болѣе всего страдаютъ отъ вліянія закона народонаселенія.* Весьма вѣроятно, что въ продолженіе послѣдняго столѣтія Европа испытала менѣе голодныхъ годовъ и болѣзней, вызываемыхъ нуждой и нищетой, чѣмъ въ предшествующіе вѣка. Вообще, если относительно бѣдствій, производимыхъ закономъ народонаселенія, будущее и не представляется намъ столь блестящимъ, какъ мы того желали-бы, все же оно не настолько печально и безотрадно, чтобы намъ не оставалось уже никакой надежды на медленныя и постепенныя улучшенія; такая надежда намъ казалась благоразумною до послѣдняго времени, когда неосновательныя преувеличенія стали представлять намъ будущее въ иномъ свѣтѣ. Благодаря законамъ, установившимъ право собственности и управляющимъ всѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ браку, а также чувству эгоизма, съ виду столь

узкому, проявляются стремленія людей къ улучшенію своего положенія и всѣ тѣ благородные успѣхи человѣческой мысли, которые отличаютъ цивилизованную жизнь отъ дикаго состоянія. Точное изслѣдованіе закона народонаселенія убѣждаетъ насъ въ томъ, что мы никогда не минуемъ тѣхъ ступеней, которыя привели насъ къ столь высокому положенію; но тоже изслѣдованіе не доказываетъ, чтобы при помощи тѣхъ-же средствъ мы не могли подняться еще выше. Весьма вѣроятно, что общія основанія общественнаго зданія останутся неизмѣнными. Мы имѣемъ основаніе полагать, что всегда будутъ существовать крупныя собственники и рабочіе; но положеніе каждаго изъ этихъ классовъ и ихъ взаимныя отношенія могутъ быть измѣнены такимъ образомъ, чтобы увеличить гармонию и красоту цѣлаго. Безъ сомнѣнія, было-бы печально, если-бы, въ то время какъ естественныя науки ежедневно раздвигаютъ свои границы, нравственная и политическая философія была обречена на неподвижность или сохранила только слабое вліяніе, неспособное бороться съ препятствіями, порождаемыми единственнымъ враждебнымъ для человѣческаго счастья условіемъ. Какъ-бы ни были громадны препятствія, дѣйствія которыхъ я не старался скрыть, все-же я смѣю думать, что результатъ нашихъ изслѣдованій не даетъ намъ основанія безнадежно покинуть всѣ попытки къ улучшенію. Частное благо, котораго мы можемъ достигнуть, вполне заслуживаетъ нашихъ усилій и достаточно для того, чтобы воодушевить насъ къ наиболѣе полезному направленію нашей дѣятельности. Мы не должны, правда, обольщать

себя надеждою, что прогрессъ счастья и добродѣтели будетъ идти такими-же быстрыми шагами, какъ естественныя науки, успѣхъ которыхъ постоянно возрастаетъ, покрывая блескомъ нашу эпоху. Но мы смѣло можемъ надѣяться, что эти науки прольютъ свой свѣтъ на другія области знаній и окажутъ содѣйствіе тѣмъ улучшеніямъ, которыя составляютъ предметъ нашихъ желаній, если только мы сами не будемъ препятствовать такому исходу.

XV.

КНИГА ПЯТАЯ.

Ученіе, изложенное въ этомъ сочиненіи, не противорѣчитъ законамъ природы; оно имѣетъ въ виду вызвать здоровое и крѣпкое населеніе и размноженіе, не влекущее за собой порока и нищеты.

Въ предисловіи ко второму изданію этого сочиненія я выразилъ надежду, что изложенныя мною подробности вызовутъ возраженія, которыя будутъ способствовать полезному разъясненію предмета. Но, несмотря на то, что мой трудъ обратилъ на себя общественное вниманіе, печатно на него мало возражали, а сдѣланныя нападки представляются не столько опроверженіями, сколько безплоднымъ краснорѣчіемъ и бранью, незаслуживающею никакого отвѣта. Поэтому, мнѣ приходится указать здѣсь на возраженія, которыя были сдѣланы мнѣ въ частныхъ бесѣдахъ. Я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы указать нѣкоторымъ лицамъ ихъ ошибочное пониманіе сущности моихъ мнѣній и прошу людей, не имѣющихъ времени прочесть все сочиненіе, просмотрѣть по крайней мѣрѣ это короткое его изложеніе, а не судить обо мнѣ лишь на основаніи того, что приписываютъ мнѣ другіе.

Первое важное возраженіе, сдѣланное противъ моего ученія, заключается въ томъ, что ученіе это противорѣчитъ первоначальному велѣнію Творца — плодиться, размножаться и населять землю. Тѣ, которые дѣлаютъ мнѣ такое возраженіе, не читали моего сочиненія, или обратили вниманіе лишь на отдѣльныя его мѣста, не уловивъ самой сущности. Я вполне убѣжденъ, что человѣкъ обязанъ повиноваться этому велѣнію Творца и не думаю, чтобы въ моемъ сочиненіи нашелся хотя-бы одинъ періодъ, изъ котораго можно было-бы вывести противоположное заключеніе, если прочитать его внимательно и въ связи съ прочимъ.

Всѣ положительныя заповѣди Творца, подчинены естественнымъ законамъ созданной Имъ природы. Религія и здравый смыслъ не даютъ намъ повода надѣяться на то, что эти законы могутъ быть измѣнены ради облегченія выполненія какой нибудь отдѣльной заповѣди. Если-бы, въ слѣдствіе какого нибудь чуда, человѣкъ могъ существовать безъ пищи, не подлежить сомнѣнію, что земля очень скоро была-бы заселена. Но такъ какъ мы не имѣемъ никакого основанія рассчитывать на такое чудо, то, въ качествѣ разумныхъ существъ, обязанныхъ повиноваться велѣніямъ Творца, мы должны изслѣдовать законы, установленные Имъ относительно размноженія человѣческаго рода. Разсмотрѣніе этихъ законовъ и свидѣтельство нашихъ чувствъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что человѣкъ не можетъ существовать безъ пищи, слѣдовательно, если-бы мы вздумали исполнять заповѣдь Творца, не имѣя средствъ для прокормленія людей, то поступили бы подобно сѣятелю, разбрасывающему сѣмена по до-

рогамъ, межамъ и такимъ мѣстамъ, на которыхъ, по его мнѣнію, они расти не могутъ. Кто лучше выполняетъ благія намѣренія Творца:—тотъ-ли, кто заботливо воздѣлываетъ почву и сѣетъ лишь то, что можетъ созрѣть, или тотъ, кто расточительно разбрасываетъ зерна по невоздѣланной землѣ?

Нужно совершенно не понимать моего ученія для того, чтобы считать меня врагомъ размноженія населенія. Враги, съ которыми я борюсь—это порокъ и нищета. Для того, чтобы ослабить дѣйствіе этихъ грозныхъ противниковъ, я предлагаю установить между населеніемъ и средствами существованія такое отношеніе, которое не вызывало-бы борьбы между ними. Къ тому-же, это отношеніе не зависитъ отъ абсолютной численности населенія и даже, вообще, болѣе неблагоприятно въ мало населенныхъ странахъ. Слѣдующее сравненіе можетъ пролить свѣтъ на этотъ вопросъ. Допустимъ, что мы посовѣтовали арендатору луговъ развести скотъ, такъ какъ это дастъ ему возможность увеличить свой доходъ; всякій согласится, что мы дали ему хорошій совѣтъ. Но если фермеръ, слѣдуя нашему совѣту, увеличитъ количество своего скота до такой степени, что ему нечѣмъ будетъ кормить его, въ слѣдствіе чего скотъ отощаетъ, то фермеръ, разумѣется, поступитъ неправильно и долженъ будетъ винить самого себя. Совѣтуя ему развести скотъ, мы, очевидно, говорили о сытыхъ и здоровыхъ животныхъ, а не о большомъ числѣ больныхъ животныхъ, на которыхъ не найдется покупателя. Въ нашемъ совѣтѣ не было указанія на опредѣленное число; снабдить ферму скотомъ, значить завести такое его количе-

ство, которое соотвѣтствуетъ размѣру данной фермы и плодородію ея почвы, т. е. двумъ ограниченнымъ величинамъ. Фермеръ въ правѣ желать, чтобы абсолютное количество его скота возрастало и къ этому должны быть направлены его усилія. Но нельзя назвать противникомъ размноженія скота того человѣка, который станетъ доказывать фермерамъ, что ихъ усилія будутъ напрасны и даже убыточны, если они начнутъ увеличивать количество своего скота, прежде чѣмъ приведутъ свои земли въ такое состояніе, чтобы онѣ могли прокормить его.

Мои разсужденія совершенно тождественны. Я вѣрю, что цѣль Творца заключается въ томъ, чтобы земля была населена; но я думаю, что Онъ желаетъ, чтобы она заселилась породой здоровой, добродѣтельной и счастливой, а не больной, порочной и несчастной. Если, подъ предлогомъ повиновенія велѣнію плодиться и размножаться, мы населимъ землю послѣднею породой и такимъ образомъ добровольно подвергнемся всевозможнымъ бѣдствіямъ, то лишимся права обвинять въ несправедливости божественную заповѣдь и должны будемъ объяснять свои страданія безрасуднымъ исполненіемъ священнаго закона.

Въ оцѣнкѣ важнаго значенія многочисленнаго и сильнаго населенія, я ничѣмъ не отличаюсь отъ самыхъ горячихъ его защитниковъ. Я готовъ признать, вмѣстѣ съ древними писателями, что могущество государства должно измѣряться не размѣромъ его территоріи, а численностью населенія. Я расхожусь съ этими писателями лишь въ вопросѣ о томъ, какъ получить многочисленное, и при-

томъ сильное и здоровое населеніе. Поддерживаемое мною въ этомъ отношеніи мнѣніе, отличающее меня отъ этихъ писателей, мнѣ кажется, вполне подтверждается свидѣтельствомъ опыта, который представляетъ лучшее испытаніе всякой теоріи.

Дѣйствительно, относительное число браковъ и рожденій въ какой либо странѣ можетъ быть велико, не вызывая этимъ быстро возрастанія населенія; наоборотъ, нерѣдко случается даже, что населеніе въ ней неподвижно, или возрастаетъ съ крайней медленностью. Въ странѣ, гдѣ это происходитъ, населеніе слабо не только въ слѣдствіе нищеты, но и потому еще, что относительное число взрослыхъ людей меньше въ ней, чѣмъ въ странѣ съ быстро-возрастающимъ населеніемъ.

Во многихъ мѣстахъ этого сочиненія я указывалъ на выгодное положеніе страны, получающей необходимое населеніе путемъ возможно меньшаго числа рожденій. Моя главная цѣль заключается въ уменьшеніи смертности для всѣхъ возрастовъ. Я настаиваю на томъ, что для составленія понятія о счастьѣ народа и совершенствѣ его правительства необходимо обращать вниманіе на число умирающихъ до достиженія зрѣлаго возраста, а не на относительное число рождающихся, какъ это обыкновенно дѣлается.

Увѣренный въ томъ, что я ни разу не отступилъ отъ этихъ принциповъ, я не безъ удивленія узналъ, что меня признаютъ противникомъ оспопрививанія, производящаго именно то дѣйствіе, которое я постоянно имѣлъ въ виду. Правда, я утверждалъ, и продолжаю этому вѣрить теперь, что если средства существованія страны не до-

пускаютъ быстро возрастанія населенія (а это не находится въ зависимости отъ оспопрививанія *), то неизбѣжно должно произойти одно изъ двухъ: или увеличеніе смертности отъ какой либо иной причины, или уменьшеніе относительнаго числа рожденій. Но я въ то-же время выразилъ желаніе, чтобы произошло послѣднее; поэтому, на основаніи принциповъ, которые я всегда провозглашалъ, меня нужно признавать, какъ это и есть въ дѣйствительности, ревностнѣйшимъ сторонникомъ оспопрививанія. Дѣлая все, что отъ меня зависитъ для улучшенія благосостоянія немущихъ и уменьшенія среди нихъ смертности, я поступаю совершенно согласно со своими принципами. Тѣмъ, которые полагаютъ, что преслѣдуютъ ту-же цѣль и въ то-же время признаютъ число рожденій и браковъ мѣриломъ народнаго благосостоянія — этимъ людямъ слѣдовало-бы также подумать, не находятся-ли они въ противорѣчій съ самими собою.

Нѣкоторые лица утверждаютъ, что естественныя препятствія къ размноженію населенія совершенно достаточны для того, чтобы всегда сдерживать его въ необходимыхъ границахъ, а потому нѣтъ надобности въ установленіи еще иныхъ препятствій. Одинъ остроумный писатель утверждаетъ даже, что я не представилъ ни одного факта, ни одного доказательства въ подтвержденіе недостаточности тѣхъ препятствій, которые дѣйствуютъ въ настоящее

*) Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что человекъ, предохраненный отъ смерти оспопрививаніемъ, вѣроятно, начнетъ раиѣе производить новыя средства существованія, чѣмъ новорожденный. Смерть ребенка представляется важной потерей труда и пищи. Вообще, несомнѣнно, что всякій предметъ тѣмъ дешевле, чѣмъ больше онъ распространенъ. Прим. автора.

время *). Разумѣется, я не могу ничего возразить противъ такихъ утвержденій. Это такія-же истины, какъ то, что нельзя существовать безъ пищи, ибо, до тѣхъ поръ, пока будетъ дѣйствовать этотъ законъ природы, препятствія, именуемая естественными, не перестанутъ оказывать своего вліянія. Лица, дѣлающія мнѣ указанное выше возраженіе, бесполезно повторяютъ очевидныя истины. Они полагаютъ, кромѣ того, что конечная цѣль моего сочиненія заключается въ томъ, чтобы остановить размноженіе населенія, между тѣмъ, какъ, по моему мнѣнію, нѣтъ ничего желательнѣе быстрого его возрастанія, если только это возрастаніе не влечетъ за собою пороковъ и бѣдствій. Такимъ образомъ, *уменьшеніе пороковъ и бѣдствій является ключною цѣлью моихъ стремленій*, а указанныя мною препятствія къ размноженію должны быть разсматриваемы, какъ средства для достиженія такой цѣли. Въ глазахъ разсудительнаго человѣка, препятствіе, находящееся въ зависимости отъ благоразумія, не менѣе естественно, чѣмъ нищета или преждевременная смерть, которымъ мои противники, повидимому, отдають предпочтеніе. Разумный читатель легко пойметъ и безъ дальнѣйшихъ разъясненій, что можно противопоставить одно препятствіе другому, не только не уменьшая населенія, но даже вызывая непрерывное его возрастаніе **).

*) Я хотѣлъ-бы знать, какіе именно факты имѣть въ виду этотъ писатель. Если-бы я ихъ создалъ, то они, дѣйствительно, казались-бы новыми. **Прим. автора**

***) Норвегія и Швейцарія, въ которыхъ предупредительныя препятствія дѣйствуютъ съ особенной силою, обладаютъ быстро возрастающимъ населеніемъ, сравнительно-же съ ихъ средствами существованія обѣ страны могутъ выставить большее число людей въ воинскомъ возрастѣ, чѣмъ всякая другая европейская страна. **Прим. автора.**

Весьма вѣроятно, что я выразился съ большою надеждою, чѣмъ это допускается опытомъ, относительно возможнаго возрастанія населенія. Я сказалъ, что въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ Англія можетъ въ два или три раза увеличить свое теперешнее населеніе, и тѣмъ не менѣе оно будетъ пользоваться лучшей, чѣмъ въ настоящее время, пищей и одеждой. А въ началѣ этого сочиненія, сравнивая степени возрастанія населенія и средствъ существованія, я предположилъ, ради предупрежденія спора о фактахъ, что произведенія земли могутъ возрастать безгранично, что, конечно, не согласно съ дѣйствительностью. Не странно-ли послѣ этого дѣлалось мнѣ возраженіе, что Англія способна удвоить и даже утроить свое населеніе? Не странно-ли еще, что люди, соглашающіеся съ различной степенью возрастанія, на которой основаны всѣ мои выводы, тѣмъ не менѣе утверждаютъ, что возрастаніе населенія не можетъ повести къ пагубнымъ послѣдствіямъ до тѣхъ поръ, пока земля не откажется отъ дальнѣйшаго произрастанія? Я не знаю, можно-ли найти примѣръ болѣе поразительнаго отсутствія здраваго смысла. Это тоже самое, какъ если-бы фермеръ сказалъ: при хорошей обработкѣ мой участокъ позволяетъ мнѣ ежегодно прибавлять къ моему стаду по четыре головы скота, а потому я не вижу ничего неудобнаго въ томъ, чтобы прибавлять ежегодно по сорока головъ.

Производительная способность земли, конечно, не безпредѣльна, но она, въ точномъ смыслѣ этого слова, неопредѣленна, т. е. не имѣетъ извѣстныхъ намъ и точныхъ границъ. Весьма вѣроятно, что никогда не наступитъ то время, когда труды техни-

ческихъ изобрѣтеній стануть совершенно безсильны увеличить произведенія земли. Но возможность получить нѣкоторый излишекъ пищи, при посредствѣ разумно направленного труда, совсѣмъ не тоже самое, что возможность получить все то количество пищи, которое необходимо для прокормленія постоянно и безпрепятственно возрастающаго населенія. Познанія и техническія усовершенствованія, которыя дали-бы возможность населенію Новой Голандіи воспользоваться всѣми средствами страны, еслибы она была хорошо воздѣлана, по природѣ своей могутъ быть пріобрѣтены лишь исподоволь, медленнымъ и постепеннымъ путемъ. Но, предположивъ даже, что эти познанія и усовершенствованія пріобрѣтены, нельзя не согласиться, что они окажутся рѣшительно недостаточными для прокормленія безгранично размножающагося населенія, какъ я это подробно разъяснилъ въ этомъ сочиненіи. Между тѣмъ страсти, отъ которыхъ зависитъ размноженіе населенія, дѣйствуютъ съ полною силою всюду, не исключая мѣстностей, погруженныхъ въ глубокой мракъ невѣжества и варварства. Нетрудно согласиться, что Новая Голандія населена не столь густо, какъ Китай лишь потому, что ей недостаетъ благодѣтельныхъ учрежденій, оберегающихъ собственность и поощряющихъ промышленность. Но порокъ и нищета одинаково царствуютъ въ обѣихъ странахъ и это происходитъ въ слѣдствіе слишкомъ быстрого размноженія населенія, за которымъ не могутъ поспѣть средства существованія. Впрочемъ, я воздерживаюсь отъ повторенія того, что уже было доказано мною съ достаточною полнотою.

XVI.

О правѣ бѣдныхъ на прокормленіе.

Второе важное возраженіе противъ моихъ принциповъ, вызвано было тѣмъ обстоятельствомъ, что я отрицаю *право* бѣдныхъ содержаться на общественный счетъ.

Люди, дѣлающіе мнѣ это возраженіе, должны доказать, что обѣ установленныя мною прогрессіи или различныя степени возрастанія населенія и средствъ существованія, ошибочны, ибо, если онѣ справедливы, то выводъ, на который они нападаютъ, неоспоримъ. Если признать обѣ прогрессіи правильными, то изъ нихъ вытекаетъ, что, если каждый вступить въ бракъ, когда ему вздумается, то человѣческаго труда не хватитъ для прокормленія всѣхъ рождающихся. А изъ этого, въ свою очередь, неминуемо вытекаетъ, что *право* на прокормленіе не можетъ принадлежать всѣмъ людямъ. Допустимъ на время, что въ какой либо странѣ поземельная собствен-

ность распределена поровну между всеми жителями. Если при этомъ условіи одна половина населенія, побуждаемая благородіемъ, станетъ избѣгать въ своей средѣ размноженія, превышающаго доставляемая землею средства существованія, то она постоянно будетъ пользоваться тѣмъ-же довольствомъ, которымъ пользовалась при началѣ раздѣла. Если, наоборотъ, другая половина населенія усвоитъ привычку вступать въ бракъ тотчасъ по выходѣ изъ юношескаго возраста, когда возникаютъ и сильнѣе всего дѣйствуютъ страсти, то, очевидно, что эта половина населенія впадетъ въ самую безысходную нищету. Спрашивается: на какомъ законномъ или справедливомъ основаніи можетъ эта половина установить свое право рассчитывать на малѣйшую часть принадлежащей другой половинѣ населенія собственности, которая была приобрѣтена благороднымъ воздержаніемъ? Испытываемая этими безразсудными людьми нужда есть слѣдствіе ихъ собственнаго легкомыслія и невѣжества. Самый путь, который привелъ ихъ къ нуждѣ, показываетъ, что, если признать ихъ притязанія и сложить съ нихъ часть заслуженныхъ ими бѣдствій, то вскорѣ все общество будетъ вовлечено въ такую-же гибель. Добровольныя и случайныя вспомошествованія со стороны богатыхъ людей не мѣшаютъ бѣднымъ пользоваться суровыми уроками природы, когда такая помощь дается съ разборомъ. Что-же касается *права*, то защищать его не представляется возможнымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано, что размноженіе населенія въ Америкѣ представляетъ сверхъестественное явленіе, независящее отъ легкости, съ которою можно добыть въ ней средства суще-

ствованія *). Въ дѣйствительности, что-бы ни было по этому вопросу выставлено бесплоднымъ краснорѣчіемъ, наше поведеніе, въ сущности, всегда доказываетъ, что этого воображаемаго права вовсе не существуетъ. Если-бы бѣдные имѣли право содержаться на счетъ общества, ни одинъ человѣкъ не могъ-бы безъ нарушенія справедливости носить платье изъ хорошаго сукна и удовлетворять свой голодъ мясомъ. Тѣ, которые защищаютъ это право и въ тоже время ѣздятъ въ экипажахъ; живутъ въ изобиліи, даже кормятъ лошадей на землѣ, которая могла-бы служить для прокормленія людей,— по моему мнѣнію находятся въ противорѣчій съ собственными принципами. Возьмемъ какой нибудь примѣръ, не заботясь о послѣдствіяхъ, которыя могутъ отсюда пронстечь, и мы увидимъ, что Годвинъ разсуждаетъ съ гораздо большею послѣдовательностью. Не полезнѣ-ли отдать кусокъ баранины, предназначенный для моего обѣда, бѣдному рабоче-

*) Утверждаютъ, что я написалъ большое сочиненіе лишь для того, чтобы доказать, что населеніе размножается въ геометрической прогрессіи, а средства существованія возрастаютъ въ арифметической. Это несправедливо. Первое изъ этихъ положеній казалось мнѣ несомнѣннымъ, какъ только была доказана степень размноженія въ Америкѣ, а второе совѣмъ не требовало доказательства. Главная дѣль моего сочиненія заключается въ изслѣдованіи послѣдствій, которыя неизбѣжно должны пронстекать, и дѣйствительно пронстекли среди человѣческихъ обществъ изъ этихъ, изложенныхъ на первыхъ страницахъ, законовъ. Это предметъ, который не легко исчерпать. Подробности, въ которыя я долженъ былъ вѣдаться, имѣють тотъ недостатокъ, что не отличаются частнымъ характеромъ. Но въ этомъ отношеніи я не сумѣлъ сдѣлать ничего лучшаго. Конечно, съ точки зрѣнія философскихъ воззрѣній, было-бы весьма интересно узнать точное вліяніе каждаго изъ препятствій, задерживающихъ размноженіе населенія, но при современномъ состояніи нашихъ познаній, я не видѣлъ никакой возможности привести болѣе точныя указанія. Прим. автора.

му, который въ теченіи цѣлой недѣли не ѣлъ мяса? Не лучше-ли отдать его семьѣ, не имѣющей чѣмъ утолить свой голодъ? Если-бы эти потребности, по природѣ своей, не возникали, по мѣрѣ ихъ удовлетворенія, то, безъ сомнѣнія, было-бы весьма полезно удовлетворить ихъ, и я не колеблясь призналъ-бы право тѣхъ, которые испытываютъ эти потребности. Но такъ какъ опытъ и умозрѣніе неотразимо доказываютъ, что признаніе права увеличило-бы потребности до такой степени, что не было-бы возможности ихъ удовлетворить, и такъ какъ попытка осуществить такой образъ дѣйствій неизбѣжно повергла-бы родъ человѣческій въ самую ужасающую нищету, то очевидно, что наше поведеніе, безмолвно отрицающее подобное право, болѣе согласно съ законами нашей природы, чѣмъ бесплодное краснорѣчіе, отстаивающее его существованіе.

Творецъ міра, по чрезвычайной своей мудрости, проявляющейся во всѣхъ Его твореніяхъ, не хотѣлъ, чтобы такой важный законъ былъ подчиненъ холоднымъ заключеніямъ систематическаго и умозрительнаго мышленія; поэтому Онъ вложилъ въ насъ страсть сильнѣйшую, чѣмъ простое благоволеніе. Любовь къ себѣ самому властно и неотразимо предписываетъ каждому изъ насъ образъ дѣйствій, котораго мы должны держаться и который одинъ только способенъ обезпечить сохраненіе и благоденствіе породы. Если-бы существованіе всего рождающагося было всегда обезпечено, то всеблагой Творецъ, несомнѣнно, внушилъ-бы намъ такое-же сильное стремленіе помогать ближнимъ, съ какимъ мы заботимся о собственномъ существованіи. Но наше положеніе требуетъ, чтобы мы забо-

тились преимущественно объ удовлетвореніи собственныхъ нуждъ. Достоиню вниманія, что стремленіе удовлетворить потребности другихъ людей становится дѣятельнѣе, по мѣрѣ суженія той сферы, которой мы являемся средоточіемъ, т.-е. по мѣрѣ того, какъ наша помощь можетъ быть лучше приложена. Такъ, напримѣръ, любовь родителей къ дѣтямъ почти граничитъ съ ихъ любовью къ самимъ себѣ; за исключеніемъ немногихъ, рѣдкихъ случаевъ, послѣдній кусокъ хлѣба дѣлится поровну между всѣми членами семьи.

Этотъ благодѣтельный инстинктъ побуждаетъ самыхъ невѣжественныхъ людей трудиться для общей пользы,—обстоятельство, которое не могло-бы имѣть мѣста, если-бы главною побудительною причиною ихъ поступковъ было благотвореніе. Чтобы оно могло быть сильной и постоянной побудительною причиною нашихъ поступковъ и неизмѣнной основой нашего поведенія, для этого необходимо было-бы, чтобы мы были вполнѣ знакомы со всѣми причинами и ихъ слѣдствіями, а такое знакомство свойственно лишь Божеству. Руководствуясь однимъ лишь чувствомъ благотворенія, такое ограниченное существо, какъ человѣкъ, неминуемо впадо-бы въ ошибки и возмутило-бы окружающій его порядокъ: изобиліе уступило-бы мѣсто нуждѣ, а воздѣланныя, плодородныя земли—безплоднымъ пустынямъ.

Но если при современномъ положеніи вещей благотвореніе не можетъ служить главною побудительною причиною нашихъ поступковъ, оно тѣмъ не менѣе крайне необходимо для нашего благополучія, какъ средство для смягченія бѣдствій, при-

чиняемых болѣе сильной страстью. Благотворительность служить утѣшеніемъ и очарованіемъ жизни, источникомъ самыхъ возвышенныхъ стремленій къ добродѣтели, и самымъ чистымъ, пріятнѣйшимъ наслажденіемъ. Въ той системѣ общихъ законовъ, которой, повидимому, слѣдовалъ Творецъ, такая всеобщая и сильная страсть, какъ любовь къ себѣ, должна была-бы вызвать множество частныхъ бѣдствій. Назначеніе чувства благоволенія къ людямъ заключается въ томъ, чтобы воспрепятствовать этой страсти выродиться въ эгоизмъ*), въ пробужденіи въ насъ такого сочувствія къ страданіямъ и удовольствіямъ нашихъ ближнихъ, при которомъ мы могли-бы перечувствовать, хотя-бы въ слабѣйшей степени, эти страданія и удовольствія; въ способности представить себя въ положеніи другихъ людей, понять ихъ нужды и приложить старанія къ тому, чтобы удовлетворить эти нужды; наконецъ, въ постоянномъ напоминаніи намъ, что мы обязаны стремиться къ изобилію не только ради личной выгоды, но и для достиженія общаго благосостоянія. При всякомъ общественномъ положеніи, этой добродѣтели открыто широкое поприще. Чѣмъ выше общественное положеніе человѣка, чѣмъ болѣе онъ усовершенствовалъ свои познанія и добродѣтель, тѣмъ шире становится его способность творить добро и тѣмъ ограниченнѣе дѣлаются его собственныя потребно-

*) Слѣдуетъ неизмѣнно отличать эгоизмъ отъ любви къ самому себѣ, которая, проявляясь въ должныхъ границахъ, есть начало всякаго честнаго труда, а слѣдовательно, всѣхъ благъ, доставляемыхъ при посредствѣ труда, всѣхъ средствъ для удовлетворенія нужды и для увеличенія жизненныхъ удобствъ. Перейдя эти границы, тоже самое чувство становится безполезнымъ и вызываетъ лишь отвращеніе. Съ этой минуты оно дѣлается порочнымъ. **Прим. автора.**

сти. На самыхъ высокиихъ ступеняхъ, соединенныхъ съ наибольшимъ влияніемъ, это благородное чувство должно получить наибольшую силу, должно сдѣлаться главнымъ двигателемъ всѣхъ общественныхъ учрежденій. Хотя иногда приходится сомнѣваться въ томъ, приняла-ли благотворительность лучший путь для доставленія обществу пользы, но никогда не можетъ возникнуть опасенія по поводу распространенія этой добродѣтели. Самосохраненіе такъ глубоко вкоренено въ насъ, что не можетъ быть ослаблено никакими ученіями. Поэтому проповѣдь въ пользу укрѣпленія болѣе слабого чувства должна быть признана полезною, въ особенности, если мы остережемся возможныхъ въ этомъ случаѣ злоупотребленій.

Англійскій законъ, устанавливающій право бѣдныхъ на пропитаніе, конечно, не составляетъ еще полного признанія естественнаго права. Это отличіе, въ связи со многими другими причинами, зависящими отъ способа примѣненія закона, отчасти предохранили общество отъ его вредныхъ послѣдствій. Тѣмъ не менѣе онъ представляетъ до извѣстной степени признаніе этого права и съ этой точки зрѣнія онъ принесъ вредъ, усвоивъ бѣднымъ извѣстныя привычки и, вообще, повліявъ на ихъ характеръ. На этомъ основаніи я предложилъ прекътъ постепенной отмѣны налога въ пользу бѣдныхъ. Этотъ проектъ, какъ и слѣдовало ожидать, не всѣми былъ принятъ съ одинаковою благосклонностью. Я понимаю сдѣланное мнѣ возраженіе, что право бѣдныхъ на прокормленіе было признаваемо долгое время, а потому отмѣна налога могла-бы вызвать сильное неудовольствіе.

Поэтому я присоединяюсь къ мнѣнію, что необходима крайняя осторожность, дабы отстранить это неудобство и не возбуждать общественнаго мнѣнія. Но я рѣшительно не понимаю такъ часто приводимаго замѣчанія, что бѣдные станутъ болѣе недовольны и мятежны, какъ только убѣдятся, что не имѣютъ никакого права на пособіе. Я могу составить себѣ понятіе объ ихъ чувствахъ, лишь поставивъ себя мысленно на ихъ мѣсто и вообразивъ то, что самъ я испыталъ-бы при такихъ условіяхъ. Если-бы мнѣ сказали, что по естественнымъ законамъ, а также по законамъ, установленнымъ въ той странѣ, гдѣ я живу, богатые обязаны кормить меня, то во первыхъ, я не почувствовалъ-бы особенной благодарности за оказываемое мнѣ благодѣяніе, а во вторыхъ, если-бы меня, безъ всякой, на мой взглядъ, необходимости, стали кормить худшей пищей, чѣмъ та, къ которой я привыкъ, то я считалъ-бы себя въ правѣ жаловаться. Такъ какъ нельзя предположить, что я согласился-бы съ тѣмъ, что ухудшеніе моего содержанія вызывается необходимостью, то я, вѣроятно, подумалъ-бы, что законъ относительно меня нарушенъ, что со мною поступаютъ несправедливо и что мое право поправлено. Меня, разумѣется, станутъ держать въ повиновеніи и силой воспрепятствуютъ проявленію моей злобы и открытому сопротивленію; но я всегда оправдаю подобные поступки, если проявленіе ихъ окажется возможнымъ; причиненная же мнѣ обида поставитъ меня въ самыя непріязненныя отношенія къ высшимъ классамъ общества. И дѣйствительно, я не знаю ничего, что могло-бы до такой степени раздражить сердце человѣка, какъ

нужда, въ которой онъ винить не себя самого, не естественные законы, а скупость и несправедливость людей, занимающихъ высокое общественное положеніе. Всякому извѣстно, что законы о бѣдныхъ и щедрая благотворительность не мѣшаютъ Англій испытывать нерѣдко самую тяжелую нужду.

Наоборотъ, если я глубоко убѣжденъ, что законы природы, или, иными словами, божескіе законы, не даютъ мнѣ *никакого права* на полученіе вспоможенія, то я буду всегда чувствовать необходимость вести умѣренную и трудолюбивую жизнь. Но если, не взирая на мое благоразуміе, меня постигнетъ нужда, я буду относиться къ этому несчастью такъ, какъ обыкновенно относятся къ болѣзни, т.-е. какъ къ слѣдствію естественнаго порядка вещей, къ испытанію, которое я обязанъ переносить съ твердостью, если я не въ силахъ былъ избѣгнуть его. Я буду сознавать, что лучшимъ оправданіемъ передъ милосердными и добрыми людьми послужить для меня то обстоятельство, что я не заслужилъ своей участи лѣностью или безразсудствомъ. При этихъ условіяхъ, оказанныя мнѣ благодѣянія внушатъ мнѣ самыя признательныя чувства къ высшимъ классамъ общества. И если даже полученныя вспоможенія не доставятъ мнѣ того удовольствія, къ которому я привыкъ, я не буду думать, что со мною поступили несправедливо, но, напротивъ, буду питать признательность къ давшимъ это вспоможеніе. Сознавая, что въ этомъ отношеніи я не могу предъявить никакого права, я ничѣмъ не смогу оправдать сопротивленія, развѣ только страхомъ голодной смерти, которая опрокидываетъ всѣ препятствія и отрицаетъ всѣ принципы.

Если-бы немущіе въ Англіи убѣдились вполне, что не имѣютъ никакого права требовать отъ общества для себя пропитанія, то, въ томъ случаѣ, когда, въ слѣдствіе неурожая или чрезвычайной нужды, имъ была-бы оказана великодушная помощь (а я увѣренъ, что это непременно случилось-бы), это послужило-бы къ установленію болѣе тѣсной, чѣмъ въ настоящее время, связи между богатыми и бѣдными, и низшіе классы общества, имѣя меньше дѣйствительныхъ поводовъ къ негодованію и неудовольствію, предавались-бы рѣже вреднымъ и тягостнымъ волненіямъ.

Юнгъ, возставая противъ моего мнѣнія о *миломъ правѣ* бѣдныхъ на пропитаніе и содержаніе, называетъ мой проектъ отмѣны законодательства о бѣдныхъ — *ужасною мѣрою*. Онъ противопоставляетъ этому проекту свой собственный, заключающійся въ опредѣленіи разъ навсегда неизмѣнной суммы, собираемой налогомъ въ пользу бѣдныхъ. Такимъ образомъ, при осуществленіи предложенной имъ мѣры, если нужда бѣдныхъ усилится въ десять разъ, въ слѣдствіе-ли ихъ размноженія или въ слѣдствіе частыхъ неурожаевъ, для облегченія ихъ положенія будетъ употреблена таже самая сумма, которая будетъ установлена въ настоящее время, слѣдовательно къ жестокости современнаго законодательства о бѣдныхъ, оставляющаго ихъ на произволъ голодной смерти, прибавится еще лицемѣрное признаніе обязанности ихъ содержать. Достойно вниманія, что Юнгъ разоблачилъ такую-же ошибку, сдѣланную во Франціи*).

*) Французское Національное Собраніе, отвергнувъ англійскіе законы о бѣдныхъ, въ тоже время признало принципъ, послужившій имъ основаніемъ, а именно — что бѣдные имѣютъ право на денежное

Юнгъ признаетъ, что его проектъ примѣнимъ только къ извѣстному числу семействъ и безсиленъ при ихъ значительномъ размноженіи. Но такое заявленіе равносильно признанію, что проектъ не разрѣшаетъ вопроса объ улучшеніи положенія бѣдныхъ. Что-же касается упрека въ томъ, что я не признаю *права* бѣдныхъ на пропитаніе, то Юнгъ впоследствии приходитъ къ такому-же заключенію и сознается, „что благоразуміе требовало-бы смотрѣть на бѣдность, причиняемую возрастающимъ населеніемъ, какъ на бѣдствіе, предупредить которое нѣтъ никакой физической возможности“. Но вѣдь единственная причина, на основаніи которой я отрицаю *право* бѣдныхъ на содержаніе, заключается именно въ невозможности удовлетворить потребности возрастающаго населенія.

Хотя облегченіе страданій ограниченнаго числа неимущихъ не составляетъ разрѣшенія общаго вопроса, тѣмъ не менѣе я ни разу въ этомъ сочиненіи не упомянулъ, чтобы наша обязанность не состояла въ облегченіи этихъ страданій, всѣми зависящими отъ насъ средствами. Но наша огра-

вспоможеніе. Собраніе признало главнѣйшею и священнѣйшею своею обязанностью учрежденіе необходимаго фонда, для чего постановило откладывать ежегодно по 50 милліоновъ. На это Юнгъ, весьма основательно, замѣчаетъ, что непонятно, почему расходованіе на этотъ предметъ 50 милліоновъ можетъ считаться священнѣйшею обязанностью и почему размѣръ вспоможенія не опредѣленъ въ 100 милліоновъ, если это потребуется необходимостью, или въ 200, 300 и больше милліоновъ, согласно тому, какъ налогъ возросталъ въ Англій. Я не указалъ-бы на это противорѣчіе, если-бы видѣлъ, что Юнгъ обратился отъ заблужденія на путь истины; но такъ какъ онъ, наоборотъ, перемѣнилъ впоследствии истину на заблужденіе, то, мнѣ кажется, я въ правѣ напомнить ему его прежнія мнѣнія. Человѣку порочному умѣстно напомнить его прежнее добродѣтельное поведеніе, но бесполезно и даже неумѣстно напомнить добродѣтельному человѣку его прежнія заблужденія. *Прим. автора.*

ниченна возможность помочь нѣсколькимъ людямъ никоимъ образомъ не можетъ установить всеобщаго права. Если бѣднымъ дѣйствительно принадлежитъ естественное право содержаться на общественный счетъ и если современные законы лишь подтверждаютъ это право, то оно должно, безъ всякаго ограниченія, простираться на всѣхъ нуждающихся. Такимъ образомъ осуществленіе проекта Юнга было-бы явно несправедливостью.

Я особенно настаиваю на безусловной справедливости слѣдующаго положенія: *въ странѣ, средства которой не позволяютъ населенію непрерывно возрастать быстрее, чѣмъ оно возрастаетъ въ настоящее время, нельзя достигнуть такого улучшенія, какъ уменьшеніе смертности, не уменьшая въ тоже время числа рожденій.* Я говорю это въ томъ предположеніи, что эмиграція изъ страны не увеличивается въ слѣдствіе какого нибудь особеннаго обстоятельства*). Если это положеніе справедливо, то неизбѣжный выводъ изъ него таковъ: такъ какъ проектъ Юнга имѣетъ цѣлью улучшить положеніе бѣдныхъ, которые при этомъ получаютъ возможность воспитывать больше, чѣмъ въ настоящее время, дѣтей, то, очевидно, свободныя вспомоствованія будутъ рѣдки, сравнительно съ чис-

*) См. объ эмиграціи стр. 49. Особенныя обстоятельства, вѣзавшія въ горной Шотландіи эмиграцію, не могутъ часто встрѣчаться, да это и не желательно. Но при отсутствіи такихъ обстоятельствъ, люди не легко рѣшаются покинуть родину; они скорѣе согласятся на перенесеніе множества страданій, чѣмъ рискнуть на переселеніе въ отдаленныя страны. Я думаю, что обязанность и выгода правительства состоятъ въ облегченіи эмиграцій, но, разумѣется, несправедливо было-бы принуждать людей покидать страну, въ которой они живутъ и разрывать связи, соединяющія ихъ съ отечествомъ и близкими людьми. **Прим. автора.**

ломъ сонскателей, а потому вступленіе въ бракъ неминуемо должно будетъ отсрочиваться возможно дольше.

Говоря о брачномъ возрастѣ, я вовсе не имѣю въ виду назначать опредѣленные годы, ибо это вещь относительная. Во Франціи вступаютъ въ бракъ раньше, чѣмъ въ современной Англии, а въ послѣдней позже, чѣмъ это дѣлалось до революціи (1688 г.). Я увѣренъ, что достигнутое увеличеніе продолжительности жизни произошло именно въ слѣдствіе этихъ болѣе позднихъ браковъ. Тѣмъ не менѣе, я не считаю возможнымъ опредѣлять нормальный возрастъ для вступленія въ бракъ. Единственное ясное, вѣрное и общепонятное правило, на которомъ необходимо настаивать, состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ, вступающій въ бракъ, питалъ увѣренность, что будетъ имѣть возможность содержать семью. Если обладаніе котэджемъ, по проекту Юнга, будетъ достаточнымъ для этой цѣли, то работникъ хорошо поступитъ, если женится, какъ только получитъ такой котэджъ. Но если онъ думаетъ иначе, или если его заработокъ не позволяетъ ему содержать больше двухъ дѣтей, какимъ образомъ Юнгъ рѣшится посоветовать ему вступить въ бракъ?

Юнгъ говорить, что необходимымъ условіемъ успѣха моего проекта является безусловное цѣломудріе холостыхъ людей. Но онъ неправильно истолковываетъ мою мысль. Безусловная добродѣтель, конечно, необходима для устраненія *всякаго дѣйствія*, какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ. Но кто-же можетъ надѣяться на водвореніе въ этой жизни совершенной добродѣтели? Я утверж-

даю, что мы обязаны воздерживаться отъ брака, до пріобрѣтенія извѣстнаго достатка и точно также обязаны избѣгать порочныхъ страстей. Но я ни разу не высказалъ надежды на то, что обѣ эти обязанности будутъ строго выполнены, а тѣмъ болѣе, что обѣ онѣ будутъ выполнены одновременно. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, можетъ произойти, что нарушеніе одной обязанности облегчитъ соблюденіе другой. Но если мы можемъ исполнить обѣ предписанныя намъ обязанности, не принося одну въ жертву другой, то я не знаю, что можетъ оправдать насъ, въ случаѣ ихъ нарушенія. Право это принадлежитъ одному Богу; въ своей мудрости онъ взвѣситъ искушеніе и грѣхъ и смягчитъ свой справедливый приговоръ безконечнымъ милосердіемъ. Моралисту надлежитъ указать обѣ обязанности, но каждому человѣку должна быть предоставлена свобода поступать сообразно дѣйствующимъ на него искушеніямъ и внушеніямъ собственной совѣсти. Я постоянно имѣлъ въ виду человѣка, каковъ онъ есть, со всеми его слабостями. Съ этой точки зрѣнія, а также считая несомнѣннымъ, что размноженіе населенія должно сдерживаться какимъ либо противодѣйствующимъ препятствіемъ, я, безъ колебаній, утверждаю, что *благоразумное воздержаніе отъ легкомысленныхъ браковъ представляетъ препятствіе къ размноженію, заслуживающее предпочтенія предъ преждевременною смертію.*

Дѣйствительно, всякій разъ, какъ нравственныя мѣропріятія способствовали развитію въ населеніи большей предусмотрительности, трудолюбія и самоуваженія, — отношеніе числа браковъ къ населенію

постоянно уменьшалось, а это доказываетъ, что улучшение нравственности не находится въ зависимости отъ увеличенія искушеній со стороны какого либо опредѣленнаго порока. Приведенные ранѣе примѣры Норвегіи, Швейцаріи, Англии и Шотландіи, въ свою очередь, доказываютъ, что порокъ, о которомъ идетъ рѣчь, отнюдь не болѣе распространенъ тамъ, гдѣ меньше относительное число браковъ и роженій ко всему населенію. Этимъ правиломъ долженъ руководствоваться законодатель, ибо, не имѣя точныхъ свѣдѣній о томъ, въ какой мѣрѣ соблюдается холостыми людьми цѣломудріе, ему приходится основывать свои сужденія на общихъ результатахъ.

Единственное, дѣйствительно сильное и общее возраженіе, которое по моему мнѣнію можно мнѣ сдѣлать, должно быть направлено не противъ изложенныхъ мною принциповъ, а противъ ихъ приложения. Всѣ мои соображенія и представленные факты доказываютъ, что для улучшения положенія бѣдныхъ, *необходимо уменьшеніе относительнаго числа роженій*. Но такое уменьшеніе достижимо лишь при болѣе совершенномъ порядкѣ управленія и соотвѣтственныхъ привычкахъ населенія. Поэтому, для достиженія моей похвальной и желательной цѣли, нѣтъ необходимости въ распространеніи новыхъ воззрѣній, противорѣчащихъ предразсудкамъ бѣдныхъ классовъ, тѣмъ болѣе, что нѣтъ возможности опредѣлить съ точностью послѣдствія этихъ воззрѣній. Та-же цѣль можетъ быть достигнута улучшеніемъ основъ гражданскаго управленія, всеобщимъ распространеніемъ благодѣяній просвѣщенія и уравниемъ тѣхъ преимуществъ, которыми всѣ могутъ и должны пользоваться. Достигнувъ этого,

можно быть увѣреннымъ, что имѣвшіеся въ виду результаты не замедлятъ проявиться, т. е. произойдетъ уменьшеніе числа рожденій, которое одно только можетъ укрѣпить пріобрѣтенныя выгоды и дать имъ непрерывное существованіе.

Я признаю силу и значеніе этого возраженія, на которое могу дать одинъ только отвѣтъ. Трудно предположить, чтобы наше движеніе къ предположенной цѣли не могло быть ускорено всеобщимъ ознакомленіемъ съ тѣми условіями, которыя препятствуютъ ея достиженію. Лично я надѣюсь, что, хорошо ознакомившись съ дѣйствительнымъ своимъ положеніемъ, низшіе классы станутъ согласовать съ нимъ свои привычки. Если, притомъ, эта перемѣна совершится медленно и постепенно, подъ непрерывнымъ вліяніемъ хорошаго нравственнаго и религіознаго воспитанія, я не думаю, чтобы она могла вызвать какія либо опасенія. Я отказываюсь вѣрить, чтобы всеобщее распространеніе истины могло быть предосудительно. Конечно, можно себѣ представить нѣкоторые случаи, когда такія опасенія имѣютъ мѣсто, но случаи эти весьма рѣдки и признавать ихъ должно съ крайнею осторожностью. При существованіи сомнѣнія въ томъ, что всякое распространеніе истины полезно, люди не стали-бы страстно преслѣдовать ее, а это причинило-бы вредъ интересамъ науки и добродѣтели.

Эти чувства одушевляли меня въ моемъ стремленіи изложить откровенно мои мысли по этому поводу. Я настолько убѣжденъ въ справедливости изложенныхъ въ этомъ трудѣ принциповъ, что, пока мнѣ не приведутъ иныхъ возраженій, кромѣ представляемыхъ до настоящаго времени, я буду считать эти принципы вполне доказанными.

Что-же касается приложенія ихъ, то въ этомъ отношеніи мнѣнія могутъ расходиться, такъ какъ съ различныхъ точекъ зрѣнія могутъ представиться опасенія, которыя каждый можетъ истолковать по своему. Но каково-бы ни было мнѣніе относительно пользы или неудобства распространенія истинъ, касающихся участи бѣдныхъ, нельзя отрицать того обстоятельства, что въ высшей степени полезно ознакомиться съ этими истинами тѣмъ людямъ, которые устанавлпвають законы и оказываютъ вліяніе на общественныя учрежденія. Весьма вѣроятно, что было-бы неудобно разъяснять всѣмъ солдатамъ арміи подробности ихъ положенія; но я не думаю, чтобы было полезно оставлять въ такомъ-же невѣдѣніи на этотъ счетъ также ихъ генераловъ.

Если вполнѣ доказано, что уменьшеніе относительнаго числа рожденій*) является единственнымъ способомъ для постояннаго улучшенія здоровья и благосостоянія всей массы населенія; если это уменьшеніе въ то же время представляется единственнымъ способомъ для поддержанія той части населенія, которая состоитъ изъ взрослыхъ и общаетъ во всѣхъ отношеніяхъ больше пользы для общества; если, поэтому, это уменьшеніе есть единственное средство вызвать постоянное возрастаніе дѣйствительно полезнаго населенія, — то, безъ сомнѣнія, въ высшей степени важно, чтобы такія истины стали всѣмъ извѣстны, хотя-бы для того, чтобы мы не

*) Я долженъ повторить здѣсь, что уменьшеніе *относительнаго* числа рожденій можетъ легко сопровождаться постояннымъ возрастаніемъ абсолютной цифры населенія. Это именно имѣло мѣсто въ теченіи послѣднихъ четьрехъ лѣтъ въ Англіи и Шотландіи.

препятствовали этому уменьшенію, если мы не можемъ оказать ему непосредственнаго содѣйствія**). Если нельзя надѣяться на отмѣну англійскихъ законовъ о бѣдныхъ, то не нужно, по крайней мѣрѣ, сомнѣваться въ томъ, что было-бы весьма полезно ознакомить всѣхъ съ общими принципами, уничтожившими усилія тѣхъ, которые изъ чувства чело-вѣколюбія ввели эти законы, ибо знакомство съ этими принципами способно указать полезныя измѣненія въ законодательствѣ о бѣдныхъ и лучшіе способы для осуществленія этихъ измѣненій.

*) Не нужно забывать, что всякая страна можетъ испытать недостатокъ въ людяхъ или въ слѣдствіе какихъ нибудь чрезвычайныхъ потерь, или въ слѣдствіе неожиданнаго спроса на нихъ; но это несколько не опровергаетъ установленнаго нами принципа. Какъ-бы ни было сильно стремленіе народа къ размноженію, очевидно, что чрезвычайное населеніе не можетъ появиться въ короткій промежутокъ времени; но если-бы даже дѣло шло о достиженіи такой цѣли, условія, уменьшающія смертность, оказали бы не только болѣе прочное, но и болѣе быстрое дѣйствіе, чѣмъ прямое поощреніе браковъ. Число рожденій можетъ возрастать, какъ это, дѣйствительно, и бываетъ, не сопровождаясь увеличеніемъ всего населенія. При неизмѣнномъ-же числѣ рожденій, невозможно, чтобы уменьшеніе смертности не сопровождалось возрастаніемъ всего населенія. Въ этомъ отношеніи легко можетъ вестись заблужденіе то обстоятельство, что въ благоденствующихъ странахъ существуетъ постоянное требованіе на трудъ; но нужно замѣтить, что въ странахъ, которыя могутъ только поддерживать на неизмѣнномъ уровнѣ численность своего населенія, заработной платы должно хватать на содержаніе цѣлой семьи, состоящей изъ опредѣленнаго числа лицъ; холостой работникъ въ этихъ странахъ получаетъ нѣкоторый излишекъ, а спросъ на трудъ въ нихъ постоянно устанавливаетъ цѣну, достаточную для существованія одинокаго челоуѣка. Нельзя получить двойное количество рабочихъ по существующей заработной платѣ, ибо предложеніе обуславливаетъ спросъ, также какъ спросъ опредѣляетъ предложеніе. Расширеніе хлопчатобумажной промышленности произошло не въ слѣдствіе чрезвычайнаго увеличенія спроса по прежнимъ цѣнамъ, а въ слѣдствіе усиленнаго предложенія по болѣе дешевымъ цѣнамъ, которыя неизбѣжно вызвали болѣе болѣе цѣны. А такъ какъ ни при какомъ промышленномъ улучшеніи нельзя имѣть рабочихъ по шести пенсовъ въ день, то по необходимости приходится подчиниться тѣмъ условіямъ, на которыхъ можно ихъ получить. Прим. автора.

Мнѣ предстоитъ устранить еще одно затрудненіе. Правда, въ этомъ случаѣ дѣло идетъ не столько объ опроверженіи разсужденія, сколько о предупрежденіи чувства. Многія лица, изъ числа тѣхъ, которыя не считаютъ нужнымъ приводить въ соотвѣтствіе свои мнѣнія и вкусы, утверждаютъ, что изложенные въ этомъ сочиненіи принципы кажутся имъ неопровержимыми, но это именно печалитъ ихъ. Имъ представляется, что мое ученіе разстилаетъ надъ природою мрачное покрывало и не оставляетъ мѣста тѣмъ надеждамъ на улучшеніе и усовершенствованіе, которыя скрашиваютъ человѣческую жизнь. Я не могу раздѣлять подобныхъ чувствъ. Если-бы картина прошлаго давала мнѣ право надѣяться, что существенное улучшеніе общественнаго строя не только возможно, но хотя-бы вѣроятно, то разрушеніе этихъ надеждъ, безъ сомнѣнія, опечалило-бы меня. Но если, напротивъ, опытъ прошлаго не позволяетъ мнѣ разсчитывать на такое улучшеніе, то я безъ всякой печали взгляну на неразрывно связанное съ нашей природою затрудненіе, съ которымъ приходится вести постоянную борьбу, такъ какъ эта борьба возбуждаетъ энергію человѣка, развиваетъ его способности, закаляетъ душу, улучшаетъ его во многихъ отношеніяхъ, словомъ, является въ высшей степени пригодной для его испытанія. Гораздо лучше установить такой взглядъ на положеніе общества, чѣмъ увѣрять себя, что всѣ бѣдствія легко могли-бы быть устранены изъ нашей жизни, если-бъ испорченность людей, вліяющихъ на общественныя учрежденія, не искажала всякія полезныя начинанія.

Люди, придерживающіеся послѣдняго мнѣнія, не-

избѣжно должны ощущать чувство постоянного недовольства и негодованія, такъ какъ при всякомъ столкновеніи съ дѣйствительною жизнью имъ приходится испытывать горькое разочарованіе. Даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, правильный прогрессъ общества будетъ имъ казаться медленнымъ и недостаточнымъ, ибо ихъ предубѣжденные глаза увидятъ въ этомъ прогрессѣ лишь ретроградное движеніе и безвыходное несчастье; перемены, которыхъ они прежде добивались, покажутся имъ связанными со множествомъ бѣдствій; среди постоянныхъ разочарованій они увидятъ во всемъ лишь преступныя побужденія и, быть-можетъ, окончательно потеряютъ вѣру въ какія-бы то ни было улучшенія.

Человѣкъ, придерживающійся противоположнаго мнѣнія, не испытываетъ разочарованія, потому что не предается напраснымъ надеждамъ. Сравненіе различныхъ состояній общества показываетъ ему, что самыя лучшія изъ нихъ способны къ улучшенію, и это пробуждаетъ въ немъ бодрость. Но онъ предвидитъ и затрудненія. Онъ знаетъ, что стремленіе къ улучшенію часто сопровождается какой-нибудь потерей въ другомъ отношеніи, и что прогрессъ не всегда охватываетъ все стороны общественной жизни, — поэтому онъ всегда приготовленъ къ тому, что лучшія его ожиданія рушатся. Въ этомъ случаѣ онъ не только не впадаетъ въ отчаяніе, но старается воспользоваться своею неудачею, какъ полезнымъ опытомъ; такимъ образомъ его энергія не ослабѣваетъ, но принимаетъ лучшее направленіе. Онъ до конца жизни вѣритъ какъ въ могущество добродѣтели, такъ и въ существованіе порока и не покидаетъ надежды на будущія общественныя улуч-

шенія. Эта надежда внушена ему исторіей прошедшихъ временъ, несмотря на то, что она такъ часто была смѣшеніемъ печальныхъ событій.

Если невѣжество есть благо, то нѣтъ надобности въ просвѣщеніи. Но если оно, какъ въ данномъ случаѣ, опасно, если ложныя возрѣнія на общественный порядокъ не только задерживаютъ прогрессъ, но еще жестоко обманываютъ наши надежды,—то мнѣ кажется, что чувства и ожиданія, внушаемая здравымъ взглядомъ на будущее, являются источникомъ утѣшенія и что люди, обладающіе этимъ здравымъ взглядомъ, болѣе счастливы и болѣе участвуютъ въ усовершенствованіи и упроченіи благосостоянія общества, чѣмъ если-бъ они отвернулись отъ истины.

XVII.

Опроверженіе возраженій *).

Со времени обнародованія послѣдняго изданія моей книги въ 1807 г., появилось сочиненіе Вейланда „Законы народонаселенія и производства“, написанное съ цѣлью опроверженія моихъ принциповъ. Я съ удовольствіемъ предоставилъ-бы рѣшеніе затронутаго мною вопроса самимъ читателямъ и воздержался-бы отъ личнаго участія въ преніяхъ; но такъ какъ я заявилъ, что готовъ отвѣчать на всякое серьезное и искреннее возраженіе, то считаю своимъ долгомъ разсмотрѣть названное сочиненіе.

Трудъ Вейланда имѣетъ въ виду строго обозначенную цѣль. Хотя въ подробностяхъ авторъ поставленъ иногда въ необходимость соглашаться съ моими воззрѣніями на препятствія, поддерживающія численность населенія на уровнѣ средствъ существованія, и хотя всѣ приведенныя имъ причины, объясняющія медленное возрастаніе населенія ци-

*) Эта глава, написанная авторомъ въ 1817 г., приведена съ сокращеніями.

визированныхъ обществъ, вполне подходятъ подъ одно изъ трехъ указанныхъ мною главныхъ препятствій, тѣмъ не менѣе онъ начинаетъ съ отрицанія моихъ принциповъ и кончаетъ выводами, прямо противоположными моимъ заключеніямъ. Положивъ совершенно правильно мои главные основанія и дѣлаемые изъ нихъ выводы, онъ говоритъ: „принявъ послышки, очевидно, нельзя отрицать вытекающія изъ нихъ слѣдствія“. Я ничего иного не въ правѣ требовать. Если мнѣ будетъ доказано, что мои послышки не опираются на прочныя основанія, я готовъ отказаться отъ слѣдствій, которыя я вывелъ изъ нихъ.

Вейландъ говоритъ: „заблужденія и ошибочныя воззрѣнія на законъ народонаселенія, повидимому, произошли въ слѣдствіе того, что за естественное, или даже вообще возможное, размноженіе населенія принято самое быстрое, какое только можетъ случиться при нѣкоторыхъ исключительныхъ условіяхъ, а всякое замедленіе такого размноженія рассматривается, какъ слѣдствіе препятствія, останавливающаго естественный ростъ населенія. Это все равно, какъ если-бы для опредѣленія нормальнаго роста людей мы приняли ростъ великана, и называли-бы препятствіями тѣ условія, которыя не дозволяютъ всѣмъ людямъ достигнуть такой величины“.

Этотъ примѣръ неудаченъ. Желая изобразить стени размноженія населенія въ видѣ различныхъ величинъ человѣческаго роста, Вейланду нужно было построить сравненіе слѣдующимъ образомъ: замѣчено, что въ какой нибудь странѣ большинство людей усвоило привычку постоянно носить на головѣ тяжесть. При этомъ замѣчено, что ростъ

этихъ людей находится въ зависимости отъ размѣра тяжести: съ уменьшеніемъ тяжести увеличивается ростъ, а немногія лица, совсѣмъ не носящія на головѣ тяжести, превосходятъ всѣхъ остальныхъ своимъ ростомъ. Не въ правѣ-ли мы сдѣлать изъ этого наблюденія тотъ выводъ, что тяжесть была причиною небольшого роста людей, носившихъ ее, и что высокій ростъ людей, неносившихъ никакой тяжести на головѣ, представляетъ истинную мѣру того естественнаго роста, котораго могли-бы достигнуть и всѣ остальные люди, если-бы ничто не препятствовало этому?

Что поражаетъ насъ въ наблюдаемомъ въ различныхъ странахъ размноженіи населенія? Не находимъ-ли мы, что всюду естественное стремленіе къ размноженію останавливается однимъ изъ трехъ препятствій: самообузданіемъ, порокомъ или нищетою, и что размноженіе совершается быстрѣе или медленнѣе, смотря по возрастающему или убывающему вліянію этихъ препятствій? Что именно этою причиною объясняется различная быстрота размноженія въ Испаніи, Франціи, Англии, Ирландіи, Россіи, въ американскихъ владѣніяхъ Испаніи, Сѣверо-американскихъ Штатахъ? Не видимъ-ли мы, что неподвижное или слабо-возрастающее населеніе начинаетъ вдругъ быстро размножаться, какъ только внезапный спросъ на трудъ даетъ возможность низшимъ классамъ населенія получить необходимыя средства къ существованію съ меньшими затрудненіями? Не видимъ-ли мы, наконецъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ или отдѣльныхъ мѣстностяхъ, гдѣ средства къ жизни дешевы, гдѣ можно безъ особенныхъ затрудненій содержать семью, а, слѣ-

довательно, безъ опасеній вступать въ браки, — размноженіе населенія идетъ наиболѣе быстрыми шагами, обгоняя прочія мѣстности, не находящіяся въ такихъ благоприятныхъ условіяхъ?

Къ этимъ поразительнымъ и многочисленнымъ фактамъ необходимо еще прибавить, что ни теорія, ни опытъ не показываютъ ослабленія или искаженія плодородія вмѣстѣ съ развитіемъ общества и что въ такой странѣ, какъ Сѣверная Америка, не отличающейся особенно здоровымъ климатомъ, населеніе возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, а средства существованія распределяются съ большею равномерностью. Послѣ всего этого не въ правѣ-ли мы заключить, что затрудненія, вызываемыя содержаніемъ семьи и послѣдствія этихъ затрудненій — самообузданіе, пороки и нищета, — являются истинными причинами неодинаковаго размноженія населенія въ различныхъ странахъ? Не въ правѣ-ли мы по аналогіи предположить, что размноженіе населенія въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ не только не представляется необыкновеннымъ и неестественнымъ по своимъ размѣрамъ, но, наоборотъ, во всей Европѣ, быть можетъ, не найдется ни одной страны, въ которой населеніе не могло-бы точно также, и даже быстрѣе возрастать, если-бы въ ней браки заключались въ столь-же раннемъ возрастѣ и если-бы средства для содержанія семьи были столь-же обильны, а занятія рабочихъ классовъ — столь-же здоровы?

Вейландъ прибѣгаетъ и къ другимъ сравненіямъ. Онъ утверждаетъ, что *физическое стремленіе* цивилизованнаго народа къ удваиванію своего населенія въ двадцатипятилѣтній періодъ исчезаетъ также

несомнѣнно, какъ „исчезаетъ способность боба подымать свой стебель, когда ростъ его прекратился“; что основываться на продолжительности и силѣ такого *стремленія*, это тоже самое, что принять пустой призракъ за основаніе для теоріи, „которая не можетъ быть подтверждена наблюдениемъ и находится въ противорѣчій съ фактами. Подобной теоріи можно довѣрять въ такой-же мѣрѣ, какъ расчету генерала, который, основываясь на одной лишь возможности существованія пушки съ дальностью боя, въ двое превышающей разстояніе, на которое способны стрѣлять его собственныя орудія, надѣялся-бы уничтожить непріятеля съ недоступнаго разстоянія“.

Я не знаю, кто изъ насъ двоихъ ошибся на счетъ дальности пушечнаго выстрѣла, т.-е. на счетъ дѣйствительнаго возрастанія населенія въ различныхъ странахъ и какимъ образомъ можно примѣнить ко мнѣ ошибку генерала. Употребляя сравненіе Вейланда, мои разсужденія представляются въ слѣдующемъ видѣ: наблюдая за дальностью полета ядеръ, выпущенныхъ изъ пушекъ одинаковаго калибра и при одинаковомъ зарядѣ, и найдя въ этой дальности большое различіе, я сталъ отыскивать причину такого явленія; замѣтивъ на пути полета препятствія, и найдя, что дальность была тѣмъ больше, чѣмъ слабѣе были препятствія, я счелъ себя въ правѣ сдѣлать на основаніи умозрѣнія и опыта заключеніе, что *естественное стремленіе* ядеръ одинаково, но дальность полета измѣняется въ зависимости отъ препятствія. Такое заключеніе представляется мнѣ болѣе правильнымъ, чѣмъ попытка приписать колебанія въ дальности

полета ядеръ какому-то таинственному измѣненію въ силѣ, когда орудія одинаковы во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ.

Не останавливаясь болѣе на этихъ сравненіяхъ, приводимыхъ для разъясненія различной величины возрастанія населенія въ различныхъ странахъ, замѣтимъ лишь, что пока человѣку для существованія будетъ необходима пища, до тѣхъ поръ неизменно будутъ проявляться эти различія, обусловленные истощеніемъ средствъ существованія. Дѣлать изъ различной степени размноженія тотъ выводъ, что „населеніе *имѣетъ естественное стремленіе* удерживать себя на уровнѣ средствъ существованія, доставляемыхъ землею во всякую эпоху его существованія“, — это то же, что сказать о человѣкѣ, заключенномъ въ темницу, будто онъ обладаетъ *естественнымъ стремленіемъ* къ тюремной жизни, или что стѣсненыя со всѣхъ сторонъ сосны въ густыхъ лѣсахъ Норвегіи не имѣютъ *естественнаго стремленія* пускаться вѣтвей. Тѣмъ не менѣе таково именно главное положеніе Вейланда, на которое опирается все его сочиненіе.

Хотя Вейландъ не доказалъ, что существуютъ границы для *естественнаго стремленія* населенія къ размноженію, и не представилъ ни одного аргумента для подтвержденія вѣроятности, что, при отсутствіи вліянія самообузданія, порока и нищеты, населеніе въ тысячу миллионовъ можетъ также легко удвоиться въ теченіи двадцати пяти лѣтъ, какъ и населеніе въ тысячу человѣкъ, — тѣмъ не менѣе, необходимо согласиться, что часть приведеннаго имъ противъ меня возраженія могла-бы имѣть значеніе при извѣстныхъ условіяхъ, а по-

тому, не опровергая моихъ возрѣній, могла - бы измѣнить дѣлаемая изъ нихъ заключенія.

Возраженіе это формулируется слѣдующими словами: раздѣленіе труда, являющееся слѣдствіемъ успѣховъ цивилизаціи, въ особенности въ странахъ, отличающихся плодородной почвой и высокимъ развитіемъ, земледѣльческой техники, можетъ направить въ города къ нездоровымъ занятіямъ такую значительную часть населенія, что препятствія къ его размноженію окажутся слишкомъ сильными, и ихъ нельзя будетъ парализовать изобиліемъ продовольствія. Такой случай, дѣйствительно, возможенъ, а потому практической вопросъ, заслуживающій вниманія въ моемъ спорѣ съ Вейландомъ, состоитъ въ слѣдующемъ: нужно - ли смотрѣть, подобно мнѣ, на эти случаи, какъ на рѣдкое исключеніе, или, соглашаясь съ Вейландомъ, можно принять ихъ за нормальный порядокъ вещей, свойственный всѣмъ послѣдовательнымъ періодамъ существованія человѣческихъ обществъ? При обоихъ предположеніяхъ населеніе будетъ сдержано однимъ изъ указанныхъ мною трехъ препятствій, но нравственное и общественное значеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ будетъ различно: при первомъ предположеніи, нравственное самообузданіе будетъ полезно и болѣе всего необходимою добродѣтелью, при второмъ—оно, наоборотъ, будетъ менѣе всего полезно и необходимо.

Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ прошедшимъ опытомъ. Вейландъ, повидимому, основываетъ свое мнѣніе на разсмотрѣніи общественныхъ условій одной только Англійи и этого одного обстоятельства достаточно для опроверженія его теоріи. Онъ при-

водитъ множество цифръ для доказательства того, что рожденія съ трудомъ удовлетворяють требованіямъ городовъ и фабрикъ. У того, кто сталь-бы руководствоваться этими вычисленіями, могла-бы явиться тревога и опасеніе относительно предстоящаго быстрого обезлюденія страны и во всякомъ случаѣ, сложилась-бы увѣренность, что мы находимся на границѣ того непроизрожденія, которое, по мнѣнію Вейланда, разомъ останавливаетъ естественное возрастаніе населенія, еще до наступленія времени, когда прекратилось-бы возрастаніе средствъ существованія.

Эти вычисленія сдѣланы на основаніи наблюденій надъ довольно отдаленной отъ насъ эпохою, а потому они были примѣнимы двадцать лѣтъ тому назадъ въ такой-же мѣрѣ, какъ и теперь. Что-же, однако, произошло въ теченіи этихъ двадцати лѣтъ? Несмотря на увеличеніе городовъ, чрезвычайное развитіе фабрикъ и относительнаго количества занятыхъ на нихъ рабочихъ, несмотря на необыкновенное требованіе людей для пополненія арміи и флота, словомъ, несмотря на осуществленіе такого порядка вещей, который, по теоріи Вейланда, давно уже долженъ былъ вызвать въ Англій непроизрожденіе, ея населеніе возрасло въ болѣе сильной степени, чѣмъ когда-бы то ни было. Въ десятилѣтіе съ 1800 по 1811 годъ населеніе Англій увеличивалось въ такой прогрессіи, которая обуславливаетъ удвоеніе въ двадцатипятилѣтній періодъ.

Мнѣ кажется, что этотъ фактъ служитъ явнымъ опроверженіемъ теоріи, будто, по мѣрѣ развитія общества, обращеніе къ браку и смертность въ

городахъ и на фабрикахъ возрастаютъ въ такой степени, что оказываютъ постоянное преобладаніе надъ силой, стремящейся увеличить населеніе, или, говоря словами Вейланда, что „населеніе не только не отличается пагубнымъ стремленіемъ достигать до уровня средствъ существованія, но, наоборотъ, приближается къ нему съ чрезвычайной медленностью.

При неоспоримомъ существованіи приведенныхъ выше фактовъ, а также того, что даже въ періодъ такого возрастанія населенія, множество людей въ городахъ и селахъ вынуждено было замедлить вступленіе въ бракъ изъ-за неимѣнія средствъ для содержанія семей, помимо приходскихъ вспоможеній, — при существованіи подобныхъ фактовъ трудно понять, какъ можетъ здравомыслящій человѣкъ запутаться въ лабиринтъ, ошибочныхъ вычисленій и придти къ заключенію, которое такъ явно противорѣчитъ наблюденію.

Приведенные факты, въ приложеніи даже къ самымъ цивилизованнымъ европейскимъ обществамъ, доказываютъ, что препятствія для размноженія населенія вытекаютъ главнымъ образомъ изъ недостаточности средствъ существованія и что препятствія эти ослабѣваютъ при возрастаніи средствъ существованія, несмотря на увеличеніе городовъ и числа фабрикъ. Такой доводъ несомнѣнно и безповоротно рѣшаетъ спорный предметъ, но, рассматривая столь общій и обширный предметъ, какъ законъ народонаселенія, не слѣдуетъ ограничиваться примѣрами одной только страны.

Если мы взглянемъ на примѣръ другихъ странъ, то мнѣніе Вейланда окажется еще болѣе шаткимъ.

Развѣ города и фабрики Швейцаріи, Норвегіи, Швеціи являются могилами человѣческаго рода и предупреждаютъ всякую возможность избыточнаго населенія? Въ Швеціи сельское населеніе относится къ городскому, какъ 13 : 1, а въ Англии, какъ 2 : 1 и тѣмъ не менѣе населеніе возрастаетъ быстрѣе въ послѣдней. Какъ-же согласить подобный фактъ съ утверженіемъ, что успѣхи цивилизаціи постоянно сопровождаются соответственнымъ ослабленіемъ естественнаго стремленія къ размноженію? Норвегія, Швеція и Швейцарія управлялись довольно удовлетворительно, а между тѣмъ мы не замѣчаемъ въ нихъ тѣхъ „предупредительныхъ измѣненій“, которыя, по словамъ Вейланда, обнаруживаются въ каждомъ обществѣ, по мѣрѣ истощенія почвы, и которыя „отвращаютъ многихъ людей отъ брака и дѣлаютъ все большее число людей неспособными къ пополненію убывающаго населенія“. Что-же отвращаетъ въ этихъ странахъ отъ вступленія въ бракъ, какъ не отсутствіе средствъ для содержанія семьи? Что дѣлаетъ людей, вступившихъ въ бракъ, неспособными къ пополненію убывающаго населенія, какъ не болѣзни, происходящія отъ бѣдности и недостатка средствъ существованія? Если размышленіе надъ состояніемъ этихъ, и многихъ другихъ странъ доказываетъ, что свободное заключеніе раннихъ браковъ неминуемо влечетъ за собою увеличеніе смертности, являющейся слѣдствіемъ нищеты, то въ правѣ-ли мы утверждать, что нѣтъ никакого нравственнаго основанія сдерживать такіе ранніе браки? Когда намъ извѣстно, что во многихъ, а можетъ быть даже во всѣхъ, европейскихъ странахъ заработная

плата недостаточна для содержанія многочисленнаго семейства въ здоровомъ состояннн, то какъ можемъ мы утверждать, что населеніе не достигло еще крайнихъ предѣловъ и что „бѣдствія, порождаемыя избыточнымъ населеніемъ, могутъ проявиться только въ странѣ, населенной до той крайней степени, выше которой не могутъ уже возрасти ея средства существованія“?

Можно подумать, что Вейландъ диктовалъ свое сочиненіе, закрывъ глаза и заткнувъ уши. Я питаю глубокое уваженіе къ его намѣреніямъ и личности, но долженъ сознаться, что никогда еще мнѣ не приходилось встрѣтить теорію, въ такой мѣрѣ расходящуюся съ наблюденіемъ.

Одного бѣглаго взгляда на состояніе различныхъ европейскихъ странъ достаточно, чтобы при всевозможныхъ практическихъ примѣненіяхъ не забывать того, что *естественное-стремленіе* населенія къ размноженію представляетъ неизмѣнную величину, а дѣйствительное размноженіе опредѣляется переменными условіями и средствами каждой страны для содержанія труда, независимо отъ того, какой бы степени развитія эта страна ни достигла, признается ли она земледѣльческой или промышленной, много-ли въ ней городовъ или нѣтъ. Это дѣйствительное размноженіе, т. е. истинныя границы населенія, должно постоянно находиться гораздо ниже наибольшаго предѣла производительной силы земли, дающей средства для продовольствія. Это послѣднее условіе вытекаетъ во первыхъ изъ того, что мы не въ правѣ предположить, чтобы искусство и трудолюбіе людей въ современномъ обществѣ могли получить *возможно* лучшее примѣненіе

для увеличенія этой производительности; во вторыхъ изъ того, что *наибольшее* производство питательныхъ веществъ не можетъ быть достигнуто при системѣ частной собственности, какъ я это объяснилъ ранѣе. Очевидно, что эти условія оказываютъ вліяніе лишь на дѣйствительное количество добываемой пищи и на дѣйствительное число людей и не имѣютъ никакого, даже отдаленнаго отношенія къ *естественному стремленію* населенія, превышающему способность земли доставить необходимое пропитаніе.

Что касается приводимыхъ Вейландомъ и многими другими писателями примѣровъ, что въ дѣйствительности возрастаніе населенія предшествуетъ увеличенію продовольствія, то они, по моему мнѣнію, подтверждаютъ то ученіе, противъ котораго направлены. Опасеніе, чтобы возрастающее населеніе не умерло голодной смертью*), въ томъ случаѣ, когда ему не предшествовало увеличеніе количества пищи, было многими подвергнуто осмѣянію, при чемъ его сравнивали съ опасеніемъ, какъ бы люди не остались нагими, если не будетъ заготовлена одежда, до появленія ихъ на свѣтъ. Если еще можно спорить противъ опасенія въ первомъ случаѣ, то во второмъ—основательность его не можетъ быть подвергнута сомнѣнію; по крайней мѣрѣ люди всегда поступали согласно съ этимъ мнѣніемъ. Въ предстоящіе 24 часа въ Англіи и княжествѣ Валійскомъ родится около 800 дѣтей; смѣю увѣрить моихъ противниковъ, что изъ числа

*) Этого, впрочемъ, я не говорилъ. Я сказалъ, что благосостояніе такого населенія должно склониться къ упадку и подтверждаю справедливость этого положенія. *Прим. автора.*

Этихъ, имѣющихъ появиться на свѣтъ дѣтей, едва-ли только одному изъ десяти не заготовлена одежда до его рожденія. Если опасно брать въ руки оружіе, не умѣя владѣть имъ, то не менѣе опасно прибѣгать къ примѣрамъ, не умѣя ихъ примѣнить. Въ такихъ случаяхъ примѣры чаще всего доказываютъ противоположное тому, что желаешь доказать.

XVIII.

З а к л ю ч е н і е.

Въ двухъ главахъ, о нравственномъ обузданіи и о вліяніи его на общество, я имѣлъ въ виду показать, что бѣдствія, причиняемая закономъ народонаселенія, по своей природѣ совершенно сходны съ бѣдствіями, порождаемыми излишествами во всѣхъ другихъ страстяхъ, и что изъ существованія этихъ бѣдствій мы имѣемъ не больше основаній заключить, что законъ народонаселенія противорѣчитъ намѣреніямъ Творца, чѣмъ если-бы изъ существованія пороковъ, порождаемыхъ человѣческими страстями, мы вывели необходимость искорененія страстей, вмѣсто того, чтобы поучиться возможно лучше управлять ими.

Если эта точка зрѣнія справедлива, то изъ нее вытекаетъ, что, несмотря на признанныя бѣдствія, порождаемая закономъ народонаселенія, онъ и при настоящемъ нашемъ положеніи долженъ приносить больше пользы, чѣмъ вреда.

Въ этихъ главахъ я вкратцѣ очертилъ эти выгоды, насколько позволялъ планъ моего сочиненія.

Тотъ-же вопросъ въ послѣднее время былъ искусно развитъ въ прекрасномъ сочиненіи Сумнера; я счастливъ, что могу рекомендовать тѣмъ изъ моихъ читателей, которые захотятъ ближе познакомиться съ предметомъ, едва намѣченнымъ мною, обратиться къ этому подробному и отлично изложенному сочиненію.

Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе Сумнера о выгодахъ, представляемыхъ закономъ народонаселенія; я также глубоко убѣжденъ въ томъ, что естественное стремленіе людей размножаться быстрѣе, чѣмъ могутъ возрастая средства существованія, не можетъ быть ни искоренено, ни значительно ослаблено, безъ одновременнаго искорененія нашей надежды на возвышеніе и страха передъ униженіемъ, т. е. такихъ чувствъ, которыя болѣе всего необходимы для развитія человѣческихъ способностей и увеличенія общественнаго благополучія. Но, питая это убѣжденіе, я отнюдь не имѣю намѣренія измѣнить свои воззрѣнія на причиняемая закономъ народонаселенія бѣдствія. Для того, чтобы быть вознагражденными добромъ, этимъ *бѣдствіямъ* не зачѣмъ мѣнять ни своего названія, ни своей сущности. Смотрѣть на нихъ иначе и не называть ихъ бѣдствіями было-бы столь-же неблагоразумно, какъ бояться наименовать порочнымъ чрезмѣрное излишество во всякой другой страсти или думать, что, если слѣдствіемъ такого излишества является несчастье, такъ это происходитъ именно потому, что сама страсть составляетъ источникъ счастья и добродѣтели.

Я всегда думалъ, что законъ народонаселенія, болѣе всякаго другого, пригоденъ для нашего ис-

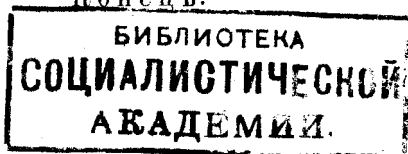
правленія и испытанія. И дѣйствительно, изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ законовъ природы, онъ полнѣе другихъ подтверждаетъ изображенное въ Священномъ Писаніи воззрѣніе на назначеніе нашей земной жизни. Такъ какъ, слѣдуя путемъ добродѣтели и внушеніямъ разума, человѣкъ можетъ избѣгнуть вредныхъ для него и для общества послѣдствій закона народонаселенія, то необходимо признать, что въ этомъ великомъ законѣ природы вполне осуществились намѣренія Творца.

Поэтому я былъ удивленъ и огорченъ тѣмъ, что большинство возраженій противъ моего сочиненія исходило отъ лицъ, нравственный и релігіозный характеръ которыхъ постоянно вызывалъ чувство моего глубочайшаго уваженія и сочувствіе которыхъ мнѣ было-бы особенно дорого. Это отношеніе къ моему сочиненію было вызвано нѣкоторыми моими выраженіями, казавшимися слишкомъ жесткими и неснисходительными къ нашимъ естественнымъ слабостямъ и къ чувствамъ, связаннымъ съ христіанскимъ милосердіемъ.

Весьма возможно, что, найдя мукъ слишкомъ сокрушительныхъ въ одну сторону, я чрезмѣрно перегнулъ его въ другую, изъ желанія выпрямить его. Но я всегда готовъ исключить изъ моего сочиненія все то, что, по мнѣнію свѣдущихъ цѣнителей, противорѣчитъ моей цѣли или мѣшаетъ распространенію истины. Изъ уваженія къ этимъ лицамъ я уже исключилъ нѣкоторыя мѣста, наиболѣе дававшія поводъ къ возраженіямъ; такія исправленія въ особенности коснулись настоящаго изданія. Я льщу себя надеждой, что эти измѣненія улучшили мое сочиненіе, не измѣнивъ его основаній. Но, до этихъ

измѣненій, какъ и послѣ нихъ, я полагаю, всякій, безпристрасный читатель долженъ признать, что, несмотря на возможные ошибки, *практическая цель*, которую преслѣдовалъ авторъ этого сочиненія, состояла въ *улучшеніи участи и увеличеніи счастья низшихъ классовъ общества.*

Конецъ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ

<i>страница</i>	<i>строка</i>	<i>напечатано</i>	<i>слѣдуетъ</i>
14	16	признать	признать
43	1	Αενquiry	Αη inquiry
45	18	природы	природѣ
88	23	обязанность	въ обязанность
99	19	самаго	самого
106	16	всеобщеніе	всеобщее
109	23	представленъ	предоставленъ
126	3	отмѣты	отмѣны
131	26	уваженіе	уваженія
143	19	хорошее	хорошее
146	3	ее	ея
185	1 (прим.)	теологія	теологии
212	4	правъ	право
